

БИБЛИОТЕЧКА
ЮНОГО
ЛЕНИНЦА

Е. Кошечкина

ПОВЕСТЬ О СЫНЕ

Е. Кошечая

ПОВЕСТЬ О СЫНЕ

ЛЕНИЗДАТ • 1973

Елена Николаевна Кошечкина — мать Героя Советского Союза, руководителя подпольной группы «Молодая гвардия», рассказывает в книге о детстве и школьных годах своего сына и его товарищей, включившихся во всенародную борьбу с фашистскими захватчиками.

**Юным пионерам
нашей Родины
посвящается
эта книга**

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Цвела сирень. Белые гроздья заглядывали в открытое окно моей комнаты. Это было 8 июня 1926 года в Прилуках, на Черниговщине. В этот день у меня родился сын...

Прилуки — шумный и веселый украинский город. Он стоит на берегу извилистой и живописной речки Удай. На картах эта река не помечена, но моя память сохранила ее навсегда.

Не раз мы бродили с сыном по шелковым травам левад Удая, перебирались на другой берег, заглядывали в зеркальную воду, смотрели, как играли рыбы, собирали на лугах цветы, сплетали из них венки...

Как сейчас помню день рождения моего сына. Солнечный свет весело переливался на листьях деревьев, тени мелькали на потолке и стенах комнаты. Громко щебетали птицы. Я не сводила глаз со своего первенца.

Мне очень хотелось, чтобы у меня родился мальчик, чтоб он был красивый, чтоб у него были длинные, мягкие волосы. Я даже заранее приготовила гребешок.

Так и случилось. У сына оказались пушистые, как лен, длинные волосы.

С мужем мы решили: родится мальчик — назовем Алексеем, а если девочка — Светланой. Родился сын, да еще такой большущий.

Старенький врач спросил:

— Как назовете сына?

— Алексей, — ответила я.

— О нет, — шутливо запротестовал врач, — не подходит! Такому бутузу и имя нужно богатырское!

Я стала вспоминать всяческих богатырей и остановилась на одном из нашей истории — на Олеге. Отцу понравилось это имя. Зато дедушка и бабушка никак не могли к нему привыкнуть.

Им казалось, что Олегом зовут только взрослого человека, а как же называть внучонка? И они придумали для него имя: Олежек.

„САМ НАШЕЛСЯ“

Сын рос чубатеньким и здоровым. Я не помню случая, чтоб когда-нибудь ночью он разбудил меня своим плачем. Не раз говорил мне дедушка Олег — Федосий Осипович Кошевой:

— Четырнадцать детей у меня было, но такого спокойного, как твой Олег, — ни одного.

Посторонний человек, приходя к нам в дом, и не догадывался, что у нас есть маленький.

К концу года Олег начал ходить. Не волновал он нас и болезнями. Воспитывать его было легко, весело и радостно, и в семье были счастье и покой.

Крепкий и порывистый, мальчик рано начал пробовать делать все сам. Я не мешала. Когда Олег начал ходить, он, как всякий ребенок, поначалу спотыкался и падал. Но я не бросалась поднимать его. Пусть встанет на ноги и сам идет дальше.

Сына никогда не пугали ни волками, ни другими страшными зверями, он не чувствовал беспричинного страха и охотно оставался один в квартире.

Бывало, я нарочно отошлю его в темную комнату за игрушкой. Он доверчиво и смело идет туда, шарит ручками по полу и обязательно найдет игрушку.

Часто и много гуляли мы с сыном летом в поле. Вот мостик через ручей. Я говорю:

— Иди, Олег!

Сама не спускаю глаз и иду сзади. Жидкий мостик покачивается над водой. А Олег, спокойно и не оглядываясь, шагает один.

Как-то, возвращаясь из лесу, шли мы с Олегом берегом реки. Олег нес корзиночку с ягодами и все поглядывал под ноги — не найдется ли еще ягодка. Вот он что-то увидел, побежал, споткнулся и упал. Ягоды рассыпались, а корзинка откатилась в грязную лужицу. Я вымыла корзинку в реке, собрала в нее ягоды и вернула Олегу.

— Придешь домой, поставишь корзинку на солнышко, — сказала я.

Дома Олег долго бродил, растерянно ища, куда бы поставить корзинку. Потом вдруг подошел ко мне и расплакался:

— А как я на солнышко ее поставлю?

После, в разговоре с сыном, я всегда следила за своей речью.

Когда Олегу не было еще и трех лет, он как-то спросил дедушку Федосия Осиповича:

— Почему мама не пускает меня одного в сад?

— Да ты еще маленький. Сад далеко. Вдруг заблудишься?

— Вот я и хочу заблудиться.

— А что делать станешь, если заблудишься?

— Дом наш искать, — ответил Олег.

— Ну, тогда иди, если уж ты такой храбрый.

Торопясь, Олег ушел, но за ним на расстоянии последовал дедушка.

В саду, в песке, играли ребяташки. Олег — к ним. Так прошел час. Тут Олег, наверно, вспомнил, что он

один, и побежал домой. Бежал, бежал, а дома все нет. Тогда он остановился и заплакал. К нему подошла женщина:

— Почему ты плачешь? Ты чей?

— Я немножко заблудился, — глотая слезы, ответил сын, — маму зовут Елена Николаевна, бабушку — Вера Васильевна, дедушку — Федосий Осипович, папу — Василий Федосьевич, а я сам — Олег Кошевой.

— Ну, пойдем домой. Я знаю Кошевых, — ответила женщина.

Тут дедушка вышел из своего укрытия. Олег бросился к нему.

— Ну как, заблудился? — улыбнулся дед.

— Я сначала заблудился, а потом нашелся, — ответил сын. — Дедушка, я сам нашелся! Ты видел, да?

МАТРОСКА

Олег рос послушным, сговорчивым мальчиком, но детские капризы были свойственны и ему. Иногда он пытался настаивать на своем, но никто из нас не уступал ему. Казалось бы, ребенок маленький, ничего не понимает — как же можно ему не уступить? Лишь бы только не плакал. Но мы позволяли Олегу только то, что считали нужным, полезным для него.

С первого же дня, как Олег стал держать ложку и вилку, я старалась приучать его правильно пользоваться ими.

Учила его, как нужно сидеть, как вообще вести себя за столом.

Но более всего я старалась внушить Олегу быть правдивым и честным, сознательно относиться к правде и к неправде. Я говорила сыну:

— Ошибку я тебе всегда прощу, неправду — никогда.

С малых лет Олег был правдивым во всем. Он не обманывал нас в мелочах, не обманул никого и в большом, когда пришлось ему в страшной борьбе с врагом отдать свою жизнь за Родину...

Мне хотелось, чтоб мой сын был отзывчивым ко всему хорошему, что есть в человеке, чутким к добру и правде, чтобы он внимательно относился к своим товарищам. С самых малых лет старались мы приучить Олега ценить дружбу, быть в обращении с товарищами скромным и сердечным.

Однажды я сшила сыну к Первому мая два новых костюма: простой и матроску. Матроска Олегу очень понравилась. Вдруг он подошел ко мне, потянул за рукав и тихо сказал:

— У меня два костюма, а у Гриши — ни одного. Мама, давай подарим Грише... матроску!

С Гришей Олег целыми днями играл в саду. У Гриши не было отца, мать болела. Жилось им трудно.

Я молча завернула матроску в бумагу, и Олег, счастливый, побежал к своему маленькому товарищу. За костюмом последовали ботинки, альбомы, карандаши и все то, что так дорого ребятам.

Однажды Олегу пришлось видеть, как мальчишки разоряли птичьи гнезда. Выбрав яички и побросав птенцов, они разбежались, а потревоженные птицы долго еще кружили над гнездами. Помню, как Олег принес двух голых галчат и робко спросил:

— А можно, мамочка, птичков оставить? Будем их кормить, а когда вырастут, полетят папу и маму искать. Вот будут рады, когда найдут, правда?

Олег с любовью ухаживал за птенцами, а когда те выросли, отпустил их на волю.

В БИБЛИОТЕКЕ

Верными моими помощниками были книги. Слушать чтение Олег мог без конца. Игрушками он не увлекался, зато книжками — до самозабвения.

Мне часто приходилось ездить с маленьким Олегом в поезде. На вокзале он обычно брал меня за руку и подводил к книжному киоску:

— Ты посмотри, сколько тут книжек! А у нас таких нет. Купи, мамочка!

Как радовался он, как, счастливый, размахивал новой книжкой! Потом, конечно, добивался, чтоб я ему читала. Если это были стихи, он повторял за мной:

Вот свалились санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качусь я
Под гору в сугроб... —

и радостно хлопал в ладоши.

Стихи Олег очень любил, учил их наизусть, охотно декламировал.

Не задумываясь и не жалея, он мог отдать товарищам свои игрушки, но книжку — никому.

Помню, как-то я зашла с Олегом в районную библиотеку в Прилуках. Увидев на полках много книг, Олег спросил громко:

— Мамочка, а за сколько дней можно прочитать все эти книжки?

Когда мы возвращались домой, он под впечатлением виденного в библиотеке всю дорогу расспрашивал меня о людях, которые написали так много книжек, допытывался, нельзя ли писать стихи самому.

— Как мне хочется увидеть живого писателя! — сказал он взволнованно. — Он, наверно, очень высокий. А голова и глаза у него — вот такие большие!

— Почему же так? — спросила я.

— Ну как почему, — отвечал Олег, — он должен очень много думать и все видеть. А рост большой — это чтоб дальше видеть.

ДВА ОГОРОДНИКА

Наш двор был полон зелени и цветов, веранда домика густо увита диким виноградом, в саду фруктовые деревья, кусты смородины и малины. В нашем цветнике росли левкой, гвоздика, резеда, астры. Дорожка от калитки в глубь двора была засажена пионами, георгинами и флоксами.

Хорошо тут бывало и днем, когда пчелы и стрекозы носились с цветка на цветок, и вечером, когда сад благоухал и становился еще красивей под вечерними лучами солнца.

Я всегда старалась вовлечь в работу и Олега, когда сама работала в саду. С деловитым видом, раскрасневшийся, он охотно подносил мне рассаду, семена, а при разбивке клумб важно держал шнурок.

За садом ухаживал дедушка Кошевой. Он хотя и не был суровым, но порядок любил. Без его разрешения Олег не смел взять ничего с грядок или в саду.

Припоминаю случай, который всех нас очень рассмешил.

Вижу я как-то — залег Олег в кусты малины и, поднимаясь на цыпочках, срывает ягоды ртом, не дотрагиваясь до них руками. Но пока ему, маленькому, удавалось схватить ртом одну ягоду, он несколько раз падал, теряя равновесие.

— Что это ты тут делаешь? — спросила я.

— Ягоды ем, — ответил мальчик. — Дедушка сказал: руками срывать нельзя. А про губы он ничего не сказал.

Дедушка Кошевой и Олег — это были неразлучные, задушевные друзья. Сойдутся вместе — водой их не разольешь: сказки, рассказы, вопросы без конца.

— Дедусь, а почему пшеничный колосок такой большой, а ржаной — меньше?

— Почему ласточки на провода садятся? Думают, длинные ветки, да?

— А почему у лягушки четыре ноги, а у курицы — две?

— Дедусь, расскажи: гром — это откуда?

Дедушка только в усы улыбается и рассказывает: рассказывает о цветах и хлебах, о том, как произрастают всяческие травы, о далеких землях и птицах. И заставил дедушка полюбить Олега нашу красавицу Украину, и весь свет, и все живое.

Только раз у закадычных друзей вышло что-то вроде ссоры.

Был у Олега верный дружок Грида. Ему тогда было шесть лет — на два года больше, чем сыну.

Дело случилось осенью. Ребята копались в саду. Грида сказал:

— Олег, а давай всю клубнику из грядок повыдергаем?

— А зачем? — спросил Олежек.

— Просто так.

— Дедушка рассердится.

Грида внес некоторую поправку:

— Тогда давай просто из одних грядок во все другие посадим.

— А зачем?

— Вот чудак, небось тогда больше будет клубники! Знаешь, как расти начнет везде? Только собирай!

— Ну, если больше, тогда давай. Дедушке понравится.

Недолго раздумывая, Олег принес из сарая корзинку.

— Дедушка говорит: пересаживать клубнику надо умеючи. Ее надо вместе с землей выкапывать — чтоб земля с корней не обтрусилась.

И друзья с жаром принялись за работу.

Детскими лопатками и руками они выкапывали клубнику и складывали ее в корзинку. Скоро они перемазались с головы до ног, пот катил с ним градом. Олег даже пальто снял, повесил его на сучок. Вот уж и весь костюм его в земле, на красных щеках — отпечатки грязных ладошек.

Работа была в самом разгаре, когда дед увидел их за этим занятием.

— Это что же вы натворили? — ахнул потрясенный дед. — А говоришь, что дедушку любишь! — обратился он к Олегу. — Какая же это любовь? Дедушка трудился, трудился, а ты все разрушил! Была бы у нас ягода, а теперь ничего не будет! Эх!

Олег понял, что натворил, и тут же расплакался.

— Дедушка, дедушка, я тебя и сейчас люблю! — отчаянно убеждал он, больше всего боясь, что ему не поверят. — А это я хотел, чтоб больше ягод было. Чтоб на всех грядках. Только собирай...

Федосий Осипович никогда и голоса не повышал на Олега. Сдержался он и на этот раз, но строго разъяснил внуку его ошибку. Все кончилось миром. К тому же клубника не погибла. Она была высажена аккуратно, с землей на корнях.

На следующее лето грядки опять были полны душистых, сладких ягод. Но с той поры Олег уже не занимался без разрешения деда «самостоятельным огородничеством», пока не подрос. А дедушка еще долго говорил, посмеиваясь в свои чумацкие усы:

— Наш хлопец — вылитый батька мой Осип Кошевой! Такой же дотошный!

„СЛЫШУ, СЫНКУ!..“

Отец часто рассказывал Олегу о Запорожской Сечи, о нашествии татар на Украину, о разгроме шведов под Полтавой. У Олега тогда загорались его карие глаза. Затаив дыхание, жадно слушал он рассказы старины, а с чудесной повестью Гоголя «Тарас Бульба» впервые познакомился в пересказе отца.

— Вот повели Остапа на плаху, на казнь, — рассказывал отец притихшему Олегу, — и подошел к казаку палач. И так он Остапа пытал и мучил, что все, кто стоял на площади, не в силах были смотреть, отворачивались и закрывали глаза. Но ни одним стоном не показал Остап врагам, как трудно ему было да больно. А Тарас Бульба видел все: как терзают его сына и какой гордый стоял он перед врагом. И говорил Бульба тихо: «Добре, сынку, добре». Но палач еще злее стал мучить Остапа, и тут дрогнула казацкая душа. И сказал Остап, глядя на врагов:

«Всё чужие, неведомые мне лица! Где ты, батько? Слышишь ли ты меня?»

«Слышу, сынку!» — вдруг громко ответил Тарас Бульба.

Вздогнули паны, бросились искать Тараса, но его и след простыл!..

Наслушается, бывало, Олег таких рассказов, выстрогает себе саблю, подбежит ко мне:

— Мамочка, прощай! Я сейчас воевать иду!

Он собирал своих боевых друзей — мальчишек, они спешно седлали своих коней — палки и прутья — и с гиком и воем кидались на врага — придорожную крапиву и бурьян.

С войны возвращались в царапинах, ожогах от крапивы, а нередко и в синяках. Они выстраивались в очередь, с гордостью подставляя мне свои боевые раны для перевязки.

А однажды Олегу вздумалось напасть на соседского петуха. Петух отличался лютым нравом и особенно не любил почему-то детей, и эта «боевая операция» Олега кончилась очень плачевно... Услышав отчаянный вопль, я бросилась в соседний двор и увидела несчастного воина распростертым на земле. Петух насккивал на него, колотил его лапами и клювом, а воин вопил самым бесстыдным образом.

— Как же ты поддался петуху? — спросила я с возмущением.

— А у меня сабли с собой не было, — оправдывался он, вытирая слезы, — а то бы я показал ему, как нападать на людей!

Петух исцарапал его в кровь, пришлось перевязать сыну его первые настоящие раны. Он мужественно терпел и даже не поморщился, когда я заливала их йодом.

После он рассказывал отцу, что петух напал на него, как паны на Остапа, но только Остапа Тарас выручить не мог, а вот мама отбила его у злого петуха.

— Но вел ты себя далеко не как Остап, — добавила я.

И Олег промолчал.

РАСТЕТ МОЙ МАЛЬЧИК

В четыре года Олег умел уже читать и писать. Я сфотографировала сына. Он подарил фотографию бабушке и дедушке и с моей помощью вывел на ней:

«Дорогим дедушке и бабушке на память от вашего единственного внучика, здесь мне четыре года».

Он охотно писал письма своей тете Тасе и бабушке. Адрес на конверте, на горе почтальонам, подписывал тоже сам.

Как подсолнух поворачивается к солнцу, так и мой Олег тянулся к людям.

Его большие карие глаза были жадно открыты на все. Музыка или песня шла прямо к его сердцу, и особенно любил он наши украинские песни, то грустные, то буйные, то радостные и всегда мелодичные.

Как сейчас вижу: вечер, сыну пора спать, но он никак не может уговориться. Его дядя, Павел Кошевой, тоже большой друг Олега, носит племянника на руках по комнате и задумчиво поет:

Ой, братику-соколеньку,
Пусти диток на зимоньку..

В песне рассказывается о детях, у которых умер отец. Матери трудно стало растить детей, и она попросила брата взять к себе ребятишек на зиму. Но злая невестка отказала.

Это была, кажется, любимая песня маленького Олега. Каждый раз, когда дядя Павел смолкал, Олег, бывало, скажет с горечью:

«Почему их не хотела пустить тетя? Какая она злая...»

Когда Олегу исполнилось четыре года, я подарила ему металлический «Пионер-конструктор». Мальчик бы-

стро научился складывать разные модели: самолет, ветряную мельницу и много других. Это была кропотливая работа, но у Олега терпения хватало.

Пяти лет Олег уже катался на коньках. Иногда и я надевала коньки, и мы шли кататься вместе. По дороге на каток сын вышагивал рядом со мной, гордо поглядывая по сторонам. На щеках его рдел румянец. Катался он легко: то забегал вперед, то снова возвращался ко мне — крепкий и ловкий. С самого дня рождения Олега приучали не обращать внимания на погоду, и он не боялся ни жары, ни мороза.

Так вот и рос мой мальчик, славный малыш мой, давший изведать мне всю полноту материнского счастья.

ТАМ, ГДЕ ВЛАСТВОВАЛ КОЧУБЕЙ

Мы жили в Прилуках до 1932 года, когда мужа перевели на работу в Полтаву.

Олегу тогда было шесть лет. В Полтаве мы поселились на Октябрьской улице, недалеко от Корпусного сада. Помню, как Олег замер перед монументальным памятником, поставленным Петром I в честь победы русских войск над шведами.

Побывали мы и на шведской могиле, в краеведческом музее и в других исторических местах, которыми так богата красавица Полтава.

Частенько ездили мы с Олегом к моим родным — Коростылевым, жившим недалеко от Полтавы, в селе Згуровка. В этой дружной и гостеприимной семье Олег чувствовал себя вольготно, быстро сошелся с дядей Колей, тогда еще пионером, дедушкой Николаем Николаевичем, моим отцом.

У дедушки была интересная и большая жизнь, к тому же он был хорошим рассказчиком, и это сразу привязало к нему любознательного внука. А рассказать деду действительно было о чем: токарь по специальности, до революции он работал в мастерских князя Кочубея; призванный в армию в 1915 году, он был направлен как токарь в Петроград, на Путиловский завод, участвовал в Октябрьском перевороте, а при штурме Зимнего дворца был тяжело ранен. Красочные рассказы деда настолько захватывали Олега, что даже отражались на его играх и увлечениях.

Но особенную привязанность Олег питал к моей маме, Вере Васильевне, бабушке Вере, как он ее называл. Крепкая любовь и дружба бабушки и внука началась с первой их встречи и продолжалась до последних дней Олега.

Моя мама — член партии — была в глазах Олега необыкновенным человеком. Как и дедушка, умелый рассказчик, она знакомила его с тем, что испытала сама: с тяжелой жизнью крестьян до революции, рассказывала о своей батрацкой жизни, о том, как много ей приходилось работать на богатеев за гроши.

Маленький Олег прямо-таки не отходил от бабушки. Стоило ей прийти с работы — он уж тут как тут.

Бабушка сама была родом из Згуровки, где находилось когда-то богатое поместье пана Кочубея, и часто водила внука по разным памятным ей местам. В памяти бабушки крепко хранились подробности прошлой жизни, и ее рассказы во время прогулок приводили мальчика в сильнейшее волнение. Парк с могучими деревьями, речка, богатая рыбой, и белый дворец над ней, сахарный завод и разные мастерские, дремучие леса вокруг и неоглядные пшеничные поля — все это

принадлежало когда-то одному Кочубею, на которого трудились тысячи людей.

— Бабушка, а зачем одному человеку столько? — недоумевал Олег. — Разве ему жалко было с бедными делиться?

— А вот он как с ними делился... — отвечала бабушка и показывала места, где пороли и истязали когда-то людей за малейшую провинность, где батраки работали не разгибаясь с утра до ночи за кусок хлеба. Особенно действовали на Олега рассказы бабушки о том, как не давали бедным учиться, читать книги, держали их в темноте.

— У, поганые буржуи, жаднюги! — возмущался Олег. — Ненавижу их! — И с тревогой спрашивал: — А буржуи и Кочубей больше не возвратятся? Большевики их не пустят?

— Не пустят, милый, не пустят, — успокаивала бабушка.

Так получил Олег первые уроки политического воспитания, и они крепко запали в его юную, впечатлительную душу. Кто мог знать тогда, что придется бабушке Вере помогать ее внуку, комиссару «Молодой гвардии», в смертельной борьбе с «буржуями», прятать оружие юных храбрецов, охранять их тайные встречи, падать под ударами немцев на допросах, перенести мученическую смерть внука и увидеть победу дела Олега и миллионов таких, как ее любимый внук...

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

В Полтаве Олег впервые пошел в школу. К этому времени он мог уже свободно читать, писать и решать задачи, а таблицу умножения знал наизусть.

Разговоры о школе начались задолго до первого сентября. Олег был полон ожидания и деятельно готовился к поступлению.

Навеки запомнится мне первое сентября 1934 года. Как сейчас, вижу ясное, погожее утро, ласковое солнце, по-осеннему прозрачные улицы прибранного города и первую позолоту на еще пышных от зелени деревьях, сонно застывших в теплом безветрии.

Не знаю почему, но волнение Олега передалось и мне, и я беспокоилась, как маленькая, словно не только Олегу, но и мне самой предстояло в этот день пойти в первый класс. Мой мальчик пойдет в школу... Он как-то сразу вырос в моих глазах, и это незнакомое чувство радовало, но и тревожило меня: все-таки теперь я уже мать школьника, а это была новая ответственность. Окажусь ли я на высоте?

Олег в тот день проснулся рано. Он долго чистил зубы, рьяно намыливал лицо, затем надел свой новый костюмчик, причесал волосы и прибежал ко мне.

— Мамочка, я готов! — отрапортовал он, хлопнув каблуками. — Можно уже идти.

Он был неузнаваем: подтянутый и очень хорошенький, а воодушевление так и переполняло его. Я полюбовалась им, похвалила, но заставила сесть за стол и позавтракать — времени было еще много.

Возле школы было шумно и празднично, все дети были с цветами, и Олег прижимал букетик. Ребята начали заходить в классы. Зашел и мой сын, бросив на прощание взгляд, полный гордости и какой-то смешной озабоченности: ведь он отныне ученик. «Не подведу тебя», — казалось, говорил этот взгляд, и я как-то сразу успокоилась. Я была уверена, что мой мальчик не подведет меня.

И вот прозвенел звонок, первый в жизни Олега школьный звонок. Закрылись классные двери, в школе сразу установилась рабочая тишина, а я еще долго стояла у выхода, думая о том, какие радости и трудности ожидают моего сына в этой новой для него жизни.

На третий день занятий, вернувшись из школы, Олег с гордостью сообщил мне, что его перевели во второй класс. Сразу попасть во второй класс! Этого я не ожидала — ведь сыну было всего только семь лет, — и я, признаться, серьезно обеспокоилась: справится ли он с такой нагрузкой?

— Справлюсь! — весело заверил Олег. — У нас знаешь какая учительница Ольга Васильевна! Во! А потом я ростом как все, у нас даже ниже меня есть. Я, мамочка, буду стараться, вот увидишь!

Олег не обманул меня. Он всегда добросовестно и внимательно готовил уроки, и мне не приходилось даже следить за ним. Тетради его были без помарок, учебники завернуты в чистую бумагу, на столе всегда порядок. Книжки стопочкой, карандаши и ручки — в стаканчике.

Олег был очень организован и на все находил время — и на учебу, и на помощь взрослым по дому, и на игры.

Первые отзывы о нем учительницы были самые хорошие: со взрослыми был вежлив, с ребятами дружен и отзывчив, в учебе успевал. В общем, школьником своим я была вполне довольна.

„КРЕПИСЬ, СЫНОК!“

Но вдруг неожиданная болезнь прервала его учение. Как-то на уроке у него случился приступ аппендицита, и я должна была отвезти его в больницу. Боли

у Олега, оказывается, были и прежде, но он терпел. Операция предстояла трудная. Это всех нас встревожило.

Мне разрешили быть около сына. Врач предупредил меня, чтобы я подготовила сына к тому, что после операции под наркозом ему захочется пить, но пить нельзя будет часа четыре.

Одели моего Олега в белый халат, в нем он вошел в операционную. Как всегда, медперсонал был в масках. Эта необычная обстановка вначале поразила Олега, и он растерялся, но профессор, приветливо улыбаясь, подбодрил его:

— Ну, Олег, видишь, тут все женщины, и только мы с тобой двое — мужчины. Крепись, сынок! Смотри не заплачь, чтоб потом над нами не смеялись.

— А я и не думаю плакать, — ответил подбодренный этими словами Олег. — Вы думаете, мне сейчас страшно? Совсем нет! Я не плакал даже тогда, когда был совсем маленький и разбил бровь об ведро.

— А сколько тебе лет теперь? — спросил профессор.

— Семь с половиной.

— Ого! — удивился профессор. — Ты, пожалуй, уж и в школе учишься?

— А как же — во втором классе! — ответил Олег.

— Ну, тогда понятно, почему ты не боишься...

Олега положили на операционный стол, он начал считать за ассистентом, но заснул только на сорок пятой секунде.

Я вышла.

Когда после операции Олега принесли в палату, он был мертвенно-бледным. Плотные закрытые губы запеклись.

— Воды, — прошептал он еле слышно.

Забыв о предупреждении врача, я поднесла Олегу ложечку холодной воды, но он спросил слабым голосом:

— А разве уже прошло четыре часа?

Олег прослежал в больнице десять дней, и все время или я, или бабушка Вера дежурили около него.

Помню, как Олег просил ее не рассказывать ему смешных сказок:

— Ой, не надо, бабуся, не смей меня! А то у меня шов разойдется, и его снова надо будет зашивать.

Профессор — солидный, добродушный человек с пышными усами — полюбил Олега. Подойдет к нему, сядет около кровати и долго говорит с ним на тему, которая больше всего интересовала Олега: о путешествиях.

Когда сына выписывали из больницы, профессор подарил ему книжку «Робинзон Крузо».

— Вот тебе, Олег, книга о настойчивом человеке, — сказал профессор. — Его корабль потопила буря — он доплыл до берега. Ему негде было жить — он сам построил себе крепость. Сам сшил себе одежду, выдолбил из бревна лодку. На него напали враги — он разбил их и прогнал. И все это он сделал один. А теперь скажи, Олег: что же можем сделать мы все вместе, да когда нас так много и когда мы дружить будем? Ну-ка? Отвечай...

После операции Олег почти месяц не ходил в школу. Но его проводывали товарищи, помогали ему, чтобы он не отстал от класса. Олег рано почувствовал близость школьного коллектива и цену дружбы...

Но учиться в полтавской школе ему уже не пришлось. Мы переехали в Ржищев, Киевской области.

ДНЕПР

В Ржищев мы прибыли после Октябрьских торжеств.

Часть дороги проехали на пароходе. Первое путешествие по Днепру произвело на Олега глубокое впечатление.

Наш Днепр осенью хотя и не так очарователен, но по-своему красив.

Правый, высокий берег стоит задумавшись, весь в багряном золоте осенней листвы. По левому берегу, чередуясь с песчаными отмелями, тянутся бесконечные заросли лозы, а дальше к горизонту высятся густой лес, полный грибов и ягод, а сейчас по-осеннему притихший и тоже весь в золоте, как богатырь в доспехах.

Уж не носятся над Днепром, как летом, крикливые стаи серебристых чаек и множество других птиц.

Все полно тихой, торжественной красоты. Только ветер свободно гуляет по днепровской синей воде, кидая белую пену с гребня на гребень. Глухо шумит темная вода под колесами. Эхо далеко-далеко разносит протяжные гудки парохода...

Олега невозможно было увести с верхней палубы, с осеннего ветра, вниз, в тепло.

Он по-своему быстро и легко познакомился с матросами, с седоусым важным капитаном и не переставая сыпал вопросами: почему пароход не тонет, если он железный, да еще с таким грузом? Каким образом он устроен? Почему гудок гудит? Если пароход утонет, можно ли здесь жить на берегу, как Робинзон Крузо?

Читал матросам стихи, и те его охотно слушали, собравшись в кружок и покуривая.

Ночью на каждой пристани Олег просыпался, просил меня и бабушку сойти с ним на берег «посмотреть,

что там такое делается», и, конечно, добивался своего. Так мы и не спали из-за него всю ночь...

После приезда в Ржищев Олег пошел в школу. Двухмесячный перерыв не отразился на его занятиях, и он сразу же освоился с новой для него школой и новыми товарищами.

Как полюбил Олег Днепр! Уже девяти лет он мог переплывать его от берега до берега — расстояние в триста метров. Мальчик мечтал о лодке, чтобы самому грести и ловить рыбу.

— Будешь хорошо учиться, — пообещала я, — исполню твое желание.

Настало лето. Олег закончил учебный год с похвальной грамотой, и я выполнила обещание. Видимо, сын был уверен в себе, потому что к этому времени подготовил массу крючков, удилищ, всяких сеток и переметов.

Со счастливым, сияющим лицом сел он за весла в свою лодку. Началась дружба со старыми рыбаками — их уроки рыбной ловли, сказки и рассказы теплыми вечерами около ярких костров.

Олег весь пропах дымом, запахом рыбы и осоки. Руки у него огрубели, были в ссадинах. Грудь стала шире.

Иногда ему удавалось подбить старого рыбака дедушку Герасименко и товарищей поехать на левый берег Днепра, провести ночь в лесу, у костра, а на рассвете начать ловить рыбу.

Получив разрешение на такое «далекое путешествие», Олег приходил в дикий восторг, тормозил меня и бабушку:

— Мама, если бы ты знала, как мне хочется поймать огромного сома для твоего детского сада! Знаешь, как твои малыши обрадуются!

В Ржищеве я работала заведующей детским садом, и желание Олега поймать сома для ребят я поддержала. Олег был частым гостем в детском саду, ребята любили его, и он охотно отдавал себя в полное распоряжение «чижииков»: возился с ними, боролся, но и умел следить за ними, как опытная нянька.

И Олег сдержал слово: поймал сома и отнес его ребятам. Потом он часто приносил в детский сад разных рыбешек и, к всеобщей радости, пускал их в аквариум.

Обычно после таких «путешествий» сын возвращался с богатым уловом рыбы, с рассказами дедушки Герасименко, где была путалась с небылицей, на что такие мастера диспровские рыбаки.

— Знаешь, мама, — рассказывал Олег с горящими глазами, — дедушка говорит, что прежде в Днепре русалок было больше, чем рыбы. Правда это? А сома не так-то просто поймать, ты не думай! Его как только вытащишь из воды, надо сразу по голове глушить чем-нибудь, а не то — беда! Убить может... Дедушка раз поймал сома в десять пудов, прямо чудовище, да и не оглушил его сразу — сом как засопит, как ударит дедушку хвостом, чуть-чуть до смерти не убил! Тот сом, что я для твоего детского сада поймал, он, правда, хоть килограмма на три был, а тоже как хлестнет меня хвостом по ноге, будто саблей! Ну, я удержался, конечно...

Нравился Олегу и Ржищев, похожий на огромный парк над Днепром, — его аккуратные домики с покрашенными крышами и белыми рядами заборов. Улица, на которой мы поселились, называлась Соловьиной. Весной здесь свивало себе гнезда такое множество соловьев, что вечерний воздух буквально звенел от их трелей.

Олегу к этому времени было десять лет. Он начал увлекаться стихами. Да и нельзя было не писать их

среди такой чудесной природы. Вот одно из его стихотворений тех счастливых дней:

Я Ржищев крепко полюбил
За то, что дивно он красив,
За то, что в нем впервые я
Увидел красоту Днепра.
Его я полюбил разлив
Весною многоводной
И день и ночь на лодке б плыл
В его простор свободный!
И рыбу я люблю ловить
Со школьными друзьями,
На берегу уху варить
С картошкой, с карасями...

С этого дня все свои впечатления о природе, отдельные случаи и происшествия дома и на улице, фразы из любимых книг сын начал записывать в толстую тетрадь с черной клеенчатой обложкой. Туда же он записывал и свои стихи. Так сложился его дневник.

Начал его Олег рано. На первых порах все там было по-детски наивно; с годами записи в дневнике стали для него необходимостью, как беседа с верным другом и неизменным помощником.

С детства у Олега были свой столик и этажерка, полная книг, разные папки, «секретные» тетради; все это он берег пуще глаза и никому не позволял нарушать порядок.

Таких записей и стихов накопилось у сына немало. Когда начались аресты молодогвардейцев, Олег был вынужден все это сжечь.

По его приказу долго бросали мы с бабушкой в печку тетрадки со стихами, папки, записи — все, что Олег собирал с такой любовью. Все это было дорого и нам.

„РАССКАЖИ, КАК ТЫ БЫЛА МАЛЕНЬКОЙ“

Олег любил все веселое, красивое, праздничное. Под Новый год мы вместе с ним украшали елку. Когда к нему приходили товарищи, я тоже принимала участие в их играх: переодевалась в деда-мороза, декламировала стихи, рассказывала сказки.

Как-то раз на одной из таких шумных елок, когда товарищи сына ушли, я присела на диван отдохнуть. Было очень поздно. Догорая, потрескивали на елке свечи. Глаза слипались...

Олег тихо сел на диван, прижался ко мне:

— Мамочка, расскажи мне, как ты была маленькой. Все, все расскажи! Как было...

Он просил ласково и настойчиво. Я начала рассказывать, забыла про усталость и увлеклась сама.

— Ну, слушай! Маленькой я скорее была похожа на сорванца-мальчишку, чем на девочку. Ничего не боялась. Мне хотелось самой до всего дотронуться, все узнать, сделать то, что нелегко: поглубже в лес забраться, залезть на самую верхушку дерева...

Вот как-то раз ношусь я с криком по улице и вижу: на бугре пасутся лошади. И сразу один конь мне больше всех понравился: гнедой, хвост белый. Подбежала к нему, развязала путы на передних ногах. Можно садиться. Но как? До спины коня даже рукой не достать. Нарвала я травы, подманила ею коня к заборчику, сама — на забор, с забора — на коня. Готово! Из пут я сделала уздечку, ударила босыми ногами по бокам коня, как шпорами. Наверно, и конь был такой же сорванец, как я. Помчались мы с ним в степь, только ветер в ушах засвистел! Хорошо! Земля убегает из-под ног, ветер бьет в лицо, дорога свободна...

Ну и поносил же меня конь по степи — сам устал! Сбросил меня со спины, как мешок, — и в стадо. А я как свалилась с него, так и встать не могу. Хорошо еще, что не попала под копыта. Папа очень рассердился: конь-то оказался с норовом. И запретил мне папа раз и навсегда кататься на конях.

«Не слушаешься, — говорит, — целое лето в комнате просидишь».

Я послушалась. Но только раз вижу — ходит по двору здоровенный такой кабан.

Подошла я тихонько к кабану. Почесала у него за ухом, а потом, когда он расчувствовался, я — прыг к нему на спину и вцепилась в щетину. Кабан сначала ничего не понял, а потом сам испугался, захрюкал, да как давай меня носить да мотать по двору, только в глазах у меня замелькало! Все было бы ничего, да вижу — несет меня кабан к крыльцу, а на крыльце папа сидит...

Потом я узнала, что кабан этот был очень злой: на людей бросался. Клыки у него были как ножи...

Кабан, брызгая пеной изо рта, сделал какой-то особенный скачок, я почувствовала, что лечу по воздуху, и шлепнулась в грязь прямо перед папой...

Олег смеялся вместе со мной...

— Ну, мамочка, ну еще расскажи! Пожалуйста!

Отказать в таких случаях ему было невозможно. Мы уселись поудобнее, обнялись крепче, и я продолжала:

— А когда мне восемь лет было, я, Олежек, чуть было в колодец вниз головой не влетела...

Дело вот как было. Играла я со своими подружками около глубокого колодца. Возле него скот поили. Воду доставали при помощи деревянного журавля. От верхушки журавля шла длинная, толстая палка, а на конце ее была деревянная кадушка ведра на четыре.

На другом конце журавля — тяжесть, кусок железа. Вроде весов получалось. Кадушка наполнится водой, вес сравняется, и ее легко поднимают наверх — палку руками быстро так перебирают...

Вот я и говорю ребятам:

«А ну, кто сумеет полную кадушку поднять, тот и самый сильный!»

Не нашлось такого силача. Тогда я сама из всех сил ухватила палку с кадушкой — и давай толкать в колодец. Но руки у меня скоро устали, зачерпнуть воды я не могла, выпустила палку из рук и не успела опомниться, как вдруг очутилась под небесами.

А получилось вот что. Кадушка понеслась вверх, журавль и зацепил меня за платье. Болтаюсь я в воздухе, ничего не понимаю, только слышу, как подружки визжат и режут со страху.

В это время железная тяжесть как ударится о землю, встряхнула меня хорошенько над колодцем, бадья опять понеслась вниз, а вместе с нею и я. Дошла она до воды, и опять тяжесть потянула ее вверх, и я снова в небе ногами болтаю...

Так меня раза два подняло и опустило. Наконец раздался треск — платье разорвалось, и я, как лягушка, на всех четырех лапах очутилась на земле. И больно-то мне было и стыдно! А тут еще ребята надо мной смеются: «Самая сильная, самая сильная!..»

— Мама, ну а ты? — шевельнулся Олег.

— Ну и я вместе с ними. При них не плакала. А когда в степь убежала, там уж и дала волю слезам...

Что больше всего на свете, если не рассказы и сказки, любят ребята? Не помню случая, чтоб я отказала Олегу, когда он просил меня рассказать что-нибудь о себе, об Украине, о нашей прежней тяжелой жизни мастеровых людей, о дедушке Олега, Коростылеве,

и о многом другом, что так интересует всякого ребенка.

И Олег мне платил тем же. Так росли наша дружба и доверие друг к другу...

„Я, ЮНЫЙ ПИОНЕР...“

Скоро и бабушка Вера переехала к нам из Згуровки. Она начала работать в совхозе парторгом, а жила вместе с нами.

Радости Олега не было конца. И чем дальше крепла дружба бабушки и внука, тем все больше узнавал Олег о жизни и борьбе нашего народа за счастье и вольную жизнь и все глубже любил свою Отчизну.

Бабушка Вера — вечно веселая хлопотунья, минуты, бывало, не посидит без дела, жизнерадостная, упорная в труде, чуткая к людскому горю, готовая помочь людям — была для Олега примером большевика.

Вспоминаю день вступления Олега в пионерскую организацию.

Это было 7 сентября 1935 года. Олег проснулся на рассвете и начал быстро одеваться. Вскоре я услышала из смежной комнаты:

— Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, обещаю перед лицом своих товарищей...

Голос у Олега был взволнованный, но слова он выговаривал твердо.

Из школы он возвратился с сияющими глазами, в новеньком красном галстуке на шее. Бросился ко мне, расцеловал.

Потом сказал тоном взрослого:

— У нас теперь в доме два члена партии.

— Кто ж это?

— Бабушка и я, — ответил Олег.

Я рассмеялась. С моим объяснением, что пионер еще не член партии, нужно сначала в комсомол вступить, а потом уже в партию, Олег хотя и согласился, но остался при своем мнении:

— Ну что ж? Пионер тоже немножечко партийный...

С этого времени Олег стал особенно подтянут и собран. Он как бы стал взрослее, и красный галстук на груди, всегда разглаженный и чистый, казалось, сдерживал его теперь от многих мальчишеских порывов.

Пионером он чувствовал себя всегда, не только в школе и на сборах.

Помню, пригласили Олега в детский сад, где я работала, на праздник Первое мая.

Начался утренник. В зале не оставалось ни одного свободного места. Олег так увлеченно смотрел на сцену, что, казалось, ничего не замечал вокруг. Но тут в зал вошла воспитательница младшей группы Ксения Прохоровна. Олег обеспокоенно огляделся и, не увидев в зале свободного места, быстро поднялся, подошел к Ксении Прохоровне и почти силком заставил ее сесть на его место.

Теперь Олег следил за своей внешностью с особым тщанием. Костюм его всегда был как новый, без пятен, хорошо вычищен, выглажен его собственными руками.

Ложась спать, Олег аккуратно складывал свои вещи около себя на стуле. Его никогда нельзя было увидеть неподстриженным или непричесанным.

Как-то я уехала из дому. Олег остался один. Встал он рано утром и попросил у соседки утюг.

— Зачем тебе?

— В школу пора, а костюм помятый. Неудобно в таком за парту сесть. Я — живо!

И он ловко и быстро выгладил свой костюм и только тогда пошел в школу.

С тех пор как Олег стал пионером, он все чаще задерживался в школе. Различная общественная работа, новые обязанности и нагрузки вошли в его жизнь, появились новые увлечения, которым он отдавался с большим рвением, вкладывая в них весь пыл и азарт своего пионерского сердца.

СЛУЧАЙ В БУРЮ

Жадно любил Олег природу. Особое чувство вызывали у него буря, гроза, зимой — буран.

Однажды стоял душный, но ясный и тихий день. Мы все ушли на работу. Олега оставили дома с моей сестрой. К вечеру погода изменилась. Все небо покрылось густыми черными тучами. Поднялся резкий ветер. Вскоре он перешел в настоящую бурю. Деревья гнулись и трещали. Солома вихрем взлетала с крыш, густые тучи пыли поднимались до самого неба. А потом грянул ливень. К Днепру потекли шумные потоки...

Когда дождь утих, я поспешила домой. Прихожу — сына нет.

— Где Олег? — спросила я у сестры.

— А я не знаю, — ответила она, — сама волнуюсь. Когда началась буря, он к дружку своему Грише Задорожному побежал.

Я немного подождала и пошла к Грише. Олега не было и там. Гриша сказал, что Олег прибежал, когда буря только еще начиналась, и стал звать кататься по Днепру. Спешил очень сест в лодку, выехать на середину Днепра, в бурю побороться с волнами. Кроме того, после бурной погоды, как потом уверял меня Олег,

славно ловится рыба — клюет без наживки, только успевай вытаскивать.

Гриша колебался.

Тогда Олег махнул рукой, захватил свои крючки, переметы и помчался к реке.

Не помню, как я прибежала домой. Выслушав меня, бабушка тоже переполошилась, и мы вдвоем кинулись к Днепру.

Когда мы добрались до реки, уже совсем стемнело. Буря утихла, и только мутные ручьи после недавнего разлива шумно падали с высокого берега в Днепр. Я всматривалась в зловещую ночную темноту, прислушивалась, не послышится ли плеск весел.

— Олег! Оле-же-ек! — без конца кричала я.

Никто не отзывался. Мне казалось, что моего Олега уже нет на свете...

— Мама, что же делать?

Что могла ответить бабушка Вера? Мы бегали по берегу, снова и снова звали Олега. Ответа не было. И не могло быть...

Олег ждал нас дома.

Я тогда так рассердилась на него, что и говорить с ним не могла. Только и сказала:

— Две недели не пойдешь в кино!

Большие влажные глаза сына посмотрели на меня с тихим укором.

На другой день, когда я уже успокоилась, Олег покаялся мне во всем:

— Понимаешь, я ведь и Гришу звал на Днепр, да он не захотел. Что было делать? Пошел я один. Сел в лодку, а тут буря разыгралась. Ух и бросало лодку с волны на волну! Будто я со всем Днепром боролся один на один. А когда начался дождь, я вытащил лодку на остров, опрокинул ее и уселся под ней. А потом... —

Олег прижался ко мне, хитро играя глазами: — Ты ж, мамуня, не знаешь, как рыба ловится после бури!

Но как он ни ласкался ко мне, каким хорошим ни был он в то утро, я не изменила своего решения и еще раз серьезно повторила, что ему придется понести наказание.

Это очень смутило Олега. Он пошел к бабушке и повел с ней такой разговор:

— Бабуся, я хочу с тобой поговорить, как партиец с партийцем...

После этого «партийного разговора» бабушка, конечно, взялась хлопотать за внука, но и это не помогло: Олег две недели не ходил в кино.

К концу такого тяжкого для всякого мальчика наказания Олег, вздохнув глубоко, сказал мне:

— Лучше бы уж ты меня ремнем выстегала! Поболело бы немножко и прошло. И я бы сразу в кино пошел...

ЗА ГРИБАМИ

Каждый приезд на летние каникулы брата Николая бывал для Олега праздником. Дом наш превращался в гудящий улей. Сюда, как на огонек, тянулись школьные товарищи Олега, и шумные разговоры, споры, игра в шахматы, сборы на рыбалки и в походы не прекращались ни на минуту.

Дядя Коля был уже студентом третьего курса Горного института и как человек другого, взрослого, мира вызывал у ребят тайную зависть и открытое обожание, но сам он в глубине души оставался мальчишкой и нередко «откалывал номера» вполне под стать своим

младшим друзьям. Именно это особенно располагало к нему ребят.

Однажды, еще до восхода солнца, собрались у нас друзья Олега, чтобы вместе пойти в лес и встретить в дороге зарю. Все еще были заспанные и продрогшие от утренней прохлады, но не могли скрыть радостного оживления — пританцовывали и толкались.

Я тоже присоединилась к «честной» компании, и когда все было готово, мы вышли из дому шумной гурьбой, нарушая тишину спящего поселка.

Шли мы по накатанному, сырому от ночной росы шляху, и по обеим сторонам в предутренней дымке необозримо тянулись уже слегка желтеющие хлебные поля.

Над горизонтом выплыл рубиновый краешек солнца — и это было похоже на чудо. Вдруг разом загорелись травы, по хлебному полю побежали, исчезая, ночные тени, и каждый колосок заискрился алмазной росой, склонившись маленькой гирляндой.

Ребята затихли и даже не глядели друг на друга, словно боялись потревожить торжественное рождение дня. И только спустя несколько минут, когда солнце уже заметно поднялось над горизонтом, стали взволнованно делиться впечатлениями. Но Олег держался в стороне и долго еще хранил молчание, задумчиво поглядывая в поле.

— Ты чего зажмурился? — спросил Николай и положил руку ему на плечо.

И Олег вдруг светло блеснул глазами, пригладил волосы и как-то застенчиво начал декламировать:

Поле идешь — всё цветы да цветы.
В небо глядишь — с голубой высоты
Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

...Дорого-любю, кормилица-нива,
Видеть, как ты колосишься красиво.
Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

— Вот это сочинил! — изумленно воскликнул кто-то, и вдруг раздался веселый хохот.

— Смерть невеждам! — вскричал Николай, бросившись разыскивать человека, посмевшего не знать, что это были строки из поэмы Некрасова «Саша», но «невежда» улепетывал со всех ног к лесу.

— В погоню!

И ребята, загоготовав, как застоявшиеся кони, шумно бросились наперегонки, а впереди, взбрыкивая ногами, мчался Николай. И долго еще продолжалась веселая суматоха, и вспугнутые жаворонки взмывали над степью, серебристым звоном возвещая утреннюю побудку.

И вот мы в лесу. Сразу исчезли куда-то степные ветрки, нас окружила теплая и мягкая лесная тишина — таинственная и пронизывающая до звона в ушах. Мы стоим, слушая тишину, и кто-то тихо и задумчиво стал читать из Некрасова:

Мне лепетал любимый лес!
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится сильнее
Родных лугов, родных полей.

Вскоре мы нашли красивую, уютную полянку, я растелила скатерть на траве и стала готовить завтрак. Аппетит у ребят после прогулки волчий, и мне никого не пришлось упрашивать — только подавай!

После завтрака ребята разбрелись в разные стороны, и только слышно было отовсюду далекое «ау!».

Домой мы возвращались нагруженные корзинками грибов и огромными букетами лесных цветов.

ОТЧИЗНА

Общественная работа забирала у Олега много времени и энергии, но не мешала ни учебе, ни разным увлечениям.

Начиная со второго года в школе, он был старостой класса, потом — редактором школьной газеты.

Уже в пятом классе сын прикрепил к куртке значок «Ворошиловского стрелка».

Вот он кропотливо рисует плакат к праздникам. Вот, весь в краске и клее, строит с товарищами модель самоходного танка и «настоящего» самолета.

На праздничной демонстрации в его руках — школьное знамя.

Вот он с криком и смехом, раскрасневшийся на морозе, лепит с ребятами снежную бабу. Команда — и полетели снежки.

— Атака! Ура!

Любил он послушать, как снег свистит под лыжами, до самозабвения увлекался футболом, вертелся на турнике, не последним был и в волейболе.

И с одинаковым увлечением садился за уроки, бежал в школу...

Трудно было понять: что же больше всего любил мой сын и чем глубже всего увлекался?

Он любил все: небо, шахматы, Днепр, химию, звезды, школу, товарищей, географию, родной дом, цветы и футбольный мяч, книги и кино, историю и математику, возню с ребятами и стрельбу в цель, животных, рыб, птиц, лопату и молоток в своих руках...

Любил все настоящее и интересное, дружное и красивое. Наслаждался учебой и трудом, теплом от костра, песней и музыкой.

Он жил свободно, как птица, как сотни тысяч советских ребят.

Я думаю сейчас: когда настал последний час моего сына около зловещего шурфа, когда измучен он был пытками и ослабел телом, не улыбнулось ли тогда Олегу его счастливое детство? Не легче ли ему было принять пулю убийц и смерть, зная, что никто и никогда не отнимет счастливого детства у советских ребят?

Мой юный читатель! Береги и люби все, что завоевали для тебя отцы и старшие товарищи в тяжелых боях своей кровью. Люби свою родную землю и каждую травинку на ней. Береги и дорожи всем — великим и малым: советом старшего товарища и усталыми от труда руками твоей матери и отца, вещами, которыми пользуешься, и особенно людьми, которые их делают, люби все, что охватывается большим и красивым словом — Отчизна, люби ее больше, чем себя, учись и трудись на славу ее, ибо в ее славе — твоя слава.

Пусть жизнь и борьба Олега помогут тебе...

„У РЕКИ ЖИВЕТЕ — ПЛАВАТЬ НЕ УМЕЕТЕ!“

Там же, в Ржищеве, Олег записался в Освод, стал наблюдать за правильным ловом рыбы и за катающимися на лодках. Казалось, он только и ждал того, чтоб кто-нибудь упал из лодки в воду, чтобы броситься на помощь и спасти. Плавал Олег, как рыба...

Кстати говоря, такой случай представился Олегу двумя годами позже — во время летних каникул у тети Таси, в Коростышёве, где служил в частях ее муж Терентий Кузьмич Данильченко.

Олег любил своих двоюродных сестричек Светлану и Лену и целыми днями пропадал с ними в лесу и на реке.

Река под Коростышёвым быстрая. Несколько километров тянется она среди леса, красивая и живописная, как все наши лесные реки.

Как-то ранним утром Олег скомандовал сестренкам:
— Скорее на реку, в лодку! Прокачу, рыбу половим. Живей, живей!

Когда они выгребли на середину реки, Олег попросил Лену сесть на весла, чтобы самому приготовить удочки. Девочки расшалились. Переходя к веслам, Лена споткнулась, вцепилась руками в борт лодки... Секунда — и лодка опрокинулась.

Девочки плавать не умели. Лена ухватилась за лодку, Светлана захлебывалась, и ее уносило течением. Видя, что Лена держится сама, Олег крикнул ей:

— Молодец! Держись крепче!

И саженками поплыл к Светлане.

По всем осводовским правилам спасания утопающих он подхватил сестренку в воде и поплыл с нею к берегу. Усадил ее на песок, нырнул — и за Леной. Тем же порядком доставил на берег и ее.

Потом, у костра, прыгая на одной ноге, вытряхивая воду из ушей, Олег сердито выговаривал сестренкам:
— У реки живете — плавать не умеете! Стыдно!

И в течение месяца он научил сестреночек плавать.

В Коростышёве Олег обучился верховой езде. Терентий Кузьмич Данильченко прекрасно владел оружием и отлично ездил верхом. В его твердых руках любая норовистая лошадь становилась послушной и покорно выполняла все, что требовал наездник. Данильченко подолгу и терпеливо обучал Олега трудному мастерству верховой езды.

Бывало, возьмут верховых лошадей и уедут в поле. Не один раз кубарем слетал Олег с мчавшейся лошади, не раз больно ушибался, но желание и упорство оказывались сильнее боли.

И Олег добился своего. Легко вскакивал на коня, ловко управлял в езде и вскоре приобрел выправку настоящего наездника, даже ходил с развальцей. Если бы его воля, он, кажется, не слезал бы с коня.

ВЕСНА

В Ржищеве у Олега было много товарищей, а самыми близкими из них были Володя Петренко, Ваня Лецинский, Гриша Задорожный, Зина Бонзик и Рада Власенко.

Вспоминается мне один из счастливых дней моей жизни.

Это было летом, под вечер. Солнце еще не зашло, и я решила погулять над Днепром. Не успела я подойти к берегу, как услышала с днепровских просторов звучное пение. Пели хором — так чудесно и с таким вдохновением, что невозможно было не пойти той песне навстречу. Я взбежала на высокий берег...

И мне вдруг почудилось, что по синему вечернему Днепру плывут живые букеты цветов. Это была лодка, полная девушек, одетых в разноцветные украинские костюмы, с развевающимися лентами и венками на головах.

И вдруг из самой гущи этих живых букетов раздался звонкий голос:

— Мама, иди к нам!

Узнать сына было трудно, но вот он замахал мне рукой. На голове у Олега был такой же, как у девочек, венок из живых цветов.

— Садитесь с нами, Елена Николаевна! — стали звать меня и девочки. — Мы — к пристани, пароход встречать. Увидите, как волны будут качать лодку!

Я узнала потом, что Олег, катаясь в своей лодке, повстречал на берегу Раду с ее подругами, ученицами шестых и седьмых классов ржищевской школы, и позвал их покататься по Днепру. Девочки охотно согласились, а в благодарность сплели Олегу на голову венок из цветов, собранных ими на левом берегу Днепра.

Я вошла в лодку, села рядом с Олегом. Для меня у девочек тоже нашелся венок.

Торжественно, с пением «Веснянки», они надели его мне на голову, и я уже не отличалась от них и вместе с ними пела хвалу весне...

ЗВЕЗДА ПУТЕВОДНАЯ

Читал Олег, как почти все ребята в его возрасте, много, с героями прочитанных книг радовался, горевал, путешествовал, шел на битву с врагом и побеждал.

Он без конца перечитывал «Овода» Войнич, рассказы Джека Лондона, читал Горького, Пушкина, Некрасова, Котляревского, «В дурном обществе» Короленко, «Разве режут волы, когда кормушки полны?» Панаса Мирного, Шевченко, «Тараса Бульбу» Гоголя, увлекался его рассказами про Украину. Из «Евгения Онегина» он многое знал наизусть.

Николай Островский, этот писатель, любимый всей нашей молодежью, стал Олегу особенно дорог и близок. «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Олег прочитал на украинском языке, когда еще был учеником шестого класса.

Он принес книжку и сразу засел за нее. Все уже спали. Вдруг из комнаты сына долетел до меня громкий разговор.

«С кем это он? — подумала я. — Что бы это могло быть? Ведь уже третий час ночи!»

Я пошла к сыну. Смотрю — лежит мой Олег на кровати, размахивает руками и повторяет с жаром:

— Вот так Павка, вот это молодец!

— Сын, с кем ты здесь говоришь? — спросила я потихоньку. — Скоро утро, а ты не спишь.

Олег поднял на меня утомленные глаза:

— Мамочка, не сердись! Знаешь, я такую книжку читаю, такую интересную, никак не могу оторваться! Я сейчас засну. Мамуня, завтра, когда я пойду в школу, почитай и ты эту книгу, но только вот до этого места, хорошо? А потом мы будем читать вслух. Ну дай честное слово, что дальше без меня ты ни одной строчки не прочтешь!

И он показал на седьмую главу.

Я взяла книжку, пообещала исполнить его просьбу и ушла. У себя я только на минутку заглянула в книгу и уж не могла оторваться.

Когда Олег возвратился из школы, я в книге зашла далеко вперед. Но об этом ему, конечно, не сказала. Остальное мы читали с ним вместе.

Закрыв книгу, Олег спросил:

— Мама, скажи, можно ли стать таким же выносливым, как Павка, таким терпеливым и закаленным, как сталь?

Я не знала, что ответить ему, собиралась с мыслями. Он продолжал:

— Ты знаешь, мама, я хотел бы во всем быть похожим на Павку. Делать то, что он делал, мне уже, наверно, не придется. Корчагину смолodu пришлось

много претерпеть. Он с буржуями дрался и с немцами. Мы о такой жизни можем только в книжках читать...

После Олег не раз возвращался к этой волновавшей его теме. И когда в школе устроили диспут о книге «Как закалялась сталь», Олег был докладчиком.

Во второй раз Олег прочитал книги Николая Островского учеником девятого класса, уже будучи комсомольцем.

Книги эти стали его звездой путевой. Он и в мыслях не разлучался с их героями. С ними, наверно, и на смерть пошел...

КАНЕВ

Моего мужа перевели на работу в Канев, нам пришлось покинуть Ржищев.

Жаль было Олегу разлучаться с родным местом, где он провел столько счастливых лет своего детства, где его любили и где его юное сердце впервые потянулось к другому юному сердцу: Рада Власенко оставалась в Ржищеве...

Кроме того, Днепр, лодки, Освод — все это стало так дорого и близко его душе.

Перед отъездом Олег очень волновался.

Он хотел, никого не обидев, поделить между товарищами все свое «рыболовецкое хозяйство»: удочки, коллекцию крючков, сеть, сачок, переметы, свою любимую лодку. И все было роздано без обиды.

В день отъезда к Олегу пришли все его товарищи. Их собралось довольно много. С одними он подружился в школе, с другими был в Осводе, ловил рыбу, а с Ваней Лещинским и Володей Петренко — сколько

он с ними мечтал о далеких путешествиях по морям и океанам!

Грустно ребятам было разлучаться, и разговор у них не клеился. Стоят друг против друга, а нужных слов не находят.

Гриша Задорожный махнул рукой:

— Эх, Олег, собрались мы, чтобы поговорить с тобой в последний раз да пожелать тебе счастливого пути, а оно, видишь, — как будто языки прилипли... молчим!

У Рады Власенко вдруг вспыхнули щеки, и от этого она стала еще миловиднее.

— Олежек... шесть лет мы учились все вместе, в одной школе. Ты был для нас хорошим товарищем... другом верным. Каждому из нас ты старался помочь, выручить из беды, а при случае — и всю вину принимал на себя. Ты ни разу не выдал и не разболтал ни одного нашего секрета. С тобой можно было делиться всем. Мы никогда не забудем тебя, Олежек, дорогой! На́ вот, прими на память от нас...

И Рада протянула Олегу книгу Максима Горького. Олег, взволнованный, бросился к Раде. Они обнялись.

— Ребята, вы же сами все такие... такие... Ну, да разве я могу про вас позабыть? Спасибо за книгу и за все... Давайте споем, а? *

И сразу все повеселели, заговорили громко, перебивая друг друга. Шумной ватагой выбежали во двор, и началась песня за песней...

Наконец переехали мы в Канев. Канев — тихий городок над Днепром, расположенный среди глубоких балок. Здесь, на днепровских кручах, похоронен Тарас Шевченко. А сейчас здесь и могила Аркадия Гайдара.

Мы с Олегом были на празднике, когда народ со всех концов страны съехался к Днепру — на открытие памятника Тарасу Шевченко.

Олег в этот день проснулся ни свет ни заря. Быстро умылся, надел свой лучший костюм, торопливо позавтракал. Конечно, нас он не стал дожидаться и побежал на пристань, куда должен был прийти из Киева пароход с гостями и членами украинского правительства. Немного погодя и мы пошли туда с мужем.

Был чудесный солнечный день.

Могила Тараса Шевченко стоит на высоком берегу Днепра. Отсюда на много километров видна наша родная река с ее золотыми песчаными берегами и тихими заводями. Так без конца и стоял бы здесь, подставив лицо ласковому ветру, любуясь синим Днепром, вспоминая слова Шевченко:

У всякого своя доля
И свой путь широкий...

Вокруг могилы разросся фруктовый сад — весной здесь всё как в снегу от цветения яблонь, груш, вишен, слив. Есть ли уголок на нашей Родине краше!

Гулянье состоялось на зеленой густой поляне, полной цветов, психожей на вышитый украинский ковер. И среди всей этой красоты, оживляя и усиливая ее, мелькали нарядные костюмы девушек, синие шаровары, вышитые рубахи и красные кушаки юношей. Смех, шутки, пляски! Шумя, развевались разноцветные ленты девушек, звенели бандуры — радость народная! А надо всем этим — голубое ласковое небо Украины.

Огромное полотнище опустилось, и под аплодисменты и торжественные звуки оркестра перед народом появился вылитый из бронзы великий Шевченко.

Праздник не затихал до позднего вечера. Сколько у нас с Олегом разговоров было потом!

ЗА ТОВАРИЩА

В конце июля 1939 года Олег поехал в Донбасс, в Краснодон, погостить у своего старого друга — дяди Коли, теперь уже работавшего в Донбассе инженером-геологом. Много он рассказал Олегу о тяжелом и знатном труде шахтера, опускался с Олегом в шахту.

Олег пытливо присматривался ко всему. От угольной пыли глаза его, казалось, стали еще больше и серее.

— Мама, — рассказывал он мне потом, — это какие-то совсем особые люди — шахтеры! Работают глубоко-глубоко под землей. Но ведь без угля все заводы и паровозы станут. А какие они дружные, мама! Один за всех, и все за одного...

К началу учебного года Олег возвратился в Канев. Он хорошо отдохнул, был полон впечатлений и охотно рассказывал о том, что видел в Краснодоне.

Теперь он уже был учеником седьмого класса. Прибавилось ответственности, учеба требовала больше времени и сил.

Как и в Ржищеве, он весь ушел в учебу и общественную работу и вскоре стал одним из лучших учеников класса. Его полюбили — доброго и справедливого товарища.

В каневской школе подобрался на редкость удачный коллектив учителей. Каждый день я видела, как растет мой Олег духовно, шире смотрит на мир — это были результаты влияния учителей.

Но однажды в школе произошел досадный случай. Олег сидел на одной парте с Юрой Коляденко и подружился с ним. Как-то, возвратившись из школы, Олег возбужденно сказал мне:

— Мама, Юра учится на «хорошо» и даже на «отлично», а учитель химии ставит ему «плохо»! А Юра знает химию не хуже меня.

Я была уверена, что ребята ошибаются. Но Олег настаивал на своем. Как-то он даже позвал Юру к нам, чтобы в моем присутствии проверить его знания. Олег не ошибся: Юра знал химию отлично. Я посоветовала ребятам обратиться к классному руководителю, к директору школы и, наконец, к заведующему отделом народного образования.

К сожалению, в школе этому факту не придали особого значения. Тогда Олег написал в Киев.

Вскоре приехала комиссия областного отдела народного образования. Разумеется, дело уладилось. Олег торжествовал.

С той поры я заметила: какая-то суровая непримиримость к несправедливым поступкам товарищей и даже людей старше его родилась и стала крепнуть в мягком и добром сердце сына.

Школа встречала 1940 год.

Организаторы праздника поручили школьным поэтам написать новогодние стихи. Тот, кто напишет лучше всех, прочтет стихи на вечере.

Олег готовился к празднику с увлечением. Да и всем ученикам была дана полная возможность проявить свою изобретательность и творческую выдумку.

И вот весело засветились огни школы. Стройная и высокая, до самого потолка, елка заиграла всеми цветами радуги. Ее окружили сказочные фигуры Деда-Мороза, Снегурочки, днепровских русалок, ветра, луны, солнца...

Появились летчики, танкисты, кавалеристы с бряцающими шпорами. «Джигит кавказских гор» легко станцевал лезгинку. Зашумели лентами украинские девушки. Их приглашают танцевать парни в широких синих, как Днепр, шароварах. Смех, радость!

И вдруг тишина...

С обушком в руках, с фонарем на груди вошел полуполицый шахтер. На голове у него — шахтерский черный шлем. Шахтер медленно подходит к елке, снимает с груди фонарик и, подняв его над головой, как это делают в темной шахте, присматривается к публике:

— Хотите послушать новые стихи?

В зале закричали:

— Хотим, Олег, хотим!

Олег с воодушевлением прочел свои стихи.

За костюм и новогодние стихи Олег получил премию: «Войну и мир» Льва Толстого. Очень он был рад этому подарку!

После Нового года мой муж тяжело заболел. Его отвезли в Киев, в больницу, и больше домой он уже не вернулся...

В КРАСНОДОНЕ

Теперь нам незачем было оставаться в Каневе, и мы согласились на приглашение моего брата переехать в знакомый уже Олегу город Краснодар, Ворошиловградской области.

Приехали мы туда 15 января 1940 года. Брат принял нас очень тепло, и мы поселились с ним в одной квартире.

Дом был одноэтажный, крупного камня, стандартной постройки, на две квартиры, каких было много по

Садовой улице. На улицу выходило шесть окон; наших — три. Перед изгородью росли белая акация и тополя. Дворик небольшой — там стояли сарайчик и летняя кухня. Зелени во дворе совсем не было.

В нашей квартире были три комнаты и кухня. Вход один — со двора, через кухонку, где было владение нашей хлопотуньи-бабушки; тут все сияло чистотой и порядком и всегда пахло чем-нибудь вкусным.

Из кухни входили в столовую. Здесь — диван, где спал Олег, его этажерка с книгами, стол, буфет. Стены покрашены в светло-голубую краску. На них висели картины: «Первый снег» и «Ночь в Крыму»; натюр-морт — фрукты и зелень — работы моей приятельницы Елены Петровны Соколан. Летом на столе всегда стояли живые цветы: сирень, тюльпаны, розы — всё из нашего сада; на подоконниках — комнатные цветы: филодендрон с широкими красивыми листьями и фикусы.

Пол был устлан цветными украинскими дорожками. Комната была солнечная, веселая, из нее не хотелось уходить. На тумбочке стоял патефон, и он редко бывал без работы. Музыку у нас любили все, начиная с маленького Валерика, сына дяди Николая, и кончая бабушкой Верой.

Из столовой налево была комната дяди Николая, направо — моя и бабушкина, маленькая, но тоже веселая и уютная.

Олег любил здесь готовить уроки, писать стихи. На двери висела плотная портьера, скрывающая дверь.

Потом в этой комнате молодогвардейцы будут собираться на свои особо конспиративные заседания. Под этой же комнатой находился подвал. Крышка подвала была сделана аккуратно, пол покрыт плотным ковром.

Зимой от сверкания снега под окнами в квартире становилось еще веселее.

На Донбассе зима особая, постоянная даже в своих капризах. Сегодня мороз щедро размалывает носы и щеки шахтерским ребятишкам, в чистом воздухе ясно просматриваются далекие копры и терриконы, легкий ленивый дымок над ними; на завтра наплывут с юга теплые волны воздуха, и вдруг, среди зимы, заморосит дождь, но снег и не подумает таять. На следующее утро взглянете в окно — опять на дворе трещит добрый русский мороз, снег под солнцем горит и искрится, словно его приготовили для игрушек на елку.

Деревья стоят такие, какие и в сказках не бывают: все в бриллиантах, жемчуге и алмазах. Мороз потрудился над каждой веточкой, над каждым неопавшим листом. Акации стали краше, чем в пору своего цветения. Всё щедро облито, разукрашено, запущено серебряным инеем, играет и переливается на солнышке колючими голубыми огнями. Иней не осыпается даже при ветре, словно деревья так и выросли снежными.

Зимой 1940 года мы редко бывали одни. Приходили шумной ватагой товарищи Олега, девушки, сослуживцы Николая, мои знакомые. Шум, споры, смех, песни и так-цы без конца. Бабушка угощала гостей радушно, по-украински. Из всех нас не танцевала только она одна, но обязательно присутствовала тут же.

До Октябрьской революции Донбасс был суровым, неприветливым краем. Шахтеры изнемогали от работы под землей по четырнадцать часов в сутки, трудясь без машин, с одним обушком, гибли под обвалами в шахтах. Сироты шахтеров вставляли на место отцов или шли по миру.

Шахтеру негде было отдохнуть в свободные часы. Люди жили в полутемных, грязных землянках. О школе, клубе, театре, об электрическом освещении никто и не мечтал, зато грязных «питейных заведений» бы-

ло достаточно. Свои последние деньги шахтер нес в кабак.

В Донбассе до революции никто не сажал деревьев; говорили, что в таком проклятом грунте ничего не может вырасти. Над голой степью высились только терриконы и копры. Нигде ни кустика, ни дерева.

В наше советское время в Донбассе на месте старых, сырых землянок с керосиновыми каганцами появились светлые, просторные дома; вместо грязных кабаков поднялись Дома культуры, школы, клубы, театры, библиотеки, детские сады.

Я работала в детском саду шахты № 12, Олег учился в седьмом классе школы № 1 имени Горького.

Дом детского сада был обставлен мягкой мебелью.

У малышей было много игрушек, работала показательная кухня. На лето детей увозили на дачу, к реке. После двухмесячного отдыха малыши возвращались загорелые, здоровые.

Для молодых рабочих были выстроены просторные общежития. Каждая шахта имела свой клуб, кино, библиотеку, спортивные и танцевальные площадки. К слову, у шахтера широкая натура: он любит и умеет работать, но в отдыхе и в веселье он никому не уступит.

Олег мигом обегал все новые места.

На нас с ним вначале Донбасс произвел не очень отрадное впечатление. Его природа была куда беднее тех мест, где мы жили раньше. Мы привыкли к широкому Днепру, к зеленым садам и паркам. Краснодон показался нам совсем неинтересным. Олег скучал по родным местам. Перед глазами так и стояли живописный Ржищев с его Соловьиной улицей над Днепром, кручи Канева, могучая река...

А потом свыкся мой Олег, как он всегда быстро свыкался со всем новым. В Краснодоне нет Днепра, но за семь километров есть речка Каменка, есть молодой, на девять гектаров, парк, посаженный комсомольцами в 1932 году. Парк разросся и к 1940 году стал роскошным садом. Там бил фонтан, распространяя вокруг себя прохладу, были танцевальные площадки, стадион, летний театр, кинотеатр, библиотека, и в самом центре парка стояла школа имени Горького.

Она была очень красива — просторная, светлая, уютная, как вообще все школы в Донбассе. Деревья смотрели прямо в широкие окна. Солнце, пока не заходило, заливало белые классы. Окон было так много, что школа казалась стеклянной. Особенно красив был спортивный зал — полукруглый, почти весь из стекла, прекрасно оборудованный спортивными принадлежностями.

Мог ли думать Олег, сидя в классе, что именно эту красавицу школу он сам приготовит к взрыву, заложит взрывчатку под любимый спортивный зал!

Понемногу мы начали привыкать к Донбассу и его природе.

Этот внешне суровый край имеет свою, только ему присущую красоту. Поверхность Донбасса неровная и волнообразная; тут несчетное количество оврагов и степных могил, а над ними — черные терриконы и башни копров.

Я работала в детском саду шахты, в пяти километрах от Краснодона. Дорога туда шла степью. Чтобы доставить мне удовольствие и увидеть восход солнца, Олег почти каждое утро ходил провожать меня на работу. Иногда с ним шел и дядя Николай.

Бывало, еще с вечера Олег улавливался со мной:

— Мама, разбудишь меня до восхода солнца?

— А что ж, разбужу.

На следующий день мы отправляемся в дорогу. Заспанный мальчик старался быть бодрым и не обращать внимания на утренний холод.

Когда всходило солнце, мы уже были за селением, в степи.

С первыми лучами солнца на землю падал густой белый туман. Этот донецкий туман никак не был похож на туман полтавских или киевских степей. Тот — серый и тяжелый, оставляющий после себя густую росу; а здесь туман был белый, даже слегка голубой, сухой, без единой росинки.

Казалось, будто перед тобой безграничное море с валами белых волн, набегающих одна на другую, — море, из которого высятся вершины терриконов и копров, похожие на плавающие корабли. Олег не отрывал глаз от необыкновенного зрелища.

Когда солнце поднималось, туман оседал ниже, стлался только по оврагам и низинам, а затем пропал совершенно.

Тогда перед нами открывался пышный степной простор с бесчисленным количеством полевых цветов, каких я даже и не знала.

В такие минуты Олег забывал, что он уже большой мальчик, и бегал от цветка к цветку, рвал их, собирал в огромные букеты: один — для детского сада, другой — для бабушки.

Уже в первый год нашей жизни в Краснодаре мы начали озеленять и приводить в порядок наш двор.

Весной, рано утром, мы выходили копать грядки для огорода и цветочных клумб. Бабушка сеяла нефрошь — веселое декоративное растение. Олег с дядей

Николаем посадили фруктовые деревья, кусты сирени и роз.

Я с раннего возраста прививала сыну уважение ко всякой работе, и он полюбил труд и приятную усталость от него, когда с удовольствием смотришь на то, что сделано твоими руками.

И теперь сын с увлечением копал ямы, разрыхлял землю, удобрял ее навозом. Вытирая пот со лба, он кричал дяде Николаю:

— Готово!

Николай приносил деревце, ставил его так, что оно было на одной линии с другими деревцами, командовал:

— Сыпы!

Олег орудовал лопатой легко, как будто играл ею. От одной ямы переходили к другой, к третьей, десятой. Пот градом катился с лица Олега, но он шутил с дядей и вслух мечтал о первом яблоке со своей яблони под окном.

Под вечер Олег помогал нам рассаживать цветы, а на огороде — капусту и помидоры. Рассаду он без напоминаний поливал каждый день утром и вечером, днем накрывал от солнца лопухами.

На нашем огороде росли огурцы, редис, лук, помидоры и картофель; двор украшали большие шапки подсолнухов.

Среди цветов и подсолнухов наш дом был как в венке.

А чтобы над нашими головами распевали птицы, чтобы было кому собирать на огороде вредных мошек и гусениц, Олег ранней весной прикрепил высокую жердь со скворешней, где вскоре и поселились хлопотливые скворцы.

ЛЮБИМЫЙ ГЕРОЙ

Так прошло шесть счастливых месяцев. В июне 1940 года Олег закончил семь классов. За отличные успехи он был премирован бесплатной туристской путевкой в Крым. Это было первое в жизни Олега большое путешествие. Сколько было восторженных рассказов потом!

За три недели они объездили почти весь Крым, и, кажется, не было ни одного примечательного места, о котором Олег не мог бы дать исчерпывающей справки. Много увидел он своими глазами, но еще больше, пожалуй, прочел о Крыме.

Олег закончил всего семь классов, но мог поддерживать разговор на любую тему и с любым собеседником, будь то десятиклассник, студент или инженер.

Чтобы разрешить какой-нибудь спорный вопрос, он приучил себя обращаться к книге или словарю, или к своей толстой тетради с цитатами. Когда же и этого не доставало, он не стеснялся обратиться к кому-нибудь из старших.

Олег всегда казался старше своих лет. В пятнадцать лет, довольно высокий, крепкий, хорошо сложенный, он был похож на семнадцатилетнего юношу.

Широкий, спокойный лоб, светло-шатеновые волосы, зачесанные набок, длинные густые брови, большие карие глаза с продолговатым разрезом и густыми черными ресницами, полные, постоянно улыбающиеся губы — вот портрет сына тех лет.

Олег был жизнерадостен, умел и любил хорошо говорить, ценил остроумное слово, смеялся искренне и весело, заражая других.

Он очень увлекался музыкой; особенно волновала его скрипка. У него был хороший слух, и достаточно

ему было сходить в кино, как, возвращаясь домой, он уже во весь голос распевал или насвистывал песенку из нового кинофильма.

Кто из наших ребят не увлекается кино! Едва ли они и мыслят свою жизнь без новых кинокартин. И у каждого в этих картинах, конечно, свой любимый герой.

Олег не пропускал ни одной кинокартины. Те, что ему нравились больше других, надолго сохранялись в его впечатлительной душе.

Чапаев! Лихо несется тачанка, Петька у пулемета. Жаркая схватка. Победа! Мужество бойцов, их песни, пляски, дружба, любовь к народу и к своему Василию Ивановичу Чапаеву. И его горячее честное сердце, бьющееся ответной любовью и безудержной отвагой. Мечты Чапая. Песня «Ты не вейся, черный ворон...» Ночь. Удар в спину. Петька встает грудью за своего командира и старшего товарища. Глубокий Урал. Круги на воде. И вот она — месть врагу...

Олег бредил Чапаевым, восторгался Петькой и Анкой, но ближе всех его уму, сердцу и рассудку был комиссар Дмитрий Фурманов.

Часто — днем или в темноте, перед сном, — разговаривали мы с Олегом о прямом, большевистском характере Фурманова, о его спокойствии и выдержке, презрении к панике и унынию. На своей щеке я ощущала взволнованное дыхание сына, видела, как поблескивают в темноте его широко открытые глаза.

Позже, при немцах, когда нервы были накалены, а смерть сторожила из-за каждого угла, бывало кто-нибудь из «Молодой гвардии» потеряет выдержку и начнет стучать стулом об пол, доказывая свою правоту, — Олег, исхудавший, весь напрягшийся, блеснет глазами и бросит с едва заметной усмешкой:

— Александр Македонский великий был полководец, но зачем же стулья ломать?

Случалось, и я не вынесу напряжения, разнервничаюсь, перестану на время мыслить ясно и спокойно — подойдет тогда сын, обнимет меня за плечи и прошепчет на ухо все ту же фразу об Александре Македонском, сказанную Фурмановым Чапаеву.

ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОК

У Олега не было от нас ни секретов, ни тайн. Он делился со мной своими затаенными мыслями, он был уверен, что я выслушаю внимательно и дам искренний совет. Я, помню, была сильно растрогана, когда однажды услышала, как сын сказал своим товарищам по школе:

— У меня мама — не только мама, но и товарищ мой.

Мне легко было растить сына. Жили мы с ним дружно, и он как-то особенно душевно ценил любую заботу и ласку, которыми я старалась окружить его, и платил мне тем же. Я не помню, чтобы мы когда-нибудь ссорились; я не бранила, не ворчала на него даже тогда, когда видела, что он сделал что-нибудь нехорошее.

Спокойно и терпеливо старалась я убедить его, как следовало бы поступить иначе. Не имела привычки обрывать мальчика на полуслове. Внимательно выслушивала его и тогда спокойно говорила сама. О том, чтобы я подняла руку на своего сына, не могло быть и речи.

Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной встает картина прошлого. Немцы уже в Краснодаре. Вот они топают сапогами и по нашим чистым комнатам. И здо-

ровый рыжий немец с перекошенной от злобы физиономией бьет кулаком Олега прямо в глаза...

Я гордилась своим сыном. Не раз ходили мы с ним, взявшись за руки. Я была переполнена материнской гордостью, мне хотелось останавливать людей и говорить им: «Смотрите, какой у меня сын!»

Олег, словно чувствуя мое настроение, весело говорил:

— Правда, мама, я уже большой? Посмотри, я уже выше тебя.

В мечтах о будущем сын уже видел себя сначала студентом, потом инженером. Обещал мне помощь, отдых от работы, любовь и уважение в старости. Я смеялась и говорила ему, что еще не устала жить и что моя старость так далеко.

— Да разве люди от работы устают? Устают от горя. А я, сынок, счастлива с тобой!

Крепко дружил Олег и со своим дядей Колей. Внешне они очень были похожи на братьев, и Олега, который был единственным у меня, это очень радовало.

Часто они вместе читали книги, говорили о прочитанном, без конца спорили, выдумывали различные кроссворды, викторины, ребусы, увлекались фотографией.

Великое это слово: старший товарищ!

Не раз дядя Николай брал Олега с собой в шахту или ездил с ним в поле, на геологические работы. Рассказывал о строении Земли, о полезных ископаемых, о том, как образовался Донецкий угольный бассейн. Учил всему, что знал и умел делать сам.

Позднее знания, которые Олег приобрел, пригодились ему: в период между двумя эвакуациями Олег больше месяца работал помощником бурильщика, — об этом до сих пор помнят старые рабочие.

У дяди Коли было много работы над чертежами. Олег то и дело вертелся около чертежного стола — и вот циркуль и рейсфедер уже в его руках. Ходил сын и в трест к дяде Коле и там не пропускал случая, чтоб не почертить самому на белом, блестящем, как снег, листе бумаги.

Однажды дядя сказал:

— Олег, а не хочешь ли ты узнать, что такое первый заработанный рубль? Есть платная работа. Только вот не знаю: справишься ли ты и с учебой и с работой?

Олег так и вскинулся. Он знал, конечно, что после смерти мужа жить мне было трудновато.

— А я вперед уроки выучу, а потом сяду чертить. Справлюсь, дядя Коля!

Я ничего не знала об этом разговоре. Но вот недели через три врывается бурей Олег, глаза горят, улыбка во все лицо. В руках — свертки:

— Вот, мама, тебе! Это мой первый заработок. Вот и деньги.

И он протянул мне флакон духов, корзинку с пирожными и деньги.

Дороги были для меня те подарки и деньги. Очень дороги...

КРАСНОДОНСКИЕ ДРУЗЬЯ

В конце 1940 года Олег стал комсомольцем. Задолго готовясь к этому, он внимательно изучил комсомольский устав и прочел множество всякой политической литературы.

Свой прием в комсомол ему пришлось пережить дважды: когда принимали в школьной первичной организации и второй раз, когда утверждали в райкоме комсомола.

Возвратился он домой после райкома возбужденный и счастливый.

— Теперь ты уже почти совсем партийный, — сказала я, поздравляя.

В тот памятный вечер в нашей квартире было шумно и весело. В Краснодоне у Олега было много друзей: Сергей Квасников, Ваня Земнухов, Коля Шелупахин, Ульяна Громова, Нина Иванцова, Анатолий Лопухов и Лина Темникова.

Первой среди девушек была для Олега Лина. Этой красивой девушке, с тяжелыми косами и выразительными черными глазами, в дневнике Олега было посвящено немало записей и стихов. Она была на год моложе Олега, хорошо училась, играла на пианино, легко танцевала и считалась хорошим товарищем.

Общительный по натуре, Олег повсюду быстро находил себе друзей и с девочками дружил так же легко, как и с мальчиками. Помню, большая и серьезная дружба была у него с Ниной Иванцовой. Вместе они часто обсуждали своих товарищей, говорили о жизни, о будущем, и вопросы — кем быть и каким быть? — занимали, наверно, немало места в их разговорах.

— Ты не знаешь, мама, какой это верный товарищ! — горячо говорил Олег. — Такой человек никогда не подведет.

Почти каждый выходной день вся наша семья — а к нам частенько присоединялись и многие товарищи Олега — выезжала за двадцать километров, на Северный Донец. Сборы и хлопоты бывали еще более оживленными, чем когда-то в Ржищеве. В поездку бралось различное снаряжение: волейбольный мяч и сетка, рыболовные снасти, кухонная утварь, фотоаппараты, «спасательные круги» — простые автомобильные камеры

для слабоплавающих — «мелководных», как называли их Олег.

Сколько бывало шуму и песен, когда машина «с ветерком» мчалась донецкими степями, сколько веселой суеты и оживления, когда наконец мы подъезжали к реке! И не такой уж бедной казалась нам природа этого края, когда, отдохнувшие и бодрые, возвращались мы домой. Немало хорошего и волнующего было в донбасских степях, суровых лишь на первый взгляд.

Были у Олега друзья также и среди учителей. Особенно теплые отношения сложились у сына с учителями русского языка Петром Ивановичем Улизком, Даниилом Алексеевичем Саплиным и Марией Андреевной Борц.

С Улизком Олега сблизила игра в шахматы. Петр Иванович много лет держал в районе первенство по шахматам и в Олеге нашел достойного противника. У Петра Ивановича была одна обаятельная черта, которая очень привлекала к нему Олега, — искреннее стремление передать человеку свой опыт и знания. Проигранной Олегу партии в шахматы он, кажется, радовался больше, чем своему выигрышу, и с удовольствием разбирал потом причины своей неудачи. Помню, они часто говорили о литературе, о прочитанных книгах, о русском языке.

Даниил Алексеевич Саплин имел в школе славу сурового и требовательного учителя. Но Олег очень уважал его и говорил:

— Если мне удастся десятилетку закончить у Даниила Алексеевича, то поступление в институт мне обеспечено.

В Краснодоне, как и в Ржищеве и Каневе, Олег сновал вошел в самую гущу общественной жизни школы.

был членом учкома, редактором сатирической еженедельной газеты «Крокодил».

В то время Олег много писал стихов по-украински и по-русски. В 1940 году на художественной олимпиаде он получил за свои стихи три книги: «Основы ленинизма», «Капитал» и «Кобзарь». Помню, как Олег мечтал о том времени, когда он сможет прочесть «Капитал».

Он жадно учился и много хотел знать,

ВОЙНА

В июне 1941 года закончились занятия в школе. Олег перешел в девятый класс. Ему шел шестнадцатый год. Летом он собирался провести родные места и вместе с бабушкой прокатиться сначала в милые Прилуки, потом — в Бердичев, где жила моя сестра Наталья Николаевна.

Начали готовиться в дорогу. Укладывали чемоданы, изучали расписание поездов. Поездка обещала быть интересной. По дороге Олег мечтал заглянуть в Ржищев. Представлял себе, как встретится со своими друзьями, вспоминал свою лодку, гуляние по Днепру, костры по ночам, песни, Раду Власенко...

И вдруг все изменилось. Вышло так, что брату Николаю необходим был чертежник.

— Олег, хочешь поработать?

— Теперь? — удивился сын. — Дядя Коля, право же, не могу. В дорогу собираюсь.

Николай обнял своего племянника и заглянул ему в глаза:

— А может быть, ты меня выручишь, Олег? Работа, понимаешь, спешная. И всего — на неделю. Сам я никак не справлюсь. Поможешь?

Олег растерялся. Да не шутит ли дядя Николай? Остаться, когда уже билеты куплены!

— А как же бабушка? Она же не захочет меня ждать.

— Ничего. Бабуся доедет и одна. Не маленькая.

Олег заколебался:

— Ох, дядя Коля, и задал ты мне задачу!

— А я и не принуждаю, Олег. Хочешь — поезжай. Буду искать себе другого чертежника. Может быть, и найду. Наверное найду.

И Олег не поехал. Условились, что бабушка поедет одна, а немного погодя приедет в Бердичев и Олег.

Двадцать второго июня было воскресенье. В этот день, как всегда в выходной, у Олега собрались товарищи.

Разговаривали, перебивая друг друга, завели патефон. Кто-то включил радио...

Я работала на грядках во дворе. Слышу, в комнате стало необычно тихо. Чей-то смех резко оборвали:

— Замолчи!

Вдруг из комнаты выбежал бледный Олег:

— Мама, война! Немцы напали на нас!

Мне показалось, что сын дрожит всем телом, голос его срывался.

— Правда... правда ли это? Кто тебе сказал?

— По радио выступает Молотов. Иди послушай!

В тишине слушали мы обращение Молотова к народу.

— Что же теперь будет? — тревожно спросила я у Олега.

Он подошел ко мне и крепко-крепко, как это делал маленьким, прильнул к моей мокрой от слез щеке.

„ОТПУСТИ МЕНЯ!“

Вскоре многие школьники были направлены в колхоз на полевые работы, и Олег был с ними.

Он очень волновался за бабушку, за мою сестру Наталью, за сестричек Лену и Светлану. Всем им он советовал в письмах как можно скорее приезжать к нам. Наконец они приехали, и Олег успокоился.

Краснодон жил напряженной жизнью. Рабочие записывались в народное ополчение, формировали истребительные батальоны, на фронт шло пополнение.

Через некоторое время над Краснодоном начали появляться немецкие самолеты, на головы мирных людей сыпались немецкие бомбы. Налеты все учащались.

Под обвалами умирали дети, горели дома, на смену счастью и благополучию шло великое горе.

В свободные минуты Олег не отходил от репродуктора. Фашизм скинул маску, и его настоящее лицо было омерзительно. У Олега сжимались кулаки. Бездействие угнетало его. От репродуктора он бросался к бумаге и под голос диктора, сообщавшего о зверствах немцев, о пожарах и горе, волнуясь, писал стихи.

Несколько из них сохранилось, остальные пропали.

На милую и горделивую,
На наш родимый мирный край,
На нашу Родину счастливую
Напал фашистский негодяй.

Все, как один, возьмем винтовки,
В бою не дрогнем никогда!
За нашу кровь, за наши слезы
Мы отомстим врагу сполна!

Голосом, полным гнева, тоски и боли, Олег читал мне эти стихи.

Враг приближался к Краснодону. Все тревожнее становилось в городе и на его окраинах. Начали готовиться к эвакуации. Моя сестра Наталья с детьми выехала далеко на восток. С шахт увозили оборудование.

Пока трест «Краснодонуголь» вывозил свое имущество, рабочие и служащие выехали в Верхне-Курмоярскую станицу — строить оборонительные рубежи. Выехал туда и мой брат Николай. Немцы были уже у Ростова.

Дома у нас собирались к отъезду; с минуты на минуту ждали эшелон.

Олег был единственным мужчиной в нашем доме, и на его плечи легли все заботы, связанные с эвакуацией.

Проходили дни. Эшелонов для населения не хватало: они шли на запад с войсками, на восток — с ранеными. Иногда проскакивали через станцию эшелоны с оборудованием шахт и заводов. Олег ходил на станцию, расспрашивал, нервничал, видя немецкие эскадрильи, сбрасывающие бомбы на мирные дома. В конце концов бездействие измучило его. Когда-то еще будет эшелон, а он, здоровый парень, должен сидеть сложа руки!

Он начал просить меня отпустить его в Верхне-Курмоярскую станицу:

— Мамочка, пойми меня! Не могу же я в такие дни сидеть дома без дела. Там, вместе со всеми, я хоть какую-нибудь пользу принесу. Каждая минута дорога, а я ничего не делаю... Пустите меня, мама!

А я боялась за него. С каждым днем усиливалась бомбардировка нашего города и особенно — железных дорог. Я старалась уверить сына, что нужно подождать эшелон, ехать вместе, но он и слушать не хотел:

— Я доеду, я не маленький. А там, вместе с дядей Николаем, буду работать на укреплениях.Пусти же, мама!

Я стала собирать сына в дорогу. Вместе с Олегом ехал и его товарищ Николай Шелупахин.

Мысль о том, что Олег едет не один, подбадривала меня. Но все же мы с бабушкой не могли удержаться, чтобы не заплакать.

Мы просили Олега беречься, слушать дядю Николая. Олег был очень нежен с нами, все время шутил, просил не беспокоиться о нем.

— А вы, как только будет эшелон, сразу же выезжайте, — наказал он нам перед разлукой.

Тяжело было расставанье... Засвистел паровоз, ребята вскочили на подножки вагона. Олег снял кепку и махал нам до тех пор, пока поезд не скрылся за станционными домами.

Мы с бабушкой остались стоять на перроне.

Неизбывная печаль легла мне на сердце. Увидим ли мы его когда-нибудь? А тут еще, как нарочно, в ту самую сторону, куда пошел поезд, полетели фашистские самолеты. Вскоре мы услышали глухие разрывы бомб. Враг бомбил станцию Лихую.

Я горько расплакалась...

Дня через два после отъезда Олега крупные подкрепления наших войск пришли в Краснодар. Был дан приказ приостановить эвакуацию. Немцев отогнали от Ростова. Опасность миновала.

Через некоторое время все рабочие и служащие были отозваны с оборонительных рубежей в Краснодар на ремонт шахт.

Возобновили свою работу и детские сады. Я стала ждать возвращения своих.

В середине ноября отзывали Николая. Каков же был мой испуг, когда я увидела брата на пороге дома одного!

— Где ж Олег?

— Разве ты не знаешь своего Олега? — устало улыбнулся брат. — Остался заканчивать укрепления в станции Верхне-Курмоярской с такими же энтузиастами, со своим другом Шелупахиным.

Только в конце ноября возвратились наконец Олег с Колей Шелупахиным, возбужденные, обветренные. Олег похудел, изменился, как будто бы сразу стал взрослым. Тревожные дни, какие переживала страна, резко отразились на сыне.

Это был уже не тот Олег — веселый и беспечный. Нет, теперь передо мной стоял серьезный, немного грустный юноша, уже познавший горе. Я видела, как он не находил себе места. Подолгу задумывался, разговаривал сам с собой.

Помню, как-то поздним вечером долго сидел он в углу дивана, подперев рукой подбородок, глядя куда-то далеко-далеко.

— Ты только, мама, подумай: нас, молодежь, растили для большого дела. Все двери в науку для нас были открыты. Учись, путешествуй, работай! Всё для нас и ради нас. Понимаешь? И мы не знали ни капиталистов, ни помещиков вроде Кочубея, ни бедствий гражданской войны...

Вдруг он резко поднялся, начал быстро шагать по комнате, потом встал против меня:

— И вот, мама, я думаю сейчас о той нашей молодежи... ну, о тех наших ребятах там, где уже немцы. Какая же у них, наверно, буря в душе! Школы закрыты, книги сжигаются. Иди в кабалу, в рабство, в темноту! Ну, нет! Не удастся это бандитам! Не станут на-

ши люди на колени, никогда, ни за что! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! Правда, мама, хорошие слова?

Через несколько дней Олег пошел в школу. Буднично прошел первый день занятий. Не было прежнего увлечения занятиями, не было радости.

Но скоро на свет опять появился «Крокодил». Только теперь от былой веселости его мало что осталось. «Крокодил» выметал метлой тех, кто в тяжелое для Родины время ленился, прогуливал, не учил уроков.

Но все-таки жизнь как-то налаживалась и входила в свою, теперь уже военную, колею.

30 Я

У нас на квартире поселился комиссар, майор Василий Данилович Говорущенко. За несколько дней Олег близко с ним сошелся. О многом они беседовали, но всегда заканчивали разговором о войне, о трудностях ее, о неизбежной победе над немцами.

Как-то морозным днем Говорущенко принес свежие газеты. Олег первый кинулся к ним. Перебирая их, сын увидел статью о героическом подвиге и смерти Зои Космодемьянской.

— Хотите, прочитаю вслух? — обратился он к нам взволнованно.

Статья эта ударила Олега, кажется, в самое сердце. Как он ни старался закрыть глаза газетой, я заметила в них слезы.

Кончив читать, он тихо уронил:

— Вот настоящая комсомолка!

Некоторое время он сидел опустив голову, задумчивый. Может быть, в это мгновение он представлял

себе мужественный путь Зои, а возможно, что именно тогда его сердце загорелось огнем мести, который уже никогда с тех пор не угасал в его груди.

Вдруг он поднял голову, взглянул на нас и сказал: — Если бы и мне пришлось попасть в их руки, мама...

Он замолчал и молчал долго.

Помню, был обычный донбасский зимний день с морозом и резким ветром. За окнами лежал глубокий снег. Густой иней облепил сучья деревьев, окна в домах. Ветер тревожно высвистывал в трубе.

Долго в нашем доме говорили о Зое. Олег слушал, сосредоточенно думая о чем-то своем.

Когда пришли газеты с портретом Зои, Олег вырезал его, заботливо вставил в рамку и повесил над своей кроватью.

ГОСПИТАЛЬ

После уроков Олег с товарищами спешил в красnodонский госпиталь: читал раненым газеты и книги, для тяжелораненых писал письма родным и знакомым.

Комсомольцы объявили сбор посуды для госпиталя. Олег побывал во многих домах и в первую очередь, конечно, взял все, что можно, из нашего дома.

В это время в квартире у нас жил военный врач — хирург Павел Петрович Кондратов. Это был спокойный, задумчивый человек, но, когда приходил Олег, он оживлялся и подолгу беседовал с ним, рассказывая об интересных операциях, о войне, о бойцах и командирах, лежавших в госпитале.

Помню, однажды Павел Петрович, всегда такой точный и аккуратный, пришел домой с большим опозда-

нием — в полночь, усталый, с запавшими глазами. Олег еще не спал и спросил, что случилось. Павел Петрович рассказал, что он все это время находился при молоденьком бойце, которому пришлось ампутировать обе ноги, иначе он бы умер от гангрены.

— А как он просил оставить хотя бы одну ногу! — болезненно морщась, сказал Павел Петрович. — До чего же все-таки слаба медицина...

Олег попросил разрешить ему навещать больного и через несколько дней, когда бойцу стало лучше, зашел к нему и долго по душам разговаривал с ним, расспрашивая о родных, о войне. Боец — звали его Василий Нестерук — воевал в саперных частях; и хотя было ему всего двадцать лет, он мог о многом рассказать: немало фашистских танков, орудий и автомашин подорвалось на минах, которые он закладывал.

Олег дотошно расспрашивал его о технике минного дела, о тонкостях боевых операций, о враге... Он жадно впитывал все эти сведения, словно они могли пригодиться ему в будущем.

У Василия Нестерука были родные — мать и сестренка, которым Олег под диктовку писал письма. Была у него и любимая девушка, но Василий никак не хотел признаться ей в своем несчастье.

— Что она, не советский человек? — возмущался Олег. — И как вы смеете думать только, что она вас разлюбит? Да вы посмотрите, какие письма она вам пишет! Это же трусость, честное слово!

Но красноречие Олега не действовало. Тогда Олег, запомнив адрес девушки, написал ей однажды письмо от себя.

— Пускай только не ответит! — грозился он, заклеив письмо. — Впрочем, я уверен, что все будет хорошо.

Помню, недели через две прибежал как-то Олег домой и прямо с порога радостно сообщил:

— Приехала! Сама приехала к Васе и заберет его домой. Ты бы только видела, как они рады! Завтра пойду с ними прощаться. Может, и ты, мамочка, пойдешь?

Я пойти не могла и попросила передать самые сердечные пожелания.

Вскоре военный госпиталь эвакуировался из Краснодона.

БЕСПОКОЙНЫЕ ДНИ

Кончался учебный год, прошли испытания, и Олег перешел в десятый класс.

Теперь у него стало больше свободного времени, и я советовала ему хоть немного отдохнуть. Он только отмахивался.

Лицо сына хмурилось все более. Он стал еще замкнутее. Какие планы созревали у него в голове? Какие думы вынашивал мой сын? Ясно мне было одно: сердцем он был там, на переднем крае войны, где решалась судьба всей нашей жизни. Передо мной был уже не мальчик. Руки моего сына просили оружия.

Позже я узнала про всё, и, как всегда, от самого Олега.

Сразу же после испытаний он стал советоваться с товарищами по школе, за какое дело им взяться, чтобы скорей помочь фронту. Ребята уже тогда решили организовать отряд и идти в лес, к партизанам.

Не знаю, что бы получилось у ребят, если бы в это время Олег не познакомился с начальником политотдела одной саперной части, Вячеславом Ивановичем

Грачевым, и не стал часто бывать у саперов. Он-то и отговорил их от этой затеи.

Это было в начале 1942 года. Олег задумал пойти в армию добровольцем. Вячеслав Иванович согласен был взять его в свою часть, уверял меня, что будет беречь Олега, как родного сына. А когда закончится война, Олег возвратится домой с победой живым и здоровым.

Я вначале колебалась, потом дала согласие. Невозможно описать радость Олега! Он обнял меня и начал кружить по комнате, как маленькую девочку. Каким сильным он стал к тому времени!

— Вот уж спасибо тебе, мама! Я знал, что ты меня поймешь, — повторял он, целуя меня в обе щеки.

Начались сборы. Но Вячеслав Иванович должен был сначала один выехать куда-то по важному делу и только после возвращения забрать Олега с собой.

Грачев не возвратился ни на другой день, как мы условились, ни на третий, не возвратился и на десятый...

Взволнованный Олег не спал по ночам. Мы тоже волновались — вещи Грачева остались в Краснодаре. Закралась мысль о несчастье.

Так оно и было. Грачев попал в окружение и уже не мог пробиться к своим.

Стояли палящие июльские дни. Фашистские орды двигались на восток, а с ними — смерть и разрушение. Пылали цветущие украинские села и города.

Красная Армия с боями отходила на новые рубежи.

Краснодонские шахтеры, рабочие и служащие организовывали истребительные батальоны, до позднего вечера проходили боевую подготовку. Помещались они в просторных рабочих общежитиях, около базарной площади.

Олег в эти дни почти не бывал дома. Он не пропускал ни одного события в Краснодаре. До всего ему было дело. Чтобы и ночью следить за налетами немецких самолетов, он ложился спать во дворе, накрывшись простыней.

С немецких самолетов падали ракеты, надрывно гудели паровозы, шахты, шарили по небу прожекторы, хлопали зенитные пушки. Немцы бомбили окраины города, где скопились наши воинские части. Доносился яростный гул бомбежки и со станции Лихой; там долго стояло яркое зарево. Ночью становилось светло, как днем.

Я безотчетно боялась за Олега. Мне казалось, что его белую простыню среди зелени заметят немцы. Олег посмеивался:

— Что же ты, мама, думаешь, простыня — это тоже военный объект? Это же обыкновенный материал, а под ним спит обыкновенный субъект!

В ПУТЬ

В Краснодаре вторично началась эвакуация. В нашем доме тоже готовились к отходу. Хотя и верили мы, что настанет время, когда мы снова возвратимся в родные места, но на сердце было тяжело. Олег всячески старался успокоить тех, кто впадал в отчаяние; горячился, доказывая, что нас невозможно победить, ссылаясь на историю, и, правду сказать, нам становилось как-то спокойнее от его слов.

А по дорогам, по всем улицам Краснодона всё двигались и двигались бесконечные людские потоки. Хрипло мычал голодный скот, причитали женщины, а дети уже не могли и плакать.

На машинах, на телегах, на тачках, а то и на себе люди уносили свой скарб, уходили от немцев. Все это, двигаясь на восток, перемешивалось с воинскими частями. Иногда весь этот шум, крики и плач перекрывал лязг гусениц танков. Шла кавалерия, двигалась пехота. Почерневшие лица у бойцов и командиров были угрюмы.

Поднятая тысячами ног и колес, тяжелая темно-красная донбасская пыль вставала плотной стеной, затемняла солнце, покрывала черным налетом лица людей, высушивала рот, слепила глаза, скрипела на зубах. Порой людей не было видно из-за нее.

Солнце жгло без жалости. Сердце разрывалось от боли при виде измученных ребятишек. Им было тяжелее всех.

Наш домик стоял около дороги, и из окон все было видно. Видел это и Олег, и мука застыла в его глазах.

— Мама, — жестко твердил он, — мне надо уходить. Надо! Надо! Может случиться, что эшелонов не хватит на всех. Что тогда? Немцы нас, мужчин, в первую голову погонят строить для них укрепления, рыть окопы, подносить патроны и снаряды к их пушкам. А эти пушки будут стрелять по нашим, убивать их! Ты же знаешь, я никогда не пойду на это, и немцы убьют меня. Нет, надо уходить. Надо...

И вдруг — новое горе. Перед самым отъездом тяжело заболела бабушка. Она, правда, все еще хлопотала, работала за троих, но силы ее оставляли. Выяснилось, что у нее брюшной тиф. Это разбило все наши планы. Как я могла оставить больную мать? Я заявила, что никуда без нее не поеду.

Оставалось одно: немедленно выезжать брату с семьей и Олегом. Для них и шести рабочих дали под-

воду. Договорились на подвуду уложить все вещи, самим идти пешком. Как же не хотелось Олегу оставлять свою бабушку, да еще больную! Раз десять на дню он умолял меня:

— Береги бабусю!.. Бабушка,— бросался он к ней,— смотри не забывай, что ты коммунистка! А ну-ка, где твой партбилет? Хорошо ли его спрятала? Немцы придут — сейчас же с обыском!

Бабушка слабо улыбалась:

— За меня не бойся. Я уже приготовила место для билета, да такое надежное... Не взять его немцу. Руки коротки у ката. Ты сам, Олежек, будь осторожен. Дядю Колю слушайся...

Так они утешали друг друга.

Перед отъездом Олег, конечно, забежал попрощаться с Линой. Он просил ее, если не удастся выехать, прятаться от немцев, быть стойкой, духом не падать и ждать возвращения своих.

А мне он сказал:

— Обо мне не беспокойся, мама! Будь уверена, я найду себе дело. Я думаю, что мне лучше всего пойти в армию или в партизаны. Недаром я выбивал сорок восемь из пятидесяти возможных. Теперь вот как пригодится!

— Сыночек мой,— пробовала я возражать ему,— это хорошо, что ты такой, но ведь тебе только шестнадцать лет!

— Соловей хоть и маленький, да голос у него большой,— как всегда, отшучивался Олег.— Во всяком случае, за чужими спинами отсиживаться не стану! Нет уж!..

Я волновалась за Олега, знала: у него слово не разойдется с делом. Но что я могла сделать? У птенца отрасли крылья, и родное гнездо стало тесным ему.

Утром 16 июля я собирала в далекий путь самых дорогих и близких моему сердцу людей. Вместе с ними уезжала моя приятельница, чертежница геологического отдела, Елена Петровна Соколан. Олег любил и уважал Елену Петровну, она была нашим другом.

Проводила я их за город. Там на окраине молча обняла сына, крепко его поцеловала.

— Делай все так, как подскажет тебе твоя совесть, — сказала я ему на прощанье.

Долго еще Олег оборачивался и махал мне кепкой. Совсем разбитая, я вернулась домой. В нашем милом домике, где недавно было так шумно и уютно, полно радости и веселья, где не умолкал смех Олега, шутки дяди Коли и бабушки, стало пусто, глухо, одиноко. Все было сдвинуто с привычного места, разбросано. И не было его, моего Олега...

В отчаянии я бросилась на пол и долго лежала так, немая, опустошенная...

НЕМЦЫ

Настали тревожные дни. Отступая, прошли через Краснодон последние воинские части. Город опустел; казалось, он вымер.

Все, кто не уехал, попрятались в домах и с тяжелым предчувствием, как смерти, ожидали врага. Мы с мамой в доме остались одни, жили в тоскливом напряжении, стараясь не думать о страшном.

Но это страшное пришло. Утром 20 июля 1942 года двумя далекими взрывами мы были разбужены от сна. Это на подступах к городу, как мы узнали потом, подорвались на минах два фашистских танка.

Вскоре я услышала нарастающий рокот, беспорядочную стрельбу, а затем в приоткрытые ставни окна увидела мчавшиеся по улице немецкие танки, стрелявшие на ходу куда попало. Следом за танками ворвались в город мотоциклисты, прочесывая из автоматов пустые улицы.

Фашисты врывались в дома и, хватая перепуганных женщин и детей, крича и понукая автоматами, выгоняли их на улицу. Двое верзил, переодетые во все русское, став во главе согнанной толпы, преподнесли своему офицеру, по русскому обычаю, «хлеб-соль», а другие щелкали фотоаппаратами. Солдаты совали трясущимся от страха ребятишкам губные гармошки и вместе с ними фотографировались, улыбаясь в аппарат. Мотоциклисты глушили машины и, угрожая пистолетами, сгоняли подростков, заставляя их тащить якобы заглохшие машины.

Было тяжело смотреть на этот отвратительный спектакль.

Они были похожи не на солдат, а на бандитов с большой дороги. Прежде всего эти «освободители» кинулись по квартирам и курятникам. Каждый из них что-то тянул: курицу, какие-то мешки, всяческую одежду. Они не брезгали ничем.

К нам в квартиру заскочили два ефрейтора и заявили, что здесь будет жить «большой офицер».

Увидев на дверях портьеру, один ефрейтор кинулся к ней, сорвал ее и, скомкав, сунул в мешок. Другой увидел на стуле мое шелковое платье, вытащил из кармана ножницы и тут же порезал платье на косынки. Потом они оба бросились к буфету, но мы предвидели грабеж и заранее попрятали все ценное.

К вечеру Краснодон был переполнен немцами. В этот же день у нас поселился важный офицер. Чемо-

данов и сундуков у него было столько, что их некуда было ставить. Ими забили кладовую, коридор; в квартире стало тесно от них. Среди вещей были даже самовар и половая щетка. Одним словом, нашему квартиранту более подходило название большого грабителя, чем большого офицера.

С этих пор мой дом стал мне чужим. Меня только радовало одно: что нет здесь сейчас ни Олега, ни брата и что им не пришлось жить под одной крышей с немцем.

В первые же дни немцы стали вводить новые порядки. Были созданы немецкая комендатура, жандармерия, городская управа, дирекцион и биржа. По городу расклеены приказы и объявления. В каждом таком объявлении что-то запрещалось и за что-то полагался расстрел. За появление на улице после восьми часов — расстрел, за неявку на отметочный пункт — расстрел, за уклон от регистрации на бирже — расстрел.

Учету подлежало все — не только население, но и домашнее хозяйство, скот и даже птица, случайно уцелевшая после грабежей. Коммунисты, не успевшие эвакуироваться, комсомольцы и даже пионеры брались под особый контроль.

В короткий срок город изменил свой облик. Красавица школа имени Горького, в светлых, оборудованных классах которой еще недавно учились дети горняков, была превращена в дирекцион № 10 так называемого «Восточного акционерного общества». В помещении районных яслей расположилась городская управа, возглавленная немецким наемником, бывшим кулаком, теперешним бургомистром Стаценко. Замечательное по своей архитектуре здание клуба ИТР за чем-то начали перестраивать, и когда наконец оно было перестроено, трудно было понять, церковь это или мечеть. Городская

больница, с ее бесчисленными кабинетами и палатами, была превращена в наводившее ужас на всех жителей города фашистское учреждение — гестапо. Городской парк, излюбленное место отдыха детей и взрослых жителей Краснодона, был частично вырублен и превращен в оружейный арсенал.

Я только рада была, что с нами нет родных.

Но случилось такое, чего никто не мог ожидать: 25 июля, в четыре часа дня, возвратились шестеро рабочих, а с ними Олег и мой брат с семьей. Они доехали до Новочеркасска — дальше на восток все пути были уже отрезаны.

Невеселой вышла моя встреча с Олегом.

Он был хмурый, почерневший от горя. На лице его уже не появлялось улыбки, он ходил из угла в угол, угнетенный и молчаливый; не знал, к чему приложить руки. То, что делалось вокруг, уже не поражало, а страшным гнетом давило душу сына.

— Мама... если бы ты знала, мама! — горячо шептал он мне. — Это же не люди, а какие-то чудовища, настоящие людоеды! Если бы ты знала, чего я только не навидался в дороге!

Далеко за полночь рассказывал Олег о страшном пути. Ураганный ливень, разразившийся над раскаленной пыльной степью, залил потоками воды дорогу, по которой бесконечной вереницей шли беженцы, утопая в оплывающей хляби и с трудом толкая застревающие повозки.

После мучительной холодной ночи, проведенной при скудных кострах, утром двинулись дальше.

У села Николаевки был первый налет. Отбомбившись по растянувшемуся шествию, «Юнкеры» развернулись и снова пошли вдоль дороги, расстреливая на бреющем полете группы и одиночек. Олег, прижимая

маленького Валерку, спасся в хлебах, которые в тот день многих спасли от смерти.

Похоронив убитых в братской могиле, выкопанной тут же, в степи, люди шли дальше. И еще дважды потом налетали фашистские стервятники, сея смерть и горе.

Но однажды люди не стали разбегаться, когда появились «Юнкерсы»: навстречу летели краснотелые ястребки, и завязалась горячая воздушная схватка. Люди словно ожили. Они кричали и плакали, восторженно подбрасывая в воздух шапки, когда фашистский стервятник, оставляя дымный хвост, стремительно падал вниз. Пятёрка советских ястребков не отставала до тех пор, пока фашистская эскадрилья, беспорядочно сбросив бомбы и потеряв несколько самолетов, позорно обратилась вспять. Люди приободрились и дальше пошли уже веселее.

Но у города Шахты их настигли первые немецкие танки. Шрапнель рвалась над головами, оставляя на дороге всё новые и новые жертвы. Следом налетели мотоциклисты-автоматчики. Они метались, как бешеные собаки, обстреливая каждую рожицу, каждый кустик. Потом согнали всех в кучу, и началась «чистка». Хватили всё, что представляло какую-то ценность и что можно было увезти.

— Сколько буду жить, столько я буду помнить это! — мрачно сказал Олег, закусив губу, и замолчал, чтобы сдержать закипающие слезы. Он словно поклялся тогда.

Ночью, при тусклом свете каганца, он писал стихи. Слышно было, как в соседней комнате храпел немецкий офицер на нашей постели, на нашей подушке.

Свет от каганца озарял Олега снизу, и я не сводила глаз с решительного лица сына.

Стихи получились вот какие:

...И я решил, что жить так невозможно.
Смотреть на муки, самому страдать?
Скорей, пора! Пока еще не поздно,
В тылу врага — врага уничтожать!

Я так решил, и это я исполню,
Всю жизнь отдам за Родину свою —
За наш народ, за нашу дорогую,
Любимую Советскую страну!

А к Сталинграду непрерывно шли немцы, румыны, итальянцы. Без конца двигались их обозы, артиллерия, танки, легковые машины со штабными офицерами.

Шли и ехали враги — веселые, сытые, самодовольные, рассчитывая на легкую победу.

Присутствие врага в нашем доме приводило сына в ярость. Я видела, как он напрягает все силы, чтобы не выказать немцам всей своей ненависти. «Большой офицер» от нас уехал к Сталинграду, и теперь к нам на квартиру ставили солдат. Они ночевали одну-две ночи, не больше.

Однажды у нас остановились солдаты-эсэсовцы. Один из них, развалившись на диване после обеда, долго смотрел на Олега, потом спросил:

— Кто это?

Я ответила:

— Мой сын.

Немец, усмехаясь, сказал, что это здоровый и красивый юноша. Олег, понимавший по-немецки, нахмурился. Я молчала. Но немцу и не нужны были слушатели. Он продолжал самодовольно рассуждать вслух:

— Да, ваш сын очень красивый и сильный юноша. Такие солдаты нужны для Германии.

Олег с презрением покосился на фашиста.

Сын только что вернулся с улицы; он торопился домой, раскраснелся, черные брови на высоком лбу, глаза ясные, плечи широкие. Он был в синем костюме, в белой чистой рубашке, ловкий, молодой, высокий.

— Не нравится быть солдатом? — пристал к нему фашист. — О, ничего! У нас в Германии много этих... как их...

Тут солдат запнулся.

Подыскивая подходящие слова, он сморщил лоб, потом хлопнул себя по коленям:

— О да, он будет работать у этих... у куркулей. В нашей Германии много куркулей. Им нужны крепкие и здоровые работники.

Олег наконец не выдержал.

— Дурак ты, дурак! — сказал он по-русски громко. — Не знаешь ты, что куркуль — это, по-нашему, кулак. Мы их уже давным-давно прогнали, этих твоих куркулей! А скоро и вам будет такая же участь!

— Вас, вас? — важно спросил немец. — Что такое есть кулак?

— Кулак есть кулак, а ты есть дурак! — сказал Олег.

ПОЕДИНОК

Утром эсэсовцы ушли. Но наша чистая квартира опять понадобилась немцам для какого-то важного генерала. И он перебрался к нам со своими многочисленными чемоданами и денщиком.

Денщик — высокий, сытый, рыжий эсэсовец — неплохо говорил по-русски и с чисто фашистской злобой

и пренебрежением отзывался обо всем русском, советском. Только и был слышен по дому его квакающий голос:

— Советские свиньи! Скоты!

Генерал восседал в столовой за столом, на котором постоянно стояли бутылки с шампанским, печенье, фрукты, всевозможные конфеты, шоколад. Для маленького Валерика, сына дяди Коли, было большим испытанием проходить мимо этого стола. Бабушка, видя, что денщик и на человека не похож, строго внушала Валерику даже и не оглядываться на стол.

Но мальчику было всего около трех лет, и он не видел не только сладкого и фруктов, но и хлеба не кушал вдоволь. Трудно было Валерику перебороть искушение.

Как-то раз Валерику надоело сидеть в угловой комнате, куда нас загнали немцы, к тому же мальчику очень захотелось есть. Всем съестным у нас распорядилась бабушка. Она была на кухне.

Валерик отворил дверь в столовую, и тут перед ним предстали на столе все богатства. Как потом мы выяснили, произошло следующее.

Валерик увидел на столе сладости и фрукты, но вспомнил, что бабушка строго запретила и глядеть на них. Однако пройти мимо и хотя бы не оглянуться на плитки шоколада было выше его сил. Валерик решил обмануть самого себя. Он повернулся и пошел спиной вперед. Но идти так, вслепую, было трудно, и Валерик затопал башмаками.

Генерала не было дома. Денщик сидел на диване. Он схватил винтовку и, толкая Валерика штыком в спину, закричал на весь дом:

— Русская свинья! Что ты здесь ходишь?

Мы слышали дикий крик Валерика. Бабушка подхватила его на руки. Он был весь в горячем поту, глазенки его блуждали, он дрожал и заикался.

На кухне бабушка шепотом утешала Валерика:

— Ну, не плачь, не дрожи, детка! Я тебе знаешь что скажу? Слушай-ка: скоро опять придут сюда дяди со звездами, так они вот сколько принесут тебе и конфет, и шоколаду, и яблок с грушами...

Я благодарила случай, что в это время Олега не было дома. Но столкновения предотвратить не удалось.

Однажды денщик начал в нашем присутствии громко ругать русских:

— Вы некультурные свиньи, дикий народ! Вас всех нужно учить. Это взяла на себя наша культурная Германия. И мы добьемся своего!

Олег стоял бледный и страшный. Я дрожала всем телом. Я видела: сын, сдерживаясь изо всех сил, закусил губу.

Денщик продолжал глумиться:

— Вы, русские, должны быть благодарны великой Германии!

Тут, забыв все наши предупреждения, Олег вспыхнул как порох:

— Неправда! Не мы, а вы — самые некультурные и дикие люди. Разве культурные люди пошли бы жечь и убивать мирных жителей? Вы напали на нас! Вы, людоеды, убиваете беззащитных женщин и детей! Вы... вы....

Немец, вначале опешивший от крика Олега, вдруг подскочил к сыну и что было силы ударил его кулаком в лицо.

— Ты комсомолец? Я убью тебя! — кричал он, вынимая оружие.

Олег в ярости схватил немца за борт мундира и с силой потряс его так, что в его бесцветных глазах мелькнули страх и беспомощность.

Я кинулась к ним, загородив Олега. Я умоляла немца: — Сын еще молод, неразумен...

Насилу-то успокоила я разъяренное животное. Олег выбежал из комнаты.

Я нашла его во дворе. Он сидел на лавочке, сжав голову руками и раскачиваясь, словно от боли. На его лице горел след от удара. По бледным щекам катились крупные слезы.

— Если бы не ты, мама, я разорвал бы ему горло, — сказал он чуть слышно. — О, я бы ему показал, проклятому!

Как могла, я старалась утешить сына. Прижала его к себе, приласкала. Целовала в лицо, в глаза:

— Пока их сила, Олег... Надо терпеть. Скоро возвратятся наши.

Олег резко поднял голову и посмотрел вокруг недобрым взглядом:

— Терпеть меня, мама, не учи! Жить под одной крышей с немцами я больше не могу! Пойду в партизаны, мстить буду за себя, за всех! А этому немцу я еще покажу!

К счастью, на второй день генерал, а с ним и его денщик выехали от нас.

„ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ, ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ“

Мы жили, как в большом концлагере. Не знали, что делается на фронте, в Москве, где наши войска.

В то, что писали продажные газетки, о чем изо дня в день кричало немецкое радио, мы не верили. Немецкая

пропаганда уверяла, что Ленинград уже в руках немцев, что Сталинград также не выдержал натиска немецких войск, что Красная Армия разбита. Олег только посмеивался:

— Врут! Живет Красная Армия! Я сердцем чую.

Немцы безжалостно грабили население, забирали хлеб и скот и вывозили в Германию. Огромные самолеты, набитые зерном, пролетали над Краснодоном, где люди страдали от голода. Потом и молодежь стали угонять в немецкую неволю. Плачем и стоном наполнилась украинская земля.

А в конце августа 1942 года в городском парке Краснодона немцы закопали в землю группу арестованных шахтеров и служащих. Среди них были женщины и дети. Их заставили выкопать яму, стать в нее и, связав каждой пятерке проволокой руки, живых начали засыпать землей. Того, кто сопротивлялся, пристреливали на месте.

Выходить на улицу после семи часов вечера немцы запретили. Наступала душная, черная ночь. Душно и черно было и у нас на сердце. Спать я не могла, и мы сидели с Олегом в саду на лавочке.

Ясные звезды смотрели на нас сверху. Глядя на них, мне представилось, что сейчас на эти же звезды смотрят наши люди по ту сторону фронта, смотрят красноармейцы из своих окопов, и что они все знают о наших муках и скоро придут на выручку.

Не знаю, о чем думал Олег. В последнее время мы часто сидели с ним рядом молча. Потом проверяли, и оказывалось, что думали мы об одном и том же.

Вдруг откуда-то, из самой глубины черной ночи, донесся какой-то странный звук, словно тонкая струна лопнула. Занятая своими думами, я не обратила на это

внимания. Но Олег вскочил с лавки, крепко стиснул мне плечо рукой:

— Мама, слышишь?

Со стороны городского парка раздались два-три то-ропливых выстрела, а за ними такой отчаянный и тоскливый детский крик, что сердце, казалось, перестало биться. Ужас охватил меня. Я прижалась к сыну.

— Мама, — воскликнул он, — это их казнят!

Весь Краснодон знал об аресте коммуниста Валько, других большевиков и беспартийных рабочих-шахтеров и служащих.

С первого же дня прихода немцев они наотрез отказались работать с ними и в лицо немцам говорили о ненависти и презрении к фашистам.

Вместе с этими мужественными людьми арестовали женщин, забрали и детей. Мы видели, как их, голодных и измученных, немцы под усиленным конвоем ввели по улицам на работы.

Олегу дважды пришлось видеть их на работе. Проходя мимо железной дороги, проложенной от шахты к тресту, он наткнулся на знакомого товарища. Конвоира близко не было, они разговорились.

Товарищ Олега, оборванный, худой, как скелет, еле держась на ногах, перетаскивал шпалы.

— Олег, — слабым голосом сказал он, — мы все умираем с голоду. Ребятишек очень жалко...

И он начал рассказывать, как над ними издеваются в гестапо. В арестном помещении людей набито столько, что сесть негде, все стоят целыми ночами, спят стоя. В уборную не выпускают. Грязь, вонь, мухи. Иногда немцы бросают в камеры сырые кабачки, и арестованные делят их по семечкам.

— Бежим! — прошептал Олег.

Но товарищ покачал головой:

— Спасибо тебе, но, если я убегу, остальным хуже будет. Да и не дойду я. Сил нет совсем... Олег, вон в том огороде свекла растет. Если я ее сам сорву, меня изобьют до смерти, да и всем попадет...

Олега не нужно было просить дважды. Он пополз к огороду, вырвал из земли свеклу и отдал товарищу. Потом со всех ног побежал домой, забрал весь хлеб, что у нас был, и принес его арестованному.

— Олег, — сказал тот, — знай, скоро нас всех расстреляют...

Приближалась охрана. Надо было уходить.

Теперь их ночью живыми закапывали в землю. Донесли еще выстрелы, глухие крики, плач детей. Потом все стихло.

— Мама, — услышала я страстный голос Олега, — больше терпеть нет моих сил! Знаешь, мама, храбрый умирает один раз, а трус — много раз. Теперь я знаю, что мне делать...

Несколько дней спустя в книге «Как закалялась сталь» я нашла листок, исписанный рукой Олега:

Клянусь я тебе, дорогая Отчизна,
Что буду я грудью тебя защищать,
Что немца — тирана, захватчика, хама —
Где встречу — уничтожать!
Клянусь своему я народу родному:
Жестоко отмстить я сумею врагу...

Олег написал эти строчки в ту страшную ночь. И от стихов перешел к оружию.

ЛИСТОВКИ

Был солнечный, веселый день. Часа четыре. Помню, я вошла в комнату. За столом сидели Олег, брат Николай, Ваня Земнухов и Толя Попов. Склонившись

над какими-то бумагами, они что-то молча писали. При моем появлении они несколько смутились. Кто-то даже спрятал от меня свои бумажки под стол. Олег тепло улыбнулся мне и сказал:

— Мама не бойтесь, товарищи. Мама — мой первый советчик. — И он показал мне одну из бумажек: — Вот. Прочти. Хотим раскрыть глаза людям. Подбодрить хотим. На борьбу поднять.

В этих первых самописных листовках они призывали население не выполнять немецких распоряжений, сжигать хлеб, который немцы готовят вывезти в Германию, при удобных случаях убивать немцев и полицейских и прятаться от угона в неволю.

— Хорошо? — спросил Олег.

— Хорошо-то хорошо, — сказала я, — только за это своими головами можете расплатиться. Разве можно так рисковать?

Олег по-озорному присвистнул. Толя Попов блеснул глазами:

— Риск — благородное дело, Елена Николаевна.

Олег стал серьезнее, задумался.

— Конечно, риск — благородное дело, но рисковать надо обдуманно, умно. Когда сильно любишь что-нибудь, то всегда добьешься. — И опять заулыбался: — Помнишь, мама, кузнеца Вакулу? Как он в ночь под рождество самого черта перехитрил? А почему? Оксану свою он крепко любил. И не стало для Вакулы ни страхов, ни преград. А если Вакула черта обманул, неужели мы немцев и полицейских не одурачим? Быть того не может!

Что я могла ему ответить?

В тот же вечер первые их листовки, эти первые листочки, разлетелись по городу. Их приклеивали в городском парке на скамейках. Когда стемнело, приклеили

и на двери кинотеатра, в темноте зала бросали в народ. При выходе, в тесноте, две листовки засунули даже в карманы полицейских.

С того вечера распространение листовок стало каждодневной работой молодых конспираторов.

А в конце августа Олег достал у инженера Кистринова радиоприемник. Наконец-то мы услышали нашу Москву. Стало так радостно, как будто после жестокой зимы пришла весна и мы выставили в окна рамы.

Олег записывал радиопередачи, передавал их товарищам, а те размножали в десятках экземпляров и расклеивали по городу. Измученные неизвестностью, наши люди стали каждый день читать сообщения Информбюро. «Большая земля» протянула нам руку.

Зато для гестапо и полиции работы прибавилось. Немцы и полицаи бегали по городу, как собаки, сбившиеся со следа, и с руганью срывали листовки на центральных улицах.

Сорвать листовки им, конечно, удавалось, но как вырвешь правду из сердец людей?

КАШУК

Конспиративный кружок начал расти. В него вошли Сережа Тюленин, Майя Пегливанова, Уля Громова, Сеня Остапенко, Коля Сумской, Степа Сафонов. Вошли почти все друзья Олега, кроме самого близкого — Лины.

Я осторожно спросила у Олега:

— Лине... ты не даешь никаких поручений?

Олег ответил:

— Я ошибся в ней, мама.

Я стала уговаривать его не ссориться с Линой. Олег резко отмахнулся:

— Разве мало я с ней говорил? Ей, в конце концов, неплохо и при немцах!

— Что ты говоришь, Олег? Ты так дружил с Линой!

Олег мучительно покраснел. Наша откровенность с ним не заходила еще так далеко. А может быть, ему стало стыдно за свой такой неудачный выбор.

Но вот он решительно встряхнул головой:

— Слушай же, мама! Позавчера немцы гнали наших арестованных. Избивали прикладами, издевались... ну, как всегда... Я побежал к Лине, хотел поделиться с ней, по душам поговорить, понимаешь? А она... у них патефон играл, а Лина... веселая такая... танцевала с немецким офицером. Дверь была открыта, и я все видел. — Он вздохнул, словно груз с себя снял. — Я вот думаю, что Павка Корчагин, наверно, так же поступил бы на моем месте...

Павел Корчагин и теперь был любимым героем Олега. В тяжелые минуты он брал с этажерки книгу «Как закалялась сталь» и снова перечитывал ее. Бывало, кто-нибудь из его товарищей загрустит, повесит голову — Олег и ему протянет эту книгу. Позже, когда кружок привлекал к себе все больше и больше отважных, Олег частенько читал друзьям любимые места из книги. И особенно любил он перечитывать слова, которые помнил наизусть:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества...»

Бывало, после этих слов призадумаются ребята, лица у всех станут светлее, глаза заблестят, а Олег скажет за всех:

— Лучше смерть в бою, чем жизнь в неволе! Правда, ребята?

Как-то раз Олег возвратился домой очень взволнованный. Я старалась вызвать его на откровенность, но это мне не удалось. Его поведение удивило меня.

«Что случилось? — думала я. — До сих пор Олег не таился от меня».

Видно, произошло что-то, глубоко поразившее сердце сына.

Я решила спокойно ждать. Он сам, как всегда, расскажет мне обо всем.

Я понимала, что мой Олег уже не тот веселый подросток, недавно мечтавший о романтических подвигах и о своих любимых героях. Перед ним встала суровая необходимость борьбы с врагом, и он бесстрашно вступил в эту смертельную борьбу.

Теперь он приходил домой поздно ночью, стал молчаливым, избегал откровенных разговоров со мной. Одним словом, он вел себя как взрослый человек, у которого своя, мужская ответственность, свое горе и своя радость.

Я понимала, что затаенные мысли, полностью завладевшие его сердцем, высокой стеной отделили моего сына от меня.

А как мне хотелось опять заглянуть в его душу! Но мы привыкли уважать друг друга, и я не смела врываться в его мир, если он сам этого не хотел.

Но вот пришло время, и я снова стала его близким другом и советчиком.

Однажды, к ночи, сын пришел домой по-особенному возбужденный. Плотно закрыл за собой дверь,

оглянул комнату. И я услышала его взволнованный голос:

— Ну, мама, нас можно поздравить!..

Долго мы в тот вечер разговаривали с Олегом. Он рассказал мне о плане их боевой организации, о наметенной цели, о том, как они хотят бороться. Всё, всё...

Я поняла: большое, светлое дело задумали ребята. Я знала: борьба будет беспощадной и жестокой.

Как умела, я раскрыла сыну свою душу, говорила, что на пути борьбы, на который он встал, его на каждом шагу будет подстерегать опасность. И что ее нужно встретить мужественно.

Сын слушал притихший, не сводя с меня глаз.

— Ну уж... если придется умереть, тебе за меня стыдно не будет!

Мне стало и хорошо и страшно.

И как ни тяжело мне было в этом самой себе признаться, как ни щемило мое сердце, я видела, что теперь жизнь моего сына принадлежит уже не мне и что смертельная опасность будет его спутником на каждом шагу.

Но я не остановила его. Не кинулась на грудь, чтобы слезами и просьбами заставить его сойти с выбранной дороги, не схватила за руку, чтобы не пустить из дому, спрятать его от товарищей, уберечь от борьбы. Я любила своего сына. В ту же ночь я решила всеми силами помогать ему.

Олег получил конспиративное имя «Кашук».

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

У самого гнезда фашистов, около гестапо, собрались недавние школьники, готовые на борьбу и на муки. Когда-то они читали и им рассказывали в школе,

что их отцы-большевики вот так же собирались в подполье. Теперь ребята продолжали славное большевистское дело: организовывались на борьбу. Звезда правды ярко горела над ними.

В Краснодоне для подпольной работы остались многие коммунисты. Помню, как уже в первые дни, когда на шахте № 12 были арестованы Валько, Зимин и другие, в Краснодоне упорно ходили слухи, что в городе имеется подпольная организация. Позднее молодым подпольщикам удалось связаться с коммунистами, и в доме у нас не раз бывали Филипп Петрович Лютиков — руководитель подполья, Мария Георгиевна Дымченко, Яковлев. Часто приходила к нам Полина Георгиевна Соколова, хорошо известная в прошлом как активная общественница — много лет она была председателем совета жен горняков.

Многие коммунисты, оставленные в подполье, были схвачены и арестованы уже в первые дни немецкой оккупации. Так, мученической смертью погибли, живыми закопанные в городском парке, коммунисты Валько, Зимин.

Смертельная борьба началась, и ребята активно включились в нее. Правда, она переплеталась у них с романтическим увлечением, но самое главное они видели ясно: ими двигала любовь к Отчизне. Они предпочли борьбу неволе.

Да и не умирать, а бороться и жить собирались они. Они верили в победу. Они и представить себе не могли, что среди них окажется негодяй с черным сердцем, который продаст врагу свою совесть и выдаст организацию.

От Олега я продолжала узнавать о всех планах организации и совсем незаметно для себя втягивалась в борьбу.

Ребята не остерегались того, что я хорошо знакома с их планами, — они охотно пользовались моей помощью и не раз доверяли мне охрану собраний, когда конспиративные заседания проходили в нашем доме.

Первое собрание молодых подпольщиков состоялось в конце сентября 1942 года.

Собрались у нас поздно вечером. Окна плотно занавесили одеялами. На столе в столовой тускло горел каганец — шахтерская лампочка. Он едва освещал возбужденные лица ребят, но глаза их блестели живым огнем.

На столе были расставлены шахматы, домино, тут же наготове была гитара. Собралось более двадцати человек, в комнате было тесно. Разговаривали вполголоса, а то и шепотом, как будто перед торжественным событием. Да так оно и было.

Я видела Толю Попова, как всегда аккуратно одетого; Дёму Фомина, который даже и теперь не мог удержаться от своих шуток и проказ; Ангелину Самощину, красивую девушку с мягкими светлыми волосами, голубые ее глаза доверчиво смотрели на товарищей; Васю Левашова, сосредоточенного, решительного; Майю Пегливанову, стройную, высокую, с гордо сжатыми губами; Нину Иванцову, сдержанную, вдумчивую, готовую пойти на любое рискованное дело, оказать немедленную помощь товарищу, — видела ее удивительно глубокие, выразительные глаза, в которых светилась вся ясная душа этой милой девушки; Валю Борц — молчаливую, настороженную, ждущую самых опасных поручений; Сережу Тюленина, худенького, почти мальчика, с душой и сердцем воина, и высокого, стройного Жору Арутюнянца, поблескивавшего своими черными глазами и, как всегда, сдержанного.

Олег не мог скрыть своего празднично приподнятого настроения, как ни старался. Он был одет в свою любимую белую рубашку с голубой вышивкой на груди, в серые брюки, как всегда аккуратно выутюженные. Румяный, улыбающийся, он то и дело оглядывал лица ребят.

Но как ни старались ребята и девушки придать собранию серьезную обстановку, молодость, несмотря ни на что, брала свое. Нет-нет да и вспыхивали шутки и смех.

Собрание открыл Олег. Напряженная ночь стояла за окнами нашего домика, и мне казалось, что я слышу, как бьются сердца ребят.

Все было заранее предусмотрено: бабушка дежурила во дворе, а дядя Коля — на улице. Я была с ребятами, изредка выходила во двор и на улицу — узнать, всё ли в порядке.

На этом собрании был избран штаб в составе Олега, Вани Земнухова, Вани Туркенича и Сергея Тюленина; позднее в штаб вошли Люба Шевцова и Уля Громова.

Организация по предложению Сережи Тюленина была единодушно названа «Молодой гвардией».

Секретарем комсомольской организации был избран Олег, он же стал и комиссаром «Молодой гвардии». Командиром организации избрали Ивана Туркенича.

Потом встал вопрос об оружии; стали думать, где и как его достать, где хранить.

Ребята уже успели подглядеть, что румыны и итальянцы довольно небрежно относятся к своему оружию: оставляют его без присмотра, а иногда не прочь и променять на продовольствие.

Было решено: оружие добывать всякое, пользоваться для этого любым удобным случаем, особенно при остановках вражеских войск в Краснодаре, в Изварине,

в Шеверёвке, и везде, где можно, доставать винтовки, автоматы, патроны, гранаты, тол, мины.

Как только заговорили об оружии, Сережа Тюленин заерзал на стуле, готовый хоть сейчас начать поиски. Были возбуждены и остальные.

Но штаб предупредил ребят: не зарываться, действовать наверняка, осторожно.

А чтобы как можно меньше людей знало о штабе и его планах, всю организацию разбили на пятерки. Только начальник пятерки будет держать связь со штабом.

КЛЯТВА

На том же собрании была принята клятва. Вот он, текст клятвы, который прочитал тогда Олег:

«Я, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь:

Беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем.

Хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в «Молодой гвардии».

Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь — я отдам ее без минуты колебания.

Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

Ребята сидели, тесно касаясь плечом друг друга, — одна семья. Взволнованное дыхание, вдохновенные юношеские лица. словно какая-то гордая птица пронеслась над ребятами и позвала их, и они были готовы лететь за ней. Со двора еле слышны были осторожные шаги бабушки...

— Ребята, — поднял Олег на товарищей свои большие, полные радости и доверия глаза, — ребята! Все вы слышали слова клятвы. Вдумайтесь хорошо в слова этой клятвы Родине. Если кто слаб душой... лучше отойдите молча, сейчас, сразу. Потом будет поздно, когда ты дашь торжественное обещание...

Никто не пошел на попятный.

После первого же собрания молодогвардейцы начали энергично действовать. В конце октября организация выросла до семидесяти человек, в ноябре в ее рядах было более ста юных бойцов за Родину.

Прежде чем принять кого-нибудь в организацию, члены штаба внимательно изучали новичка, пытливо беседовали с ним, подготавливая будущего молодогвардейца к суровой борьбе.

Вот как потом Нина Иванцова рассказывала об этом:

«Однажды Олег мне сказал: „Нина, мы будем партизанами. Ты представляешь, что такое партизан? Дело партизанское нелегкое, но очень интересное. Партизан убьет одного немца, другого, убьет сотого, а сто первый может убить его. Он выполнит одно, другое, десятое задание, но это требует самоотверженности. Партизан никогда не дорожит своей личной жизнью. Он никогда не ставит свою жизнь выше жизни Родины. А если требуется для выполнения долга перед Родиной, для сохранения многих жизней, он никогда не пожалеет своей

жизни, никогда не продаст и не выдаст товарища. Таков наш партизан, Нина!"»

Возглавляли пятерки самые смелые и решительные ребята. Для связи со штабом каждая пятерка имела связиста. Каждый, кто вступал в организацию, торжественно принимал присягу.

После Радик Юркин рассказывал:

«Олег Кошевой выстроил всех нас, будущих молодогвардейцев, и обратился к нам с коротким словом, вспомнил о боевых традициях Донбасса, о героических подвигах донбассовских полков, которые водили в бой Ворошилов и Пархоменко, об обязанностях и чести комсомольцев. Слова его звучали негромко, но твердо и так воодушевляли, что каждый из нас готов был хоть сейчас идти в бой. „С молоком матери мы впитали в себя любовь к свободе, к счастью, и никогда немцам не поставим нас на колени! — говорил Кошевой. — Мы будем драться, как дрались наши отцы и деды, до последней капли крови, до последнего вздоха. Мы пойдем на муки и смерть, но с честью выполним свой долг перед Родиной"». Потом он вызывал нас из строя по одному для принятия присяги. Когда Олег назвал мою фамилию, меня еще сильнее охватило волнение. Я ступил два шага вперед, повернулся лицом к товарищам и застыл на месте. Кошевой вполголоса, но очень четко начал читать текст присяги. Я за ним повторял. Закончив, Олег подошел ко мне, поздравил от имени штаба с принятием присяги и сказал: „Отныне твоя жизнь, Радик, принадлежит „Молодой гвардии" и ее делу"»

«Молодая гвардия» росла и крепла. Все больше становилось у нее бойцов, и каждый требовал смелого дела. Недавние школьники после вступления в организацию как-то вдруг превращались в настоящих подпольщиков.

С самого начала борьбы, когда все было закрыто тучами и казалось, что немца не остановить, и до последнего часа схватки с врагом ребят не покидала горячая вера в победу, в возвращение на Донбасс Красной Армии, — и это объединяло ребят, таких различных и непохожих.

А главное, как мне теперь ясно, что сделало «Молодую гвардию» близкой тысячам людей, — это была сила их организации.

Было похоже, как будто в кромешную ночь, среди воя ветра и пурги, когда гибель казалась неизбежной, вдруг впереди ярко засветил ясный огонек маяка. Он указывал измученным людям единственно правильную дорогу.

Правда, это была всего небольшая группа обыкновенной краснодонской молодежи, совсем еще мальчики и девочки, но они были организованы и готовы к бою.

И каждый, кто или дрогнул перед немцами, или решил тихонько ждать прихода своих, подумал, наверно:

«Что же это получается? Люди взялись за оружие, а я-то что же сижу? Надо помогать!»

Отвага «Молодой гвардии» у многих в Краснодаре в те суровые дни пробудила гражданскую совесть.

И было очень хорошо, что в борьбу с захватчиками в одном ряду со взрослыми вступили наши дети.

Когда-то, на заре своей борьбы за свободу, наш народ выдвигал только одиночек-героев. Теперь, при Советской власти, стоило только появиться опасности — на борьбу вставали сотни и сотни тысяч героев. Славная наша партия, комсомол, пионерские отряды, наши школы, наше искусство и наш труд сделали свое великое дело. Вчера самый обыкновенный школьник —

сегодня становился героем. Много было таких героев, и враг был бессилен перед этим массовым героизмом, потому что на место одного погибшего в борьбе вставали десятки.

Подымется мститель суровый,
И будет он нас посильней... —

часто вспоминались эти вещие строки.

По тому, какая будет весна, легко догадаться, какое придет лето. Если эта группа наших краснодонских ребят была так отлично организована и отважна, значит, за ними стояла сила несокрушимая. Вот что стало ясно в Краснодоне даже самому робкому человеку.

И наша Красная Армия подтверждала это своими победами.

ОРУЖИЯ!

Еще в те дни, когда немцы всё шли и шли вперед и мы своими глазами видели их военную технику, бесконечные потоки орудий, танков, бесчисленные самолеты, у нас над головой, в сердце Ули Громовой закрались — казалось, совсем в то время лишние — опасения.

— Товарищи, — сказала Уля друзьям, — чего же мы ждем? Скоро наши придут, погонят немца. Бои, наверно, будут большие. Чем же мы тогда поможем нашим раненым? Где возьмем бинты, марлю, всякие медикаменты? Все это нужно теперь же собирать. Пора!

Мальчики как-то не очень охотно пошли на это, зато девушки открыли тут всю свою душу. Подруги Ули — быстрая, смелая Шура Бондарева, полненькая шустрая

хохотушка Аня Сопова, Лиля и Тоня Иванихины, на редкость дружные, неразлучные сестры, начитанная, степенная, строгая девушка Шура Дубровина, — сколько изобретательности, риска, терпения, хитрости вложили они, собирая медикаменты! Вначале они их добывали по своим домам, потом у знакомых, затем — из немецких госпиталей и аптек.

Много накопили девушки бинтов и марли, пакетов и всяческих медикаментов, но не пришлось им помочь нашим раненым...

Постепенно и умело штаб превращал свою организацию из агитационной в организацию вооруженного сопротивления немцам.

Еще до трагической гибели шахтеров в городском парке Олегу довелось побывать на больничном дворе, где работали заключенные, и повидать Андрея Андреевича Валько. Улучив минуту, когда поблизости не было конвойных, Валько позвал Олега. То и дело оглядываясь, он рассказал ему, что у села Деревечка в одной из двух заброшенных шахт спрятано оружие.

— Жив останешься — скажешь кому надо. Ясно? Ну иди, иди...

Теперь настало время достать оружие. Олег хорошо знал эти мелкие шахты райкоммунхоза. Одну из них до войны заложил дядя Коля, — Олегу приходилось бывать на них. Прихватив противогазы — на тот случай, если в шахтах скопились ядовитые газы, — Олег и Ваня Земнухов однажды утром ушли на разведку. Быстро разыскали шахту и после недолгих поисков обнаружили в замаскированной нише тщательно смазанные и уложенные в ящики пистолеты, автоматы, гранаты-лимонки, динамит, запалы и бикфордов шнур.

Вернувшись домой, они тотчас собрали штаб и доложили о результатах разведки. У ребят был настоящий

праздник. Юре Виценовскому, Васе Пирожку, Анатолию Попову, Ване Земнухову и Олегу было поручено перенести оружие на базу «Молодой гвардии», созданную в подвалах разрушенной городской бани.

На склад «Молодой гвардии» стали в избытке поступать винтовки и гранаты, добытые у врага, взрывчатка и патроны.

В октябре Сереже Тюленину, Клавье Ковалевой, Жене Шепелеву и Олегу удалось довольно рискованное дело с оружием.

К вечеру, в сумерках, прибыла в Краснодон новая часть румын.

Солдаты разместились по домам, загнали свои машины во дворы, а сами отправились в парк, где для них шла немецкая кинокартина.

Острые глаза ребят подметили, что позади одного дома, между улицами Клубной и Садовой, стоит несколько машин с оружием. Охраны близко не было. Сережа Тюленин вызвался проверить, так ли это. Вернулся он с сияющими глазами.

— Нету охраны! Она кино смотрит. Вот дураки!

Напротив дворика стояло разбитое здание без окон и дверей.

План созрел быстро. В одно мгновение ребята вытащили из машин два больших ящика с гранатами, три винтовки и ползком переправили все это богатство в разбитый дом. Потом с самым невинным видом они пошли в парк. А через день оружие было благополучно перенесено в склад, под баню.

Я, испуганная, сказала ребятам:

— Как же вы осмелились? Ведь еще совсем светло было! Каждую минуту вы могли нарваться на румын.

Сережа только прищурил свои и без того маленькие серые озорные глаза.

Клава выглядела совсем пай-девочкой, возвращающейся из школы. А Олег, поглядывая на товарищей, посмеиваясь, ответил:

— Могли, да не нарвались!

Были случаи с приобретением оружия и комические.

Как-то раз к нам забрел румынский солдат с винтовкой, принялся ныть и жаловаться:

— Нехорош война. Немец плохо. Кушать давай нету. Худо, худо! Война нехорош! Винтовка нехорош!

У нас сидела Уля Громова. Я заметила, как Олег и Уля насторожились при словах «винтовка нехорош», но сделали самые равнодушные физиономии. Вдруг Олег взял кусок хлеба, почти последний у нас, и сказал как бы между прочим:

— Хлеб хорош. Винтовка нехорош. Хлеба мало. Винтовка много. Давай?

Голодный румын без лишних слов вырвал у Олега хлеб, отдал ему винтовку и, что-то бормоча, вышел вон. Наш склад пополнился еще одной вражеской винтовкой.

„ТАИНСТВЕННЫЕ УДОЧКИ“

Помню, незадолго до Октябрьских праздников Олег и брат Николай затеяли в углу двора какую-то возню: стаскивали туда доски, строгаи шесты, вокруг валялся всякий плотницкий инструмент — пила, топор, молоток. Я их ни о чем не расспрашивала, но однажды, когда они долго не шли обедать, не вытерпела и спросила:

— Интересно, чем это вы так заняты, если вас даже обедать не дозовешься?

— А вот видишь, — сказал Николай, указывая на длинный шест, сбитый из нескольких планок. — Это мы с Олегом удилица мастерим. А вот это, — он указал на зачищенный электрический провод, — лески, чтобы рыба крупнее бралась. На конский волос мало что возьмешь. Ты же сама жалуешься, что ничего сейчас не достанешь, вот мы и решили тебя побаловать.

Признаться, в первую минуту я поверила — так серьезно говорил Николай и такой подкупающей показалась его забота о нашем столе, — но, когда Олег фыркнул, я поняла, что меня разыгрывают, но все-таки толком так и не узнала тогда, что они мастерят.

— Нет, правда, мама, дядя Коля не шутит: будем действительно рыбу ловить, только не в воде, а еще кое-где... — И Олег неопределенно помахал рукой в воздухе.

Обедать я их так и не дозвалась. Пришли, когда уже все остыло, и, перемигиваясь, как заговорщики, стали аппетитно хлебать холодные щи.

Что это за удочки, мне стало ясно позднее. Однажды брат взял шест, перенес его в угол двора и стал им ловить что-то в воздухе. Я всмотрелась и наконец догадалась. Рядом с нашим домом проходила немецкая электролиния, и Николай забрасывал «леску» на провода, идущие от столба.

— Готово, Олег, — сказал Николай, входя в дом. — Можно начинать...

Они вдвоем ушли в комнату брата, а минуты через две-три я услышала спокойный голос... Мне показалось сперва, что в доме появился незнакомый мужчина и о чем-то говорит с Николаем и Олегом, но потом ясно стало, что это голос радиодиктора, передававший сводку Информбюро из Москвы. Стало как-то сразу тепло на душе, и на минуту показалось даже, что никаких нем-

цев поблизости нет, что мы в кругу родных советских людей, на «Большой земле».

Вот, оказывается, на каких «рыб» мастерили они удочки!

— Ну, как, мамочка? — спросил сияющий Олег. — Ловко? Это все дядя Коля придумал. Научная мысль. Пока у нас нет своей электростанции, ток приходится брать взаймы у немцев. Но ничего, мы долги вернем с лихвой.

Благодаря этим «удочкам» еще живее пошло распространение листовок. Олег частенько надевал на рукав белую повязку полицейского и в запрещенные вечерние часы выходил на улицу расклеивать листовки. Вася Пирожок ухитрялся наклеивать на спины полицейским листовки даже среди бела дня. А Валерия Борц, Нина и Оля Иванцовы, Тося Машченко, Майя Пегливанова и Женя Кийкова придумали и вовсе остроумную штуку: продавали торговкам на базаре листовки для завертки в них блинов и пирожков. Женщины охотно скупали у них бумагу, расплачиваясь блинами, а потом целый день заворачивали свои кулинарные изделия в сводки Информбюро. Эти же девушки ловко и бесстрашно оклеивали листовками двери квартир и заборы.

Так доходила правдивая советская информация о войне до населения.

Слушать Москву ребята собирались каждый вечер у нас. Закрывали коврами окна. Мы с бабушкой, как обычно, выходили во двор сторожить. Всякий подозрительный шорох бросал нас в пот.

Не раз и мне выпадало счастье слушать передачу из Москвы. Какие это были дорогие сердцу минуты! До войны эти передачи казались нам такими обыкновенными, а теперь они как будто шли к нам с другой планеты. Мы старались не пропустить ни одного слова, ни одной пропетой в Москве песни.

КРАСНЫЕ ФЛАГИ

Перед Октябрьскими торжествами Олег был очень занят.

Бывало, напомню ему о еде, об отдыхе — куда там! — и слушать не хочет:

— Мамочка, времени мало! Вот на праздник отдохну, а сейчас нужно спешить. Дай мне, мама, кусочек хлеба, я побегу.

Сунёт в карман лепешку — и на улицу.

К этому времени с продовольствием в Краснодаре стало совсем худо. Лишь иногда удавалось достать стакан пшена, его растягивали дня на три для супа. Чтобы достать хоть немного продуктов, приходилось уходить далеко от дома с тачкой.

Дяде Коле и Олегу невозможно было заниматься этим: немцы забирали всех мужчин и подростков с тачками, угоняли их куда-то, и они уже не возвращались. Придешь, бывало, домой с четвертью пуда плохой муки, черная от степных ветров и солнца, совсем без сил, ноет каждая косточка.

Всё, что доставали, делили поровну. Порции были прямо птичьи. Однажды я сварила жидкий пшенный суп. Олега не было дома, и я оставила ему его долю.

Сын пришел вместе с Сережей Тюлениным. По их глазам я сразу поняла, как они хотят есть. Олег отвел меня в соседнюю комнату:

— Мама, есть что покушать?

— Я оставила тебе суп и лепешку.

— Мамочка, — прошептал Олег, — знаешь что? Подели нам это с Сережей, а? Он два дня дома не был. Дело важное выполнял. Ничего за это время не ел.

И они по-братски поделили жалкую порцию. Я смотрела на них и думала: «Какие вы еще дети!»

И вот пришли наконец Октябрьские праздники 1942 года. Неунывающие молодогвардейцы, наперекор всему, решили встретить их по-советски. Шестого ноября ребята собрались у нас на квартире.

Вспомнились тут мне наши праздники на воле: веселье, смех, цветы, песни, музыка; улыбающиеся лица людей, подарки ребятам; вечером — заздравные чаши в кругу близких, родных, за столами, полными всякого добра; шутки, танцы...

Но, пожалуй, именно в тот день, 6 ноября, когда ребята стихли у приемника, я с особой силой почувствовала, как же прекрасна была та наша жизнь! И никаких жертв не надо страшиться ради того, чтобы снова отвоевать наше счастье.

Олег и члены штаба, сидя у приемника, думали, наверно, то же самое, только каждый по-своему. Но вот они все пододвинулись друг к другу. В приемнике послышался треск, и вдруг кто-то из ребят прошептал:

— Москва!..

Уже на следующий день с утра весь Краснодар знал, о чем передавали из Москвы: о докладе Сталина, о торжественном собрании москвичей. Люди, встречаясь, говорили друг другу:

— Слышали? Скоро и на нашей улице будет праздник.

И, как бы в подтверждение этих слов, в Краснодаре произошло то, о чем долго потом с гордостью и надеждой говорили в народе.

Серым, пасмурным утром на всех высоких зданиях, на шахтных трубах, терриконах и на самом высоком дереве в городском парке люди увидели красные флаги с яркими лозунгами:

«Да здравствует 25-летие Октябрьской революции!»

«Да здравствует Красная Армия!»

«Смерть немецким захватчикам!»

Подул ветерок, и флаги развернулись по ветру и над домами полиции и жандармерии. Немцы буквально взбесились.

Видела и я красные флаги и скорей побежала домой. Олег сидел на диване, читал книгу с самым невинным видом. Я бросилась к нему:

— Олежек! Кто же это сделал?

Олег только пальцами прищелкнул:

— Есть такие, что не спят! А красиво, мама?

И с сияющими глазами рассказал, что задумали они это давно, вспомнив, как луганские рабочие еще в 1903 году подняли флаг на трубе паровозостроительного завода.

Флаги шили девушки «Молодой гвардии» в Краснодоне и в поселках по квартирам. Всякие кусочки собирали, сшивали, потом окрашивали материю в красный цвет.

Валя Борц и Сережа Тюленин подняли флаг на шахте № 1-бис. Люба, Уля, Коля Сумской, Толя Попов, Сеня Остапенко и другие — на других домах. Все оказались молодцами, все сделали свое смелое дело. Олег и Ваня Земнухов подняли флаг на крыше школы имени Ворошилова.

— А знаешь, мама, — сказал Олег, — под тремя флагами ребята пристроили пустые консервные банки, а внизу на здании написали: «Минировано». Точь-в-точь, как это сделали когда-то Ворошилов и луганские рабочие.

Известие о флагах молнией облетело не только Краснодон, но и близлежащие села и хутора.

Полицейские и гестаповцы бросились разгонять людей на улицах, ругались, угрожали расстрелами.

Флаги они сорвали, но народ теперь знал: есть в Краснодаре мужественные борцы и герои, и им не страшны ни оккупанты, ни их прихвостни — полицаи.

Целый день развевались по ветру три «минированных» флага. Немцы решились их снять только к вечеру.

В этот же день праздника, по заданию штаба, неутомонные ребята раздали подарки семьям фронтовиков.

Те из молодогвардейцев, которые не успели вступить в комсомол до войны, получили временные комсомольские удостоверения, действительные на все время Отечественной войны. В «Молодую гвардию» мог войти всякий, кто хотел бороться с немцами, но принадлежность к комсомолу ребята считали превыше всего. Комсомольский билет получал тот, кто смело и отважно, не щадя своей жизни, успешно выполнил два-три боевых поручения штаба.

Таким образом, в «Молодой гвардии» комсомольцами были все, и все строго по уставу вносили членские взносы. Деньги организации необходимы были всегда, но взять их было неоткуда, кроме как из членских взносов. Поэтому взносы принимались в любом размере — можно было внести пять рублей и пятьдесят.

На эти средства и были закуплены подарки семьям фронтовиков. Оставалось раздать их. И вот в семью фронтовика неожиданно являлся неизвестный юноша или девушка. Они молча передавали штук десять картофелин, немного хлеба, деньги. Обрадованные люди спрашивали:

— Да откуда это?

Посланные говорили:

— Наши прислали.

И моментально исчезали.

Так никто и не узнал, что подарки семьям фронто-

виков принесли бойцы «Молодой гвардии», рискуя жизнью и сами полуголодные.

Не забыла «Молодая гвардия» и своих старших товарищей — арестованных коммунистов.

Немцы иногда разрешали передачи арестованным в тюрьмы. Правда, полицейские всё хорошее отбирали себе, но все же кое-что доставалось и арестованным. Ребята моментально воспользовались этим.

В тюрьму являлся молодогвардеец с передачей.

— Кому?

— Петрову.

Полицейский осматривал узелок, отбирал, что ему понравилось, а то, что осталось, нес в камеру.

Через час являлся другой молодогвардеец:

— Передача.

— Кому?

— Петрову.

Повторялась та же история, и полицай, ворча, передавал узелок. Но спустя некоторое время в тюрьму являлся третий молодогвардеец:

— Примите передачу Петрову.

— Что за чертовщина? — выходил из себя полицейский. — Петрову уже третий раз на днях приносят. Не приму!

Тогда молодогвардеец притворялся искренне возмущенным и даже обиженным.

— Не имеете права! — повышал он голос. — Пока что есть распоряжение принимать передачи, так вы и передавайте. А не то и к коменданту пойдем жаловаться!

И арестованный коммунист получал свое. Мало того, что у него крепла вера в свою силу, но и вся камера видела, что партия никогда в беде не оставит.

Так провели дни Великого Октября молодогвардейцы Краснодона.

БОЕВЫЕ ДЕЛА

Вера в свои силы росла у молодогвардейцев с каждым днем.

Проезжие дороги стали опасными для немецких машин.

Всполошились немецкие коменданты. Увеличился штат полиции, заволновались разные фюреры. Молодогвардейцы преследовали их днем и ночью. Донбасская земля начинала жечь пятки захватчикам.

Немцы готовились вывезти хлеб из нашего района. Штаб «Молодой гвардии» решил: хлеб сжечь! И молодогвардейцы жгли хлеб: шесть скирд хлеба и четыре стога сена были превращены в дым. А на складах зерно было заражено клещом. Олег участвовал в этих операциях и сжег две скирды и стог.

С особым увлечением занимались молодогвардейцы порчей телеграфной и телефонной сети. Немцы буквально не успевали чинить повреждения. Особенно методически портилась линия между Краснодоном и Ровеньками, где находились окружные полиция, жандармерия, гестапо и комендатура. Сеть портилась очень искусно и ловко: не просто обрывались провода, а переламывались в нескольких местах так, чтобы не нарушалась изоляционная оболочка кабеля. Немцы просто с ног сбивались, ища поврежденные места.

Помню, как ребята, перебивая друг друга, рассказывали, как на улице возле дирекциона немецкий комендант неистово распекал продажную шкуру Крутецкого, который не мог обеспечить ремонт поврежденной линии. Тот заискивающе улыбался, кланялся, обещал исправить, но кончилось все тем, что разъярившийся комендант надавал ему пинков и подзатыльников.

— Этому гаду еще не раз придется подставлять свою предательскую рожу своему хозяину, — сказал кто-то из ребят. — Уж мы об этом позаботимся.

По распоряжению немецкого командования в Краснодоне и Изварине были построены мельницы, которые должны были обслуживать немецкие войска. Немцы мололи зерно и местным жителям, забирая за это половину. Штаб «Молодой гвардии» решил мельницы вывести из строя и поручил эти боевые дела в Краснодоне — Нине Иванцовой, а в Изварине — Борису Глованю. На заседании были тщательно обсуждены подробности операции.

Через два дня Нина уже докладывала о выполнении задания. Захватив с собой мешок кукурузы, она пришла на мельницу. Отвесив «немецкую» половину, она пошла оставшуюся кукурузу засыпать в жернова. Там обычно из немцев никого не было, поэтому она могла спокойно положить поверх зерна железный костыль и потихоньку «испариться». О последствиях она узнала позднее: один камень разлетелся в куски, другой был серьезно поврежден.

Борис Гловань операцию осуществил с помощью членов своей пятерки — Васи Пирожка, Коли Жукова, Юры Виценовского, Жени Шепелёва и Гени Лукашова. Прибив немца-моториста, дремавшего в отдельном помещении, ребята повредили регулятор, отчего в мотор стало поступать больше горючего. После того как движок набрал бешеную скорость, они насыпали в цилиндры песок и едва успели разбежаться, как раздался взрыв. Головка цилиндра разлетелась, а поршень, пробив крышу, ракетой вылетел в воду.

Готовясь к этой операции, ребята в течение двух дней следили за мельницей. Двух полицаев, моловших для себя награбленное зерно, Борис Гловань хорошо

знал. На них-то ребята и написали анонимное письмо в гестапо, приписав им диверсию на мельнице. Расправы с полицией долго ждать не пришлось. Они немедленно были арестованы, и таким образом население было избавлено от репрессий.

Редкой выдержкой отличалась Оля Иванцова. Она могла часами, даже целыми днями, стоять где-нибудь в укрытии и наблюдать за движением на дорогах.

Однажды она увидела румын, гнавших скот на бойню в хутор Шеверёвку. Через полчаса об этом было уже известно штабу и немедленно принято решение: Оле и ее пятерке, когда начнется убой скота, сделать мясо непригодным к употреблению.

Собрав своих девушек — Лилю и Тоню Иванихиных, Женю Кийкову и Шуру Бондареву, — она обсудила с ними план операции. Зная, что румыны любят кукурузу, они решили прийти на бойню и предложить ее в обмен на мясные отходы. А Шура Бондарева раздобыла еще где-то литр самогона.

Пока трое из девушек торговались с румынами, Оля занялась присыпкой разделанных туш нафталином. Когда подвыпившие румыны (самогон тут же пошел в ход) пошли доставать для девушек потроха, девушки потихоньку ушли. Вскоре они видели, как из Краснодона мчалась в Шеверёвку машина с немецкой жандармерией. Наверно, крепко досталось от немцев любителям кукурузы!

Каждая боевая операция тщательно обсуждалась потом на заседании штаба. Молодогвардейцам — участникам операций торжественно выносилась благодарность.

— Нашей Оксане (это была подпольная кличка Оли Иванцовой. — Е. К.) можно любое поручение дать, и

она выполнит его не хуже каждого из нас, — говорил Олег.

Активную роль в боевой деятельности «Молодой гвардии» играл Ваня Туркенич — командир молодоговардейцев.

Деятельность «Молодой гвардии» все больше и больше расширялась. Вскоре наладилась связь с молодежью ближайших к Краснодону поселков — Первомайки, Изварина, Шеверёвки, Семейкина.

Слава организации дошла и до соседних районов Ворошиловградской области. Связь с районами молодоговардейцы налаживали с такой сообразительностью и так по-военному хитро заматали следы, что немцам никак не удавалось прекратить ее.

В первых числах октября Олег положил начало небольшой типографии. Большую часть шрифтов он достал еще во время эвакуации у знакомого рабочего районной типографии. Остальные вырезали на резине Володя Осьмухин, Анатолий Попов и Жора Арутюнянц. Потому и печать на временных удостоверениях и листовках получалась неровной.

Штаб умело руководил «Молодой гвардией» потому, что в большинстве своем ребята долго и с душой работали в комсомольских школьных организациях. У них был опыт.

Под носом у немцев Олег не переставая заботился о росте комсомола, неустанно работал с молодежью, организовывал чтения и беседы. На примерах борьбы Павла Корчагина он воспитывался сам и учил товарищей. За шесть месяцев «Молодая гвардия» приняла в комсомол тридцать шесть юношей и девушек Краснодона. В любое время и в любом месте, как только представлялась возможность — дома, в парке, во всех затененных уголках, — не прекращалась эта работа.

Вот как вспоминает член «Молодой гвардии» Валерия Борц о своем вступлении в комсомол:

«Однажды Олег вызвал к себе меня и Сергея Тюленина и сказал нам, что решением организации мы приняты в комсомол. Потом Олег выдал нам комсомольские билеты: Сергею — № 2, а мне — № 3, и мы внесли наши первые комсомольские взносы. Олег нас обнял и крепко расцеловал, а мы так волновались, что даже ничего не могли ему сказать. А потом поклялись, что будем настоящими комсомольцами... Я всю жизнь буду помнить то время, когда вместе со всеми молодогвардейцами боролась против фашистов. И никогда не забуду того дня, когда мой милый товарищ Олег вручил мне комсомольский билет № 3».

В радости и в беде помнили ребята проверенный рабочий закон: все — за одного, один — за всех.

Однажды Олег возвратился домой чем-то сильно взволнованный. Из разговора с ним я узнала о его горе.

«Молодая гвардия» послала Оксану с боевым заданием в Каменск, и там полиция задержала ее. Потом передали, что арестованную можно выкупить: полиция хочет за нее три тысячи рублей. Две с половиной имеются в кассе организации, пятьсот необходимо срочно собрать среди молодогвардейцев.

— Мама, прошу тебя, дай мне пятьдесят рублей, — попросил Олег.

Через несколько дней после этого разговора захожу в комнату и вижу: Олег разговаривает с какой-то девушкой. Весело он сказал мне:

— Мама, это та самая Оксана! Выручили!

Девушка смутилась.

— Оля, ты не волнуйся, — поспешил успокоить ее Олег. — Мама — тоже член нашей организации.

В тот же вечер штаб «Молодой гвардии» принял важное решение: послать молодогвардейцев работать на биржу труда, в полицию, в гараж, в больницу — одним словом, к немцам. Штаб решил вбуравиться в немецкие организации. Это было задумано смело, и это было очень опасно. Ребята были устроены на нужные места, и они там «не ловили ворон».

Сергей Левашов нанялся работать в гараже, то есть весьма старательно портил одну автомашину за другой. Уля Громова поступила на работу в немецкий госпиталь, и в скором времени с ее помощью двадцать пленных красноармейцев вышли на свободу. Юра Виценовский стал на шахте «мастером аварий». Ковалев и Вася Пирожок доставляли из полиции чрезвычайно важные сведения.

Короче говоря, ребята подбирались к самому горлу врага.

Как-то утром бабушка вбежала с улицы в комнату взволнованная и радостная:

— Биржа горит!

Олег вскочил с дивана и бросился к окну:

— А управа?

Бабушка спросила:

— Олежек, что ты говоришь? Разве и управа должна гореть?

— Да, бабушка, непременно и управа!

— Про управу мне ничего не известно... — растерянно сказала бабушка.

Олег быстро оделся:

— Мама, пожалуйста, не волнуйся! Дела...

Он вышел, но скоро возвратился.

— Вот это молодцы ребята! — говорил он, возбужденно шагая по комнате и потирая руки. — Чистая работа! Дотла сгорело...

Пожар «биржи смерти» был очередной работой молодого гвардейцев.

Они узнали, что биржа труда заготовила списки и документы на тысячи граждан Краснодона для отправки их в немецкую неволю. Немедленно штаб решил: биржу сжечь!

На рассвете 6 декабря Люба Шевцова, Сергей Тюленин и Виктор Лукьянченко сумели пробраться в здание биржи. Они облили стены бензином, расставили по комнатам бутылки с горючим. Чиркнула спичка...

Сначала вспыхнули бумаги, потом запылали картошки, и пошла полыхать вся «биржа смерти».

После неожиданного пожара немцы начали было снова готовить списки, но фронт уже приближался к Краснодону, и немцам стало не до списков. Тысячи наших людей были спасены от немецкой каторги.

Все жарче разгоралась борьба.

К началу декабря ребята добыли за счет немцев 15 автоматов, 80 винтовок, 300 гранат, 10 пистолетов, 15 тысяч патронов, 65 килограммов взрывчатки и несколько сот метров бикфордова шнура.

На этом не остановились.

Штаб терпеливо разрабатывал дерзкий план захвата и уничтожения в Краснодоне всех немцев и предателей и с этой целью накапливал оружие.

Этот последний удар должен был быть нанесен при подходе Красной Армии к городу. План держали в особом секрете.

Диву даешься, с каким умением и военной мудростью был разработан недавними школьниками этот последний удар по врагу!

По сигналу штаба должны были взлететь на воздух дома, занятые немцами, и перед ними, как из-под земли,

выросли бы неумолимые мстители. Все они уже знали свои места.

Как только оружие попадало ребятам в руки, оно сейчас же начинало действовать. Анатолий Попов и Виктор Петров на дороге Гундеровка — Герасимовка уничтожили гранатами машину с тремя офицерами. Потом нашли свой конец на дорогах еще две легковые и три грузовые машины с немцами.

Как-то запоздно мне потребовался карманный фонарик. Он всегда лежал в пальто Олега, в левом кармане. Олег, усталый, спал на диване. Он так хорошо спал, забыв во сне об опасности, о проклятых фашистах! Лицо его было такое спокойное, тихое, что у меня руки не поднялись разбудить сына.

Я подошла к вешалке, нащупала в кармане пальто Олега фонарик. Но вынула я оттуда что-то совсем другое. Какой-то кирпичик, размером с фонарик, довольно веский.

— Николай, что это такое? Я думала, это фонарик в кармане у Олега. Что это?

— Тол, — коротко ответил брат.

— Не понимаю...

— Понимать тут особенно нечего. Не очень-то уж много нужно таких фонариков, чтобы взорвать любой дом.

Я поторопилась положить на место то, что взяла. Подошла к Олегу. Он спал безмятежно, полуоткрыв свои пухлые губы, и вдруг совсем по-мальчишески чему-то улыбнулся во сне.

Позже я узнала и о том, что ребята разминировали немецкое минное поле, а мины запрятали к себе в склад. Они били немцев только немецким оружием.

Развалины бани были для молодогвардейцев центральным складом оружия: оно хранилось в погребе,

под полом. Прятали оружие и в нашей квартире, только в меньшем количестве.

Олег часто приносил оружие и поручал мне, бабушке или дяде Николаю спрятать его на несколько дней.

Как-то Сергей Тюленин принес нам полмешка гранат. Их нужно было получше и понадежнее запрятать. Олег попросил об этом бабушку. Бабушка молча кивнула головой. Она закопала гранаты в землю, запалы завернула в промасленную тряпку, опустила их в шерстяной носок и заложила отдельно, в сухом месте. Это растрогало Олега. Со слезами на глазах бросился он обнимать свою бабушку. Та ему ответила просто:

— Твое дело — мое дело. Ты знай приказывай!

ДЕЛО С ПРИЕМНИКОМ

В ноябре 1942 года Олег сказал как-то, что молодогвардейцы смонтировали два радиоприемника и что вечером их должны принести к нам Ваня Земнухов и Борис Гловань.

Мы прождали до позднего вечера. На следующее утро Олег хотел пойти узнать, почему ребята не пришли вчера, но бабушка уговорила его сначала позавтракать. В это время стукнули в окно. Олег вышел. А когда возвратился, то сказал, что приходила из полиции уборщица, спрашивала об Олеге Кошевом.

— Ну, и что ты ей сказал? — спросила я, предчувствуя беду.

— Сказал, что Олег Кошевой живет здесь.

По словам уборщицы выходило, что ее будто бы при-
слал Олег Кошевой: его вчера вечером задержала полиция, и он просит прислать что-нибудь поесть.

Получалась странная история. Ошибка? Провокация? Вдруг Олег отодвинул тарелку с едой и встал:

— Мама, мне все ясно. Бориса, когда он вчера нес радиоприемник, задержала полиция. Желая оповестить нас об этом, он решил схитрить. Передать об аресте другим способом, чтобы не вызвать подозрения у полиции, видимо, ему невозможно.

И Олег заспешил из дому. Часа через два он возвратился, и мы узнали от него, что оба — Ваня Земнухов и Боря Гловань — сидят в полиции. На всякий случай Олег предложил некоторым молодогвардейцам на несколько дней изменить места своего пребывания.

— Мама, придется и мне куда-нибудь спрятаться.

Все это меня страшно взволновало. Я дрожала всем телом, хотя и старалась не показать этого сыну.

Начали вместе думать, где бы пожить Олегу несколько дней. Олег сказал:

— Далеко мне уходить нельзя. Мое место — с ребятами.

Я пошла к моей знакомой, Лидии Макаровне Поповой. Конечно, я не открыла ей настоящую причину, а сказала, что полиция ищет сына, чтобы угнать в Германию. Попова охотно приняла к себе Олега, и он пробыл у нее три дня.

Работа штаба продолжалась и на новой квартире. Нина Иванцова и Валерия Борц были связистами у Олега и по нескольку раз в день забегали к нему. Не зная, в чем дело, Лидия Макаровна сказала мне, смеясь:

— Как девушки-то дружат с нашим Олегом, а? — И потом, уже без шуток, предупредила меня: — Пусть он сам-то не выходит по вечерам из дому.

Как-то Попова завела с Олегом откровенный разговор:

— Скажи, Олег, ты, может быть, слышал: скоро ли прогонят немца с нашей земли?

Олег ответил сразу:

— Лидия Макаровна, чтобы как можно скорее прогнать немцев, надо нам всем помогать Красной Армии. Есть такое изречение: кто, если не ты? И когда, если не теперь?

— Помогать, Олег, надо, да нечем — нет оружия. Голыми-то руками не очень доймешь немца.

— Помогать можно и без оружия, — помолчав, ответил Олег и спросил в упор: — Скажите, а вот вы... смогли бы помочь партизанам?

— А что ж! С охотой. Но как?

— О, Лидия Макаровна, способов много, лишь бы была охота! Например, представьте себе такой случай. За партизаном гонятся немцы, они напали на его след, вот-вот поймают. А спрятаться партизану негде. И вдруг он вбегает в ваш дом. Признается, кто он. Просит спрятать его. Скажите, Лидия Макаровна... вы бы помогли ему?

— Обязательно!

— Зная, что немцы вешают партизан и их пособников?

— Да, Олег.

Много они говорили в тот вечер о немцах, о борьбе с ними, об успехах Красной Армии под Сталинградом, о том, что немцам придется скоро бежать не только из Краснодарона, но и со всей Советской земли.

На четвертый день полиция выпустила Ваню и Бориса. Им посчастливилось выкрутиться, и даже легко. Выручили ребят их сметка и выдержка.

Вышло это так. В тот вечер, когда они несли радиоприемник, их случайно встретил начальник полиции Соликовский. Узнав, что они несут, Соликовский повел ре-

бят в полицию. На допросе Борис Гловань представился наивным простачком и понес всякую небылицу:

— Аппарат этот? Да он у меня и при Советской власти был. Я его не отдал тогда, а взял да запрятал. Я же не знал, что и при немецкой власти нельзя радио слушать. Нельзя? Запрещено?.. Ну что ж, пожалуйста, берите себе приемник. Вообще-то он мне надоел. Таскайся с ним! Неприятности всякие...

Бориса спросили о Ване Земнухове. Борис махнул на Ваню рукой и усмехнулся:

— Этот-то? Да я его случайно встретил на улице. Он какой-то чудной парень, в радиоаппаратуре вовсе ничего не понимает.

Борис отлично разыграл роль наивного простака. Полиция попалась на удочку. Приемник оставили, а ребят на всякий случай продержали три дня, а потом отпустили.

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Ребята донесли штабу, что немцы собираются вывезти в Германию крупную партию скота, отнятого у нашего населения.

Штаб «Молодой гвардии» решил не дать немцам вывезти скот.

Разработали план действий, расставили людей, и, когда скот гнали на станцию, молодогвардейцы набросились на охрану, перебили ее, а пятьсот голов скота разогнали по степи. Лишь несколько коров погибло во время перестрелки с охраной.

На окраине Краснодона был лагерь смерти, в несколько рядов обнесенный колючей проволокой. Сколько

там было наших людей — не знаю. Голод, стужа, болезни валили их с ног.

Больных и слабых немцы гоняли на тяжелые работы. Горе было тому, кто терял силы и падал, — его тут же добивали прикладом.

Однажды пошла я в станицу Морозовскую выменять хлеба. В Морозовской тоже был лагерь. Проходя мимо него, я увидела группу женщин. Они стояли недалеко от проволоки и на что-то смотрели.

Подошла и я к ним.

— Что тут случилось? — спросила я у женщин.

Мне никто не ответил, да и невозможно было рассказать человеческими словами то, что происходило за колючей проволокой.

Больной красноармеец попросил у часового напиться. К удивлению, фашист не отказал, быстро сбегал в хату и вынес оттуда раскаленную кочергу.

— Рус, рус, пей! — засмеялся он и сунул кочергу красноармейцу в рот.

В ужасе мы отшатнулись. Но еще долго в ушах стояли стон больного красноармейца и хриплый хохот немца.

У Олега вся кровь отхлынула с лица, когда я, плача, рассказала ему, что видела в Морозовской.

И вот штабу «Молодой гвардии» стало известно, что на хуторе Волчанском есть еще один лагерь военнопленных.

Молодогвардейцам Грише Щербакову, Коле Сумскому и еще нескольким, во главе с Анатолием Поповым и Женей Шепелёвым, было поручено напасть на лагерь.

Темной ночью ребята неслышно подползли к воротам лагеря и накинули часовому мешок на голову.

Пленные начали разбегаться. Убежало не меньше ста человек. Могли бы разбежаться и все, если бы не немец, который случайно проходил мимо лагеря. На его выстрелы прибежали полицейские и замкнули ворота.

САМЫЕ ЮНЫЕ

Как-то — это было в декабре — Олег собрался вечером в кино.

За все восемь месяцев оккупации немцы показали кинокартины для населения не более десяти раз. Это были удивительно бессодержательные картины, герои которых, откормленные немцы и немки, только и делали, что объедались да купались в ваннах.

Молодогвардейцы главным образом ходили в кино для своих целей.

— Ты, мамочка, — Олег посмотрел на меня ласково, — не волнуйся, если я после кино задержусь немного. Хорошо?

Через час пришел Сергей Тюленин с запиской от Олега.

Сын писал мне, чтобы я достала из матраца револьвер и патроны и передала их Сергею. В конце записки Олег в шутовском тоне еще раз просил меня не волноваться: он быстро возвратится домой.

Дома, кроме меня, не было никого. Мне стало не по себе, и я пошла к соседке, а когда возвратилась, Олег и Сережа были уже дома.

— Мама, гляди! — с торжеством сказал Олег, вынул какой-то сверток и развернул передо мной огромное шелковое фашистское знамя.

— Где ж ты взял это? — удивилась я.

— Где взял, там его уже нет, — засмеялся Олег.

В бедовых глазах Сережи играли веселые огоньки. На бледных его щеках теплился румянец.

Ребята рассказали мне, что знамя это принадлежало шефу жандармерии, а выкрали они его из кинотеатра, где знамя висело на почетном месте.

— Да как же вы это сделали? — всплеснула я руками, глядя на двух удалцов.

— А очень просто, — сказал Олег. — Сергей сначала посмотрел, как немцы в ваннах купаются, потом спрятался под лавку. Публика ушла. Сторож запер кино. Сережа снял флаг и выбрался из помещения. Ты же сама знаешь: Сергей куда угодно заберется и уйдет, когда нужно... — И Олег обнял Сережу за плечи. — Ну и устроил ты скандал для шефа, Сергей! Лишиться знамени — все равно что потерпеть поражение на поле боя. Какие же они победители, если у них из-под носа знамя унесли! Шеф теперь лопнет от злости, особенно если увидит выколотые глаза на портрете у Гитлера!

Я ахнула:

— Сережа, и это ты сделал?

Сережа молча переминался с ноги на ногу и смущенно краснел.

Сережа Тюленин и Радик Юркин! Это были маленькие солдаты с большим сердцем, до конца преданные «Молодой гвардии», ее барабанщики.

Как только я вспоминаю о них, невольно приходит на память песня:

Средь нас был юный барабанщик,
В атаку он шел впереди,
С веселым другом — барабаном,
С огнем большевистским в груди...

У Сережи и Радика было удивительное свойство, помогающее им водить немцев за нос. Храбрость и му-

жество бойцов сочетались у них с совершенно мальчишеским внешним видом — им вместе было двадцать девять лет.

Оба небольшого роста (Радик совсем маленький), худенькие, падкие на всякие уличные зрелища, они оба для немцев были самыми обыкновенными подростками и до конца не вызывали у врага никаких подозрений. Как раз именно этим-то Сережа и Радик не переставали хитро и храбро пользоваться.

Однажды штабу стало известно, что в поселке Изварино сосредоточились большие скопления румынских и итальянских войск. Это были проверенные «поставщики» оружия для «Молодой гвардии». Володя Жданов, Александр Шищенко и Анатолий Орлов были посланы в Изварино с приказанием добыть гранаты и патроны.

Как и ожидал штаб, ребята поручение выполнили, и в Изварино послали Сережу и Радика, с тем чтобы доставить гранаты в Краснодон, на базу.

Радик и Сережа уложили гранаты в корзинки, а сверху прикрыли их картошкой. До Краснодона они добрались благополучно. Было одиннадцать часов ночи — время для хождения по улицам запрещенное. Ребята, конечно, знали об этом, но то ли они решили окончательно не обращать внимания на полицейских, то ли устали и шли напролом.

— Кто идет? — И перед ребятами вырос полицейский. — Вы что, фулиганье, так поздно ходите? Приказа не знаете по домам сидеть? Что тут у вас в кошелках?

Радик соорудил самую невинную физиономию:

— Мы из Изварина идем, дяденька полицейский. К дедушке ходили. За картошкой. Вот и несем.

— Я покажу вам сейчас дедушку с картошкой! — ругался полицейский. — А ну, пошли за мной! Ош-

трафуют отцов рублей по пятьдесят, тогда будете знать!

Радик начал хныкать. Подталкивая ребят в спины, дюжий полицейский погнал их в полицию.

Там Сережу и Радика еще раз выругали, наградили подзатыльниками и как малолетних нарушителей немецкого порядка оставили в полиции до утра.

Ребята переглянулись, поставили свои корзины около стола ночного дежурного полицейского и уселись на них. Сережа подмигнул Радiku, и началось второе отделение программы. Радик стал разыгрывать из себя совершенно напуганного мальчика. Он хныкал, потом пустился в рев:

— Дяденька, отпусти домой! Мамка выпорет. Она картошку ждет. Дяденька, отпусти!

Ему надавали затрещин и приказали молчать. Радик покорно замолчал. Дело было сделано: полиция поверила и опять осталась в дураках.

Так и просидели ребята с самым невинным видом всю ночь на корзинах с гранатами рядом с полицейским, под его охраной. Утром им вручили две квитанции родителям со штрафом пятьдесят рублей и вытолкали на улицу. Две корзины гранат встали штабу «Молодой гвардии» в сто рублей — цена вполне подходящая.

Когда доставили гранаты в баню, сколько тут было смеха, шуток, веселья и острых словечек по адресу немцев и полиции! Сережа и Радик были героями дня.

ПАРОЛЬ „ЯКОРЬ“

Заседания штаба «Молодой гвардии» чаще всего созывались в нашей квартире.

Как-то Олег сказал мне:

— Вечером у нас соберется штаб. Мама, пускать в дом только тех, кто скажет пароль: «якорь».

Штаб собрался в моей комнатке, хорошо изолированной.

Пришли Ваня Туркенич, Нина и Оля Иванцовы, задумчивая Уля Громова, непоседа Сережа Тюленин, весельчак и остряк Толя Попов, легко смущающийся Ваня Земнухов.

Был десятый час, но ребята знали тайные дорожки к нашему дому — полиция там не ходила. Я была занята своими делами, но ни на минуту не забывала об охране собрания и время от времени выглядывала в окно, прислушивалась к шуму со двора. Бабушка на этот раз не дежурила. Ее не было дома.

Вдруг громко постучали в дверь. Я кинулась к окну и замерла. Полиция! Я быстро предупредила ребят, заперла их в комнате, ключ спрятала и открыла дверь в сени. Вошли полицейские. Один грубо спросил:

— Что делаешь?

— Топлю печь, — ответила я.

— Мы поставим к тебе на ночь румын. Слышишь?

— Хорошо. Пожалуйста.

Один из полицейских подошел к дверям моей комнаты, приказал мне:

— Открой!

Я обомлела, голос у меня отнялся. Я подумала: пропало все! Усилием воли взяла себя в руки и ответила:

— Там живет одна женщина, она вышла куда-то, а ключ унесла с собой. Пусть румыны, — продолжала я, понемногу успокаиваясь, — занимают вот эту комнату, а я у соседки переночую.

Полицейский что-то пробурчал, и они ушли. Румыны стали размещаться на отдых. Я пробралась к ребятам

и попросила их как можно быстрее закончить заседание и разойтись. Олег ответил:

— Нам еще минут двадцать необходимо. Важные вопросы.

Я снова закрыла их на ключ.

Прошло полчаса, но ребята и не думали уходить.

Более того: зная, что полицейские ушли, а с румынами можно было не очень церемониться, ребята так увлеклись своими важными вопросами, что начали разговаривать во весь голос.

Вдруг полицейские пришли снова. Я прислонилась спиной к дверям, за которыми сидели ребята, и почти закричала:

— Пан полицейский! А где бы это соломы достать для солдат?

Кричу, а у самой потемнело в глазах, голова пошла кругом, сердце вот-вот разорвется.

К счастью, догадливые ребята услышали мой голос, поняли, в чем дело, и сразу же притихли. Вскоре все важные вопросы были благополучно решены, и штаб разошелся. Румыны храпели на разные голоса. Олег прижался к моему уху губами:

— Спасибо, золотая моя!

ПРИКАЗ — ЗАКОН

В конце сентября к нам на квартиру поместили немца, полковника фон Вельзена.

У него был радиоприемник, и он каждый день слушал передачи из Берлина. Всякий раз, выходя из дому, фон Вельзен обязательно поводит пальцем по шее, показывая этим, что будет Олегу, если он только попробует включить Москву.

— Москву — капут! — таращит глаза офицер, еще раз показывая себе на шею и вверх на потолок.

— Гут, гут, — послушно отвечал Олег.

Но только фон Вельзен выходил со двора, Олег тут же включал аппарат, слушал Москву и записывал сводки Информбюро. Наш радиоприемник тем временем «отдыхал»: Олег выкопал для него яму под полом в летней кухне.

Партия направляла смелые шаги «Молодой гвардии».

Была налажена связь с подпольными организациями других районов, а среди них — с представителем ворошиловградского партизанского отряда «товарищем Антоном», с которым молодогвардейцы еще в декабре 1942 года наладили связь через Любу Шевцову.

«Товарищ Антон» даже собирался провести краснодонцев, но своего обещания ему не удалось выполнить.

Как-то Люба Шевцова привезла от «товарища Антона» письмо, которое подняло на ноги всю организацию.

Чтобы общими усилиями еще крепче бить врага, «товарищ Антон» предлагал молодогвардейцам влиться в партизанский отряд. Для этого следовало поделить ребят на две группы.

Первой группе пробраться к месту встречи 17 декабря, остальным — несколько позже.

Действовать в Краснодоне становилось все опаснее. Гестапо и разветвленная сеть его агентуры начинали сковывать действия молодогвардейцев. «Молодая гвардия» разрослась, она не могла держаться в узких рамках подполья и требовала активной и открытой борьбы с оружием в руках.

Вот почему предложение «товарища Антона» для молодогвардейцев было очень кстати. Молодежь рвалась в бой.

В первую группу вошли: Олег, Ваня Туркенич, Люба Шевцова, Сергей Тюленин и еще двадцать человек; Земнухов и Громова должны были вести остальных ребят.

Но прежде чем тронуться в опасный путь, штаб на радостях решил обеспечить углем и дровами семьи всех молодогвардейцев. По полтонне угля и понемногу дров из старых шахт, как рассудили ребята, должно было вполне хватить не меньше чем на месяц, а там — придет Красная Армия. По радио из Москвы они знали, что немецкий фронт трещит по всем направлениям.

Но получить уголь при немцах было не так-то просто. При отходе наши взорвали все крупные действующие шахты. Не успевшие эвакуироваться шахтеры всячески саботировали добычу; немцы так и не дотянулись до донбасского угля.

Олег куда-то бегал, хлопотал, хитрил и выдумывал, пока не добился наряда на уголь.

Как живого, вижу я сейчас перед собой своего Олега. На щеках — румянец, глаза, как звезды, горят. Он везет тачку с углем и распевает на всю улицу:

Кто весел, тот смеется,
Кто хочет, тот добьется,
Кто ищет, тот всегда найдет...

Возили уголь все вместе, помогая один другому, по трое на тачку. С Олегом были Сергей Тюленин и Степа Сафонов.

С дровами дела обстояли еще хуже, но Олег, Жора Арутюнянц, Толя Лопухов, Сережа Тюленин и Сеня Остапенко и тут не растерялись. Они знали об одной

мелкой шахтенке в степи. Уголь из нее добывали вручную.

Ребята решили сразу убить двух зайцев: выбить деревянные крепления, поделить их на дрова, а кстати и завалить шахту, на тот случай, если немцы захотят ее восстановить. За работу взялись с жаром, и хоть все вымазались и устали, но свое сделали: обеспечили семьи молодогвардейцев дровами и шахтенку окончательно вывели из строя.

На следующее утро должны были двинуться в путь.

Но не так вышло, как думалось! С раннего утра мы начали готовить Олега в дорогу. На душе у меня было тоскливо, я думала только об одном: чтобы здоровым вернулся сын, чтобы снова нам с ним встретиться и вместе встретить победу.

Такие же мысли, наверно, были и у бабушки Веры. Она все время тяжело вздыхала. Расставаться с Олегом было нелегко, закипали слезы на глазах, но ни я, ни бабушка не показали ему своего волнения. Хотели проводить сына бодрыми пожеланиями, а не слезами.

Семнадцатого декабря, в одиннадцать часов дня, собрались все, кто должен был идти в дорогу; не было одной Любы Шевцовой. Она вдруг почему-то задержалась. Но время еще было.

Условились выйти из дому в двенадцать часов, и не толпой, а по пять человек.

Первая пятерка должна была выйти в двенадцать, вторая — в час и так далее.

Олег оделся тепло: под куртку дядя Николай дал ему свою шерстяную гимнастерку, а на руки теплые рукавицы. С шапкой вышел конфуз: ее не нашли. Шапка была смушковая, теплая. Искали везде, но безрезультатно.

Вдруг вспомнили: недавно к нам заходили погреться немецкие солдаты. Шапка висела на вешалке, потом ее никто не видел. Дело было ясное. Однако другой шапки у Олега не имелось. Выручила Нина Иванцова. Сбежала домой и принесла шапку брата.

Наступало время отправляться в путь. У ребят было бодрое настроение, они шутили, то и дело выглядывали на улицу — не идет ли Люба Шевцова. Она должна была прийти с минуты на минуту. Но вот стрелка на часах передвинулась вправо от двенадцати. Вначале на пять минут, потом на десять, на пятнадцать... Почему задержалась Люба? Может, с нею что-нибудь случилось?

Олег дал команду задержаться. Ребята притихли, шутки прекратились, настала гнетущая тишина.

Вася Пирожок — отчаянная голова, крепкий, широкоплечий, с серыми бесстрашными глазами — сидел на стуле с малюсеньким свертком под мышкой. Это был весь его багаж в дальнюю дорогу. Сидел он на этот раз какой-то печальный, притихший, глядя в одну точку. Олег хлопнул Васю по плечу:

— Ты что скучаешь? С дивчиной своей, что ли, проститься не успел?

Вася вспыхнул и покосился на меня:

— Что ты, что ты, Олег! Какая там у меня дивчина!

Я тихо вышла в другую комнату, но все же мне было слышно, как Вася сказал Олегу:

— Ну что ты, право, Олег? О таких вещах при Елене Николаевне?! Само собой разумеется... простился. А ты со своей?

Молчание, и потом тихие слова Олега:

— Не с кем мне прощаться. Все вместе отправляемся. Есть у меня дорогой друг, но и он со мной идет.

— Кто?

— Нина Иванцова.

С Ниной Олега связывала теперь крепкая и нежная дружба. И общая подпольная судьба, дни, полные тревог и радостей борьбы, как-то сблизили их еще больше.

Так прождали мы до четырех часов дня. А в четыре прибежала Люба, запыхавшаяся и взволнованная; она передала Олегу письмо от «товарища Антона». Командир отряда предлагал поход отложить и продолжать работу на месте.

«Второго или третьего января буду я у вас, и мы поговорим, я посоветую вам много интересного для вашей работы», — писал «товарищ Антон».

Все чувства сразу отразились на лицах ребят. Но приказ партии — закон.

„ПОБЕДИТЕЛИ“ ОТСТУПАЮТ

Во второй половине декабря 1942 года началось бегство немецких и румынских войск из-под Сталинграда. День и ночь через Краснодон тянулись длинные обозы. Мы жили на центральном месте и видели всё. Проходили сотни машин с грязными, растрепанными солдатами. Головы у них были закутаны в женские платки или какие-то тряпки.

— Не солдаты, а мокрые курицы! — как-то заглянув в окно, засмеялся Олег.

Потом он подсел к столу и написал вот что:

Ага, подошли и к арийцам
Тяжелые дни — это факт!
Бегут в беспорядке мальтийцы,
Одетые все кое-как.

Кто шапкой, кто кепкой накрытый,
Кто с женским платком на плечах,
Избиты, побиты, разбиты —
Согнулся ариец, зачах!

Без формы, без чести солдата,
Спешат все к Берлину назад.
Пред ними — расплата, расплата,
За ними — гроза: Сталинград!

Ты что же, фашистик ты прусский,
Задумал весь мир покорить?
Народ наш прославленный русский
В безличных рабов превратить?

Не вышло, не выйдет вовеки,
Вас били — и снова побьем!
Гранатой, «катюшей», «андрюшей»
Мы вас в порошок изотрем!

Олег прочитал эти стихи мне, дяде Коле, бабушке.
Мы все весело посмеялись. А бабушка сказала:

— Ох, Олежек, я вижу, ты на все руки мастер!

Но молодогвардейцы, конечно, не были только наблюдателями отступления врага. Принятые и напечатанные ночью сводки Совинформбюро днем уже были расклеены на стенах и столбах в Краснодаре, в ближайших рабочих поселках и хуторах.

Немцы кричали в своих газетах и по радио, что никакого отступления нет, что их войска после победных боев под Сталинградом идут на отдых, что Сталинград ими занят, а сводки Информбюро говорили об окружении и разгроме немцев под Сталинградом, приводили цифры, факты. Кому было верить? Уж ясно — не немцам. Вшивые, с тряпьем на голове, бегущие наперегонки, немецкие солдаты не были похожи на победителей.

Немцы объявили по городу о большой денежной награде тому, кто поймает распространителей таинственных листовок.

Не помогло и это: как будто в насмешку, листовки появлялись все в большем количестве. Их жадно читали, содержание их передавали из уст в уста, они бодрили, поддерживали настроение у измученных людей, помогали организовывать отпор врагу.

Немцы бесились. Гестапо и полиция никак не могли напасть на след ребят. Единственное, что было в их силах, — это жестоко расправляться с арестованными. Им-то немцы и мстили за свое поражение на фронте, мучили их страшно, убивали, грабили их имущество.

Выглядело это так: немцы на машинах подъезжали к какому-нибудь дому, выбирая тот, где можно было больше взять, врывались в комнаты и самих хозяев заставляли перетаскивать вещи в машины. Забирали все, оставались одни голые стены.

Некоторые женщины плакали, умоляя хоть что-нибудь оставить для ребятишек, другие покорно молчали. И тех и других немцы избивали кулаками или нагайками. Не щадили ни стариков, ни детей.

Все награбленное делили меж собой жандармские офицеры, потом укладывали в посылки и отправляли в Германию.

А в это время штаб борьбы и сопротивления не прекращал работу. Каждый день приходили к нам товарищи — отчитываться штабу о выполнении заданий и получать новые.

Вот из поселка Краснодон пришли Сумской и Шищенко и с жаром рассказали, что 22 декабря ими обезоружены и убиты три немецких солдата. Из Изварина и Герасимовки явились ребята просить оружия. Вот Ваня Туркенич, волнуясь, рассказал, как они с ребятами заманили в балку двух полицейских и повесили там.

Над головами предателей оставили надпись; в ней «Молодая гвардия» предупреждала полицию, что если не прекратится террор против советских людей, то каждого полицейского постигнет такая же участь: петля и пуля. Полицейские немного присмирели, а некоторые, перепугавшись, и совсем бросили службу у немцев.

„РАЗВЕ МОЖНО ТАКИХ РЕБЯТ НЕ ЛЮБИТЬ?“

Олег часто говорил:

— В нашей организации все ребята преданы Родине — в этом и сила наша. С ними не страшно ни в огонь, ни в воду! Только подумайте: сколько заданий штаб ни давал — да и каких! — и все до одного выполнены. И чем теперь трудней становится, тем дух крепче у ребят. Прямо удивительно все складывается!

Бывало, при этих словах Олег разволнуется, начнет припоминать лучшие черты в характере своих товарищей и до тех пор не успокоится, пока и мы не разделим его восторг. Или подойдет ко мне, заглянет в глаза:

— Мама, не даром нас растили, честное слово! Наша совесть чиста перед народом. Я это очень сильно чувствую, мама. Словами тут не рассказать... Только вот я все время думаю: наверно, мы еще очень мало сделали, а? Прямо не спится от этих мыслей.

Отойдет от меня, тихо сядет к столу и начнет быстро-быстро писать. Я уж знала — стихи.

Я любила смотреть на сына, когда он писал стихи. Лицо у него бывало в это время такое, как будто сын переставал замечать нас и разговаривал с кем-то далеким.

Трогательно была дружба, с которой молодогвардейцы протянули друг другу руки на смерть и победу. Она была прекрасна. Пусть комсомольская эта дружба послужит примером для наших пионеров, для всей нашей молодежи. И пусть знает наша молодежь: дружба сама собой не приходит, право на нее нужно завоевывать.

Однажды, возвращаясь поздней ночью тайными тропинками с конспиративной сходки у Нины Иванцовой, Олег вдруг прижался к забору и замер: за ним следили.

Было отчетливо слышно, как снег скрипел под ногами преследователей. Как только Олег остановился, затихли и те. Бежать такой светлой ночью было бессмысленно. Оставалось одно: идти своей дорогой. Олег тронулся, и сейчас же раздался скрип снега у него за спиной. Олег нагнулся, будто бы завязать ботинок. Шаги позади стихли.

Но Олег уже успел разглядеть темные фигуры преследователей меж домами.

«Пойду к ним навстречу, — решил Олег. — В крайнем случае, отсижу ночь в полиции. Иначе проследят до дому».

Он круто обернулся и пошел назад. Видя, что они открыты, преследователи ждали, когда Олег подойдет. Руки у них были в карманах. И вдруг...

— Толя!

Это был Толя Попов, а с ним — Сеня Остапенко и Володя Осьмухин. Они молча стояли и неловко улыбались.

— Ребята, вы?! Вот не ожидал... Зачем идете за мной? — спросил обрадованный и удивленный Олег.

Толя ответил, не вынимая руки из кармана — там был наган:

— Зачем, зачем... Стало быть, так нужно, раз идем. Наступило неловкое молчание.

Потом Сеня толкнул легонько Олега локтем и, широко улыбаясь, спросил:

— Олег, а разве ты первый раз заметил, что мы за тобой ходим?

— Первый, — удивился Олег. — Ребята, да в чем же дело?

— О-о-о! — засмеялись ребята. — А ведь мы тебя всегда охраняем, аж до самого дома провожаем.

— Да зачем же?

— Ну, мало ли что может случиться... Все-таки ты наш комиссар.

С гордостью рассказывал мне об этом Олег. Счастливые слезы блеснули в его глазах. Он сжал кулаки и потряхнул головой:

— Разве можно таких ребят не любить? Как же можно с ними не верить в победу? Мама, знай: я у них в долгу не останусь. За все отплачу!

Вскоре такой случай представился.

Как-то раз я пошла за водой к водонапорной колонке. Вижу, навстречу идет Олег с Васей Левашовым. Был морозец, медленно падал снежок. Щеки ребят покраснелись, снежинки облепили их воротники, шапки. Они улыбались мне. Я тогда подумала: какие они красивые, наши дети!

Олег предупредил меня, что сегодня у Нины Ивановой будет совещание — очень важные вопросы, закончат поздно. Все заночуют на квартире у Нины. Я подавила вздох. Опять ночь без сна, в тревоге. Улыбнулась им, и мы простились.

По дороге к Нине Олег и Вася зашли за Володей Осмухиным и Сережей Левашовым. Дальше они пошли вместе.

Вечерело. Снег падал все гуще. Как раз в это время через Краснодар немцы гнали партию военнопленных. Место ночной стоянки в Краснодаре немцы быстро обнесли колючей проволокой, поставили часовых.

Ребята в темноте сначала натолкнулись на эту проволоку, а затем услышали окрик немецкого часового: — Стой!

Коверкая русские слова, немец приказал ребятам войти под проволоку, подождать коменданта. Утром, мол, все выяснится: кто они такие и зачем бродят около лагеря. Это было равносильно смерти. Конечно, утром бы ребят не выпустили и погнали бы вместе с военнопленными.

Олег стоял впереди ребят. Не успел немец закрыть рот, как в ту же секунду Олег что было сил — а у него их было много — ударом кулака в скулу оглушил немца. В следующую секунду Володя Осьмухин и Сережа Левашов вцепились немцу в горло. Винтовка выпала из рук солдата. Вася Левашов на лету подхватил ее и с размаху всадил штык в немца.

Все это было совершенно мгновенно и без единого крика. Ребята пустились наутек. Стоит ли говорить, что винтовку они прихватили с собой! Через полминуты они услышали выстрелы и крики немцев. Ребята спрятали винтовку в подвал, и снег замел их следы.

Как ни в чем не бывало они вовремя явились на совещание. Никто в тот вечер так и не узнал, что произошло возле колючей проволоки.

Совещание и на самом деле кончилось поздно. Мать Нины уложила ребят на лавках, на полу. Олегу она постелила на своей кровати. Олег поблагодарил за ласку, но не лег до тех пор, пока мать Нины не велела лечь рядом с ним Сереже Тюленину. Долго шептались друзья.

СЕРЕЖА ВЫХОДИТ ИЗ „ОКРУЖЕНИЯ“

Теперь и слепому было видно: немцам крепко досталось от Красной Армии. Скорый разгром их был неизбежен. Но, несмотря на эту великую радость, молодогвардейцы не размагничивались, не ослабляли своей дисциплины.

Как и раньше, когда враг был еще в полной силе, так и теперь всеми строго соблюдалась боевая дисциплина. И тут, как и во всем, ребята старались подражать Красной Армии.

Боец, вернувшийся с боевого задания, рапортовал Олегу или членам штаба по всем правилам: стоял на вытяжку, с рукой у козырька. И с такой же степенной важностью члены штаба принимали эти рапорты.

Как пригодились тут ребятам виденные ими в годы детства кинокартины и прочитанные книги о Чапаеве, Фрунзе, Ворошилове, Пархоменко, Буденном, Котовском! Вся светлая романтика, навеянная этими образами, теперь перевоплотилась в суровую действительность, и ребята сами, неожиданно для себя, стали героями. Как же им было не подражать лучшим людям нашей Родины!

Но однажды вся эта выверенная ребятами на практике дисциплина дала явную трещину, и причиной этого явился все тот же неугомонный Сережа Тюленин.

Вот как это произошло.

Выполнив приказ штаба перенести из Первомайки на склад оружия ручные гранаты, Сережа завернул их в мешок и явился к нам на квартиру.

Олег приказал:

— Четыре гранаты оставь у меня. Скоро нужны будут. Остальные отнеси на склад. Да смотри, осторожнее! Видишь, какое движение вражеских войск? Всы-

пала им Красная Армия! Теперь они как собаки злы. Смотри, Сережа, не подкачай!

— Есть! — по-военному ответил Сережа. — Я ж все тайные тропинки знаю. Разрешите идти?

И исчез с гранатами под мышкой, нахлобучив свою шапчонку.

Вскоре и Олег оделся и вышел на улицу. И вот, проходя по Садовой улице, по которой бесконечным потоком двигались отступающие румынские и итальянские части, повозки, конные и пешие, Олег вдруг остолбенел.

Из-под самых копыт лошадей, со связкой гранат в мешке под мышкой, вынырнул... Сережа Тюленин. Быстро поглядел по сторонам и опять, как в воду, нырнул в самую гущу неприятеля.

Сердце забилося у Олега.

«Провалился Сережа, — подумал он, — за ним гонятся».

Но тут Олег снова увидел Сережу по ту сторону улицы. Он выскочил из-под ног лошадей, пробежал шагов пять и опять поднырнул под румынскую повозку.

«Конец, — подумал в тоске Олег, — сейчас его схватят!»

Но Сережа вдруг появился на обочине дороги; гранаты были с ним. Он лихо поправил свою шапчонку и... спокойно пошел в сторону потайных дорожек. Олег вытер холодный пот со лба.

Часа через два сын был дома, а вскоре явился и Сережа, без гранат, запыхавшийся и, как всегда, почему-то очень смущающийся в нашем доме.

Был он одет в свой обычный стеганный ватник, довольно засаленный и видавший всякие виды, в шапку-ушанку неизвестного меха и неопределенного цвета, в стеганые же бурки, на которых, подвязанные шпагатом, держались поношенные калоши.

Но, не обращая особого внимания на такой глубоко штатский вид, Сережа со всей строгостью военной дисциплины и выправкой старого солдата стукнул калошами, как каблуками сапог, и, приложив руку к шапке, четко и в полный голос отрапортовал:

— Задание выполнено, товарищ комиссар! Гранаты доставлены на место. Всё в порядке!

Олег, еле сдерживая смех, так же строго принял рапорт.

Официальная часть была выполнена. Олег предложил:

— Садись.

Сережа снял ушанку и, комкая ее в руках, уселся на кончик стула. От его бурок на полу образовалась лужица воды. Лицо его, как всегда, было бледновато, но чистые глаза сияли — боевая задача была выполнена.

— Молодцом, Сережа! — сказал Олег. — Штаб гордится тобой. Но скажи, пожалуйста, каким образом ты попал на центральную улицу? Такого приказа не было. И зачем это ты под лошадей подныривал? Отвечай.

Сережа смутился еще более:

— Да это я... репетицию делал.

— Репетицию? Какую же?

— А я репетировал, как мне пришлось бы выйти из положения, если бы я попал... в окружение.

— Ага! Понятно теперь.

— Вот, вот!

— Ну, и вышел из окружения?

— А как же! — хитро подмигнул Сережа.

И тут они оба залились смехом.

Немного погодя Олег, положив Сереже руки на плечи, говорил ему — комиссар снова был серьезен:

— Ты рисковал напрасно, Сережа. Шел ты с боевым поручением. Только о нем и должен был думать. В следующий раз чтоб этого не было. Понятно?

— Есть, товарищ комиссар!

Сережа вскочил, надел ушанку и, опять стукнув калошами, взял под козырек. Но в бедовых глазах его все еще плясали чертенята.

НОВЫЙ ГОД

Приближался конец декабря. Олег, как и все его друзья, был неутомим в борьбе. Ему некогда было поесть и отдохнуть. К своим любимым шахматам он уж и не притрагивался. Похудел, осунулся. Все чаще он ночевал не дома. Ради конспирации ребята собирались теперь на заседания штаба уже не у нас, а по очереди у кого-либо из товарищей на окраине города: у Валерии Борц или у Радика Юркина, у Жоры Арутюнянца, у Нины Иванцовой.

Ночи, когда сын не приходил домой, были для нас всех тяжелыми, наполненными тревогой. Я не спала, в голову лезли страшные мысли, нападало отчаяние.

Мы пробовали говорить с Олегом, просили его бегать себя, отдохнуть, но Олег сводил все наши разговоры на шутку:

— Отдыхать будем, когда немцев прогоним. Я, мама, тогда учиться пойду, закончу институт, стану инженером и сконструирую такой самолет... — Олег подходил к бабушке, обнимал ее за плечи: — Такой самолет, что и тебе, бабушка, захочется полетать на нем!

Перед Новым годом немцы везли на фронт подарки для своих солдат. Проезжая через Краснодон, огромная

семитонная машина вдруг испортилась и остановилась на Клубной улице.

Последовал немедленный приказ штаба: «Подарки не должны попасть на фронт к немцам. Они нам самим пригодятся».

Глухой ночью ребята сняли часового и быстро разгрузили машину. Кроме подарков, там были еще четыре винтовки и ценные документы. Все это богатство на санках перевезли сначала на квартиру к Лопухову, а потом на свой склад, в баню.

Как всполошились утром немцы!

Полиция кинулась по домам с обысками, переворачивали все вверх ногами. Напрасно! Новогодние подарки так и не попали к фрицам.

Вскоре же штабу «Молодой гвардии» стало известно, что директор дирекциона (управление треста) Швейде организовывает встречу Нового года.

Швейде хвастался, что он покажет русским, как следует по-немецки культурно веселиться. Чтобы доказать, что немцы не скупые и любят «шик», Швейде приказал гнать самогон, готовить закуски, печь пироги.

На бал должно было собраться все немецкое начальство, офицеры гестапо и жандармерии Краснодона и его районов. Были приглашены и те, кто предал Родину и пресмыкался перед немцами. Праздник должен был состояться в школе № 1 имени Горького.

Молодогвардейцы заволновались. Олег предложил взорвать ядовитое гнездо во время новогодних тостов. Вопрос был серьезный. Штаб собрался на совещание.

Вечером сошлись, как обычно, у нас в столовой. Был весь штаб и связные. Опять неверный свет каганца освещал взволнованные, похудевшие лица юных борцов. Как возмужали эти лица! Зашел разговор о школе имени Горького...

Олег настойчиво требовал взорвать школу. Сережа Тюленин вскочил со своего места и встал около стула Олега.

— Ребята... — продолжал Олег, подчеркивая каждое слово; лицо его было бледно, глаза казались еще больше из-за худобы лица и жестко блестели. — Ребята, подумайте сами: когда еще представится нам такой случай? А теперь мы сможем одним ударом уничтожить всех палачей, а вместе с подхалимами их соберется на бал не менее ста человек. Столы будут стоять в спортивном зале. Это же наша школа, ребята! Нам там все закоулки известны. Под лестницу заложим побольше взрывчатки — и к черту фрицев! Подумайте: одним ударом всех!

Я видела, как вспыхнули глаза Нины Иванцовой, обычно спокойной и выдержанной. Она всем сердцем была за предложение Олега. Начался горячий спор. За Олега были, конечно, Тюленин, он прямо-таки не стоял на месте, Туркенич, Попов, Валя Борц — она просила послать на взрыв школы и ее.

Но большинство было против. Кто-то сказал:

— Это неразумно. Мы подведем под смерть все население Краснодона. Немцы жестоко отомстят за взрыв.

И еще кто-то говорил об осторожности, о том, что лучше подождать. Олег горячо протестовал. Это первое разногласие с товарищами угнетало его, но и заставило его говорить жарче, убеждать, доказывать. И он говорил, резко взмахивая рукой:

— Немец не опасен только мертвый. Запомните это! Не мы ли сами говорили: кровь за кровь, смерть за смерть? Так чего же мы спорим? Смерть, смерть им — везде, всегда! Школа наша, ребята, имени Горького, так? А что он говорил? Если враг не сдается, его

уничтожают? Ребята, пусть отомстят немцы за взрыв, все равно народу погибнет меньше, чем при жизни палачей. Да поймите же это, товарищи! Если не теперь, когда же?!

Не решив единогласно вопроса, штаб решил послать Олю Иванцову в партизанский отряд, к командиру «Даниле» за советом. Но дерзкое дело не нашло поддержки и у партизан. Командир «Данила» запретил взрывать дирекцион.

«Сейчас не такое время, чтоб этим заниматься, — писал он молодогвардейцам. — В конце концов, сделать это вы всегда успеете».

Этот ответ опечалил Олега.

— Напрасно, ребята, напрасно! — говорил он с какой-то тоской, но твердо. — Пожалеет потом, да поздно будет.

Но потом Олег долго шептался о чем-то с Сережей Тюлениным и Толей Поповым. Позднее я заметила, что шепчется с ними и Пирожок, слышала слова: «Дирекцион... лестница... билеты достанем... пройдем...»

И Вася Пирожок уверенно шевелил своими сильными плечами.

Не добившись своего, Олег решил листовками досадить тем, кто соберется в Краснодаре на новогодний бал.

И он составил такой текст листовки:

«Смерть вам, немецкие оккупанты, и вам, их лакеи и изменники! Заверяем вас, что вы в последний раз встречаете у нас Новый год. И не только у нас, но и на всем свете. Больше вам не придется поднимать тост за «освобождение России». Сначала вас самих освободят от жизни. Красная Армия скоро уже сотрет вас с лица земли».

Эти листовки до девяти часов вечера 31 декабря

были расклеены по городу и на здании школы. Немцы буквально осатанели.

После девяти часов Олег возвратился домой. И тут мы решили сами, своей семьей, проводить старый и встретить Новый год. Стали готовиться к празднику. Олег надел чистую, выглаженную рубашку. Завязывая перед зеркалом свой любимый галстук, он сказал нам:

— Давайте сегодня ни одним словом не вспоминать про этих немецких дьяволов. Хорошо? Они уже у меня вот тут, в печенках, сидят! А тебе, бабушка, мы всей семьей заказываем такой ужин: суп с пшеном, вареники с картошкой, на десерт — жареные семечки. Есть?

Вечером Олег завел патефон и в паре с дядей Николаем открыл «вечер танцев». Потом взял на руки маленького двоюродного брата Валерия и начал с ним кружиться, а под конец пошел танцевать со мной.

Олег, как большинство его сверстников, и прежде очень любил танцы. Танцевал он хорошо, легко. Девушкам нравилось танцевать с сыном. Он и меня научил танцам.

В этот памятный вечер мы опять кружились с ним под его любимое танго «Моя недотрога». И он оживленно напевал слова танца.

Вечер закончился игрой в шахматы. Олег выиграл у дяди Николая партию и заставил его кукарекать.

Всем было весело. О немцах, как условились, не вспомнили ни разу, но они сами все время напоминали нам о себе.

По дороге с востока, из-под Сталинграда, беспрестанно тащились мимо нашего дома их обозы, были слышны с улицы стук колес и машин, хриплая ругань отступающих немцев.

Стоял крепкий русский мороз. Снег был глубок...

„ПУТЬ ТВОЙ ОПАСЕН“

Утром 1 января 1943 года Олег, как обычно, собрался после завтрака из дому.

На дворе трещал тридцатиградусный мороз, все было в инее, как в серебре. Я попросила Олега одеться потеплее.

Через два часа сын возвратился. Печаль, тяжелая и гнетущая, застыла в его недавно веселых глазах. Сердце мое сжалось тревогой. Олег растерянно повел глазами по комнате и остановил их на мне:

— Беда, мама! Нашу организацию кто-то предал...

Вот оно! Снег вдруг показался мне черным. Чтобы не упасть, я прислонилась к двери:

— Предатель среди вас?!

Олег сжал кулаки. Морщина на его лбу резко обозначилась.

— Да, мама, начались уже аресты. Ровенецкая полиция прибыла на подмогу. Сейчас повели Земнухова. Пока не поздно, надо спасать остальных. Мама, а Сережа-то Тюленин, вот герой!— слабо улыбнулся Олег.— Он первый узнал об аресте и всех ребят обежал, всех предостерег...

Молодогвардейцам был дан приказ немедленно выходить группами по три-четыре человека в условленные места и оттуда пробираться в ворошиловградский партизанский отряд.

— Как только удастся соединиться с партизанами, сейчас же бросимся на выручку товарищам. Во что бы то ни стало освободим их из тюрьмы! А пока что, мама, в дорогу! С собой я беру пятерку: Тюленина, Борц, Нишу и Олю Иванцовых. Да ты не бойся, не бойся, родная моя!

Что было делать? Плакать, биться головой об стену? Не до этого мне было. Скорей, скорей, пока не явилась полиция, проводить сына из дому! Только быстрее, быстрее! — подгоняло меня сердце. Не теряй ни минуты!

Я начала собирать Олега в дорогу. Вот теплое белье, одежда. И тут увидела: Олег достает свой комсомольский билет:

— Я возьму его с собой.

— Не надо, сынок! Если тебя поймут, билет тебя погубит. Доверься, как всегда, твоей матери. Я спрячу билет так, что его никто, кроме нас с тобой, не достанет. Слег!

Он ответил мне:

— Мама, я всю жизнь слушался тебя и всегда был благодарен за твои советы. Сейчас, прошу тебя, послушай ты меня. Подумай сама, какой из меня будет комсомолец, если я оставлю свой билет дома? Неизвестно ведь, что ждет меня впереди. Мама, с этим покончено... Ну, бабушка, — по-детски улыбнулся Олег, — ты зашивала когда-то свой партбилет. Значит, опыт у тебя есть. Бабуся, зашей, будь добра, и мой, хорошо? Вот сюда, в пальто. Бланки комсомольских временных билетов я тоже возьму с собой. Это — обязательно!

У меня опустились руки. Я умоляюще посмотрела на бабушку. Она поняла.

— Олежек, — сказала бабушка, — я стара, и ты послушай меня. Путь твой опасен. Ничего не бери с собой. Кто тебе верил, что ты комсомолец, — будет верить всегда. Вернешься — возьмешь свой билет и бланки эти... Мы их тут так спрячем — сам Гитлер не найдет. Давай-ка все сюда...

— Нет! — отрубил Олег. — Эх, бабуся, разве не ты же сама учила меня, как нужно относиться к партий-

ным документам? Нет и нет! И давайте об этом больше не говорить...

Дрожащими пальцами мама зашила билет в пальто Олега. Несколько бланков комсомольских удостоверений Олег зашил в пальто сам.

Настало время прощаться. Бабушка подошла к Олегу, положила ему руки на плечи:

— Олежек... если поймают тебя и полиция станет говорить, что твоя мать, или бабушка, или дядя Николай арестованы и что они, мол, признались во всем — не верь, ни одному слову катов не верь!

И бабушка заплакала. Олег крепко обнял ее.

— Мама, — сказал он мне, — сожги все бумаги, дневники, тетради с протоколами заседаний... ну и... стихи. Пересмотри все книжки — может, в них остались какие-нибудь записки. Не хочу вас подводить... Бабушка, приемник отнеси и спрячь получше. Он еще пригодится нам. Да смотри, осторожно все сделай! Попадешься с приемником в лапы к немцам — знаешь, что будет?.. Ну, мама...

Сердце мое остановилось. Уходит единственный сын, единственная надежда... Хотелось прижать его к груди и не пустить от себя. Все, все заглушила я в себе, обняла, поцеловала сына, почувствовала на губах его мягкие волосы.

— До свиданья, Олег! Да берегись же там...

Зато, когда мы остались одни, наплакалась и нарыдалась, сколько хотела...

Со своей пятеркой Олег пошел на хутор Шеверёвку, за семь километров от Краснодона. Переночевали у знакомых. Утром, перед тем как отправиться дальше, выяснилось, что у Сергея Тюленина обувь совершенно сваливается с ног. А мороз все крепчал. Сергей и Валерия возвратились назад. В Краснодоне они пробрались

в свой подвал. Сергей обул сапоги, и они снова пошли на Шеверёвку.

Но в условленном месте, у скирды сена, уже не застали никого. Только снег был тут притоптан. Ждали до вечера. Потом, не дождавшись товарищей, пошли в Ворошиловград одни. Но и тут их постигла неудача — они не нашли «Данилу». Оставалось одно разумное: пробираться к линии фронта; он был в ста двадцати километрах от Краснодона.

„ОЛЕГ, ГДЕ ТЫ?“

Первого января к вечеру была арестована уже половина молодогвардейцев. Этот день Нового года тянулся для нас, как вечность. Около десяти часов вечера к нам постучали.

«Пришли!» — подумал каждый из нас.

Брат открыл дверь. В комнату вошли двое полицейских. Они были настолько пьяны, что мы едва разобрали:

— Ко-шовой...

Полицейские спрашивали об Олеге. Мы ответили, что дома его нет, пошел в кино. Не сказав больше ни слова, полицейские повернулись и, пошатываясь, пошли по двору.

В невыразимой тревоге прошло еще четыре дня.

Полиция больше не являлась. И мне вдруг пришла страшная мысль: Олега поймали! Я хотела бежать в полицию, но брат не пустил и стал убеждать:

— Будь покойна, если бы Олега арестовали, давно бы уже пришли с обыском!

Четвертого января под вечер брат с женой ушли за дровами, а мы с мамой отправились к Лидии Макаровне

Поповой — поделиться с ней своим горем. Возвращались домой. Вдруг бабушка схватила меня за руку:

— Смотри, Лена!

В моей комнате был свет и полно полицейских. Стояли они и во дворе. Я переборола страх и опасения, подошла к дверям, спокойно и даже стараясь быть возмущенной, спросила:

— Кто это тут в моей квартире хозяйничает? Что вам здесь нужно?

Из комнаты выскочил заместитель начальника полиции Захаров.

Это был изменник Родины, предатель, изувер и жестокий палач. Его отец был судим когда-то нами как крупный кулак. Сын пошел еще дальше отца. Он ненавидел Советскую власть, но, чуя ее силу, притворился, служил в наших учреждениях, а нож держал за пазухой. И только ждал случая, чтобы его выхватить. Как только пришли немцы, Захаров сейчас же побежал к ним служить, стал выдавать коммунистов, сам же и допрашивал их, мучил и убивал. Здоровый, сытый, белобрысый, со светлыми холодными глазами, верный слуга немцев, предатель своего народа, он был отвратителен.

— А ты кто такая? — грубо спросил у меня Захаров.

— Я хозяйка этого дома.

— Как твоя фамилия?

— Кошëвая.

— А-а, Кошëвая! Тогда скажи, где же твой сын Олег Кошëвой? Куда ты его девала?

— Сын пошел в кино, и прошу вас, не кричите на меня.

Захаров заговорил со мной более спокойным тоном. Он даже пригласил меня в комнату:

— Зайдите-ка, поговорим кое о чем важном.

В комнате все было перерыто, перевернуто вверх дном. Взломав двери, полицейские старательно пересмотрели все вещи. К счастью, ожидая к себе этих гостей, я сожгла уже все подозрительное. Захаров снова спросил об Олеге:

— Я хочу только поговорить с юношей. Если окажется, что он невиновен, или... если он во всем признается, сразу его отпустим. Поверьте мне!

Я спросила:

— А что случилось, что вы пришли за Олегом? Арестовать его хотите, что ли? Мой сын никогда ничего плохого не делал.

— Не делал? — начал терять выдержку Захаров. — Значит, вы плохая мать, если не знаете, что ваш сын вытворял здесь в продолжение шести месяцев! — И вдруг в упор спросил меня: — Вы... Мошкова знаете?

— Нет, не знаю, — ответила я как можно спокойнее.

— Не знаете? Так он знает вашего сына и даже привел нас сюда. Хотите увидеть его? Мошков стоит на крыльце. Очень забывчивый парень! Никак не мог вспомнить, где живет его комиссар... пока не обломали ему руки. Тогда сразу вспомнил!

Все онемело во мне. Мошков — предатель? Нет, нет! Он был и до конца останется честным, стойким. В этом я была уверена. В то, что полицейские обломали ему руки, я, конечно, могла поверить, но чтобы Мошков предал Олега, своих... нет, никогда! И я вспомнила, как мы с бабушкой сами же предупреждали Олега о провокации.

— Ну ладно! Только знайте, — холодно блеснули свиные глазки Захарова, — если ваш сын будет вести себя так же, как его друзья, ему будет то же, что и им. Переломаем ему все кости. Вы поняли меня?

Захаров приказал полицейским разойтись по своим местам, а двум остаться ожидать, пока Олег возвратится из кино.

В душе я издевалась над этими головорезами: я была уверена, что мой Олег уже далеко отсюда. Видно, он успел уже спрятаться, а может быть, и перешел линию фронта.

Наступила тревожная, без сна, ночь. Утром полицейских сменили новые два, а тех — снова другие. Трое суток просидели они в нашей квартире, ожидая возвращения Олега.

На четвертый день меня вызвали в полицию. Я попала к следователю Кулишёву, такому же выродку, как и Захаров. Он со злобой сказал мне:

— Ну, запрятала сынка? Так садись же за него сама! А то какая же ты мать, если не знаешь, где твой сын?

— Я говорю правду, — ответила я. — Не знаю, куда пошел мой сын.

Кулишёв стукнул кулаком по столу, вскочил:

— Нужно и тебя повесить вместе с твоим сыном! Слушай же! Твой сын организовал банду, занимался диверсией, убивал представителей немецкой власти...

Помертвевшая, слушала я Кулишёва. Он знал всё: и о работе Олега в «Молодой гвардии», и о немецких машинах с подарками, и о листовках, и об организации комсомола. Вдруг он поднес к моим глазам комсомольский билет:

— Чья это подпись, ну?!

Это была подпись Олега: Кашук.

— Не знаю. Почерк не моего сына, да и фамилия не та: Кашук. Мой сын — Кошевой.

Кулишёв опять начал кричать на меня, стучал кулаком по столу, сыпал угрозами. Вошел начальник поли-

ции Соликовский. Он зверем взглянул на меня, сквозь зубы прошипел:

— Глупой прикидываешься? Почерка не узнаёшь? Может, теперь узнаёшь?

И он изо всей силы ударил меня кулаком в лицо...

Когда я пришла в себя, мой платок был весь в крови. Меня вывели в коридор.

— Сиди здесь, жди своего сына!

Коридор был закопченный, грязный, холодный и еле освещен. Я слышала стоны и крики избиваемых. Думала: «Кто это кричит? Не наши ли?»

Вдруг в комнате у следователей громко заиграл патефон. Чтоб не слышны были крики, немцы заглушали их веселой музыкой. Сердце мое превратилось в кусок угля...

Я видела, как провели Ваню Земнухова и Улю Громову, и чуть не закричала — настолько они были оба избиты. Как я пожалела, что сидела в углу и они не могли меня видеть!

В одной из женщин, избитой и обезображенной, с распухшим, почерневшим лицом, я едва узнала Полину Соколову. Потом мне стало известно, что в те дни были арестованы коммунисты Лютиков, Баранов, Дымченко и другие. Подполье, так хорошо налаженное, было разгромлено.

Потом провели других. Еще и еще. Люди уходили от следователя с черными от кровоподтеков и синяков лицами. Вводили других. И опять крики, стоны, глухие удары...

Выпустили меня только утром. Кулишёв — от него пахло водкой — сказал мне:

— Даю тебе три дня, чтобы ты разыскала и привела сюда сына. Иначе — пуля. Иди!

Я еле дошла домой. А там уже сидели двое полицейских, поджидали сына.

Олег, где ты?

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Ох, какие это были страшные дни и ночи! Мы молча сидели под окном, выглядывали на улицу, не спали ночами, прислушивались к малейшему шороху, вздрагивали, когда нам чудились чьи-то шаги около дома. Вдруг постучит в окно Олег, голодный, замерзший, а к нему вместо матери выйдет полицейский...

Однажды я сидела под окном. На солнце морозный снег сверкал ослепительно. И вдруг мне словно игла в сердце вошла. По улице мимо нашего дома под конвоем вели Олега. Вот проходит под окнами. Ну да! Его пальто с коричневым воротником, его походка. Но почему сын не взглянул на родной дом?

Не выдавая своего волнения, я спокойно вышла из дому и только на улице побежала, догнала арестованного. Нет, не он...

А тут еще пьяные полицейские разговаривали меж собой о пытках в гестаповских застенках. Волосы вставали дыбом от ужаса.

Как-то к нам зашел полицейский. В борт пиджака у него было вколото несколько больших иголок. Другой полицейский спросил:

— Слушай, это зачем же у тебя столько иголок? В портные записался?

— Нет, это для допроса. От таких штук языки сразу развязываются. Иначе напрасный труд — говорить с этими молокососами. Кричишь на них, грозишь, бьешь —

молчат. А как только запустишь вот эти иголки под ноготь, да поглубже, — ой-ой-ой, такой крик поднимают, даже весело становится!

Когда немцам не удалось схватить Валю Борц, они посадили в тюрьму ее мать и десятилетнюю сестру Вали — Люсю.

Люся была пионеркой, и она до конца осталась верна той присяге, которую давала, вступая в пионерскую организацию.

Люся не раз видела товарищей старшей сестры и знала, что они собираются вместе писать листовки против немцев и потом расклеивать их.

Девочке сказали в тюрьме:

— Ты знаешь, кто у вас из ребят бывал. Скажи — кто, назови фамилии. Ответишь правду — подарок получишь и сейчас же домой отпустим. Ну?

То, что произошло потом, я узнала из разговоров двух полицейских — Шурки Давыденко и Митьки Бауткина, — когда они сидели у нас в засаде поздно ночью.

Люся спокойно ответила, что к ее сестре никто не ходил и что никаких подарков ей не нужно.

— «Я — говорит, — свою сестру люблю», и всё тут, — рассказывал Бауткин. — Стоит и смотрит прямо в глаза Соликовскому. Как же, пионерка! Соликовский так и опешил. Да и все мы ожидали, что девчонка со страху все расскажет, расчет на нее особый был. Еще спрашивает, на испуг берет — молчит. Тогда Соликовский показывает ей на петлю, даже на шею ей накинул — молчит. Р-р-раз! — и к потолку. Держит за веревку Соликовский; теперь-то уж, мол, расскажет пионерка о своих. И ты знаешь: ни звука. Глядим — задыхается. Вынули из петли, водой из ведра окатили: говори! Суток пять в тюрьме продержали, так ни с чем ее и выпустили...

Я хорошо знала Люсю. Это была обыкновенная девочка — пионерка с красным галстуком, каких сотни тысяч. Но когда и ей пришлось постоять за дело народа, не дрогнуло маленькое мужественное сердце.

Как ни трудно мне было тогда, но, слушая рассказ палачей о стойкости маленькой Люси-пионерки, я чувствовала, как светлей становится на душе и как растут бодрость и надежда. Не сломить немцу наших детей!

Так прошло десять дней. Я терпела. И все росла надежда. Я уже совсем решила, что Олег со своими друзьями где-то далеко, и понемногу начинала успокаиваться. Но это был только временный отдых. Беда не отходила от нас, она лишь выжидала своего часа.

Одиннадцатого января утром пришла полиция за моим братом. Дядя Николай ждал непрошенных гостей и успел спрятаться в погреб под полом моей комнаты. Посидев часа два над головой брата, полицейские ушли. Мы им сказали, что брат пошел к часовых дел мастеру и должен скоро возвратиться. Уходя, полицейские пригрозили:

— Пусть не прячется Коростылев, слышите? Не то хуже ему будет!

Брат под полом все слышал.

Вечером они снова пришли. Брат только что хотел выбраться из погреба, надеясь темной ночью уйти куда-нибудь из дому. Полицейские снова уселись над его головой:

— Подождем тут, пока Коростылев придет. Что-то долго он часы чинит.

В это время зашла к нам Лидия Макаровна Попова. Увидев полицейских в комнате, она поняла, что это засада. Она попросила дать ей ведро. Когда я вышла в кухню, она шепнула мне:

— Олег пришел. Сидит у меня...

Как во сне, я начала одеваться. Полицейские увидели:
— Нельзя! Никому не выходить из дому!

Вывалась я только, когда они, посидев еще часа два, ушли. И опять с угрозами:

— Ну вот что: возвратится Коростылев — пусть сейчас же идет в полицию, не то мы всех вас потянем за него. Ясно?

У Поповой я увидела Олега на кухне. Он сидел бо-сой, и Лидия Макаровна смазывала ему вазелином отмороженные пальцы; они были красные, распухшие, страшные. Я кинулась к нему:

— Сыночек мой, зачем ты снова сюда возвратился? Разве ты не знаешь, что здесь делается?

И я начала было рассказывать, что произошло в Краснодаре, но Олег устало сказал:

— Мама, я знаю все...

Пока он обувался, Лидия Макаровна рассказала:

— Слышу, вдруг кто-то стучит в дверь. «Заходите», — говорю. И вот открывается дверь, вижу — входит какой-то человек, поздоровался и остановился у двери. «Что вам нужно?» — спрашиваю. А он: «Лидия Макаровна, не узнаете меня? Я партизан. Меня преследуют. Я в вашей власти теперь. Можете спрятать меня, а можете...» Я не дала ему договорить, кинулась целовать. Помогла ему раздеться, усадила поесть, а сама — к вам... Ну, беседуйте.

И Лидия Макаровна вышла.

Невесел был рассказ Олега. За эти десять дней много узнал он горя и страданий.

Со своей пятеркой он был почти у линии фронта, но пробраться к своим не удалось. Полиция и жандармерия следили за каждым штатским, при малейшем подозрении арестовывали и бросали в концлагери. Там страшные муки и смерть ждали каждого. Здоровых

мучили голодом и холодом, слабых бросали в ямы, обливали бензином и живыми сжигали.

— Мама, родная моя, нет сил смотреть на все это! Знаешь, мне все Корчагин вспоминается... его путь. Хорошо, мама, я тоже пройду через все и не сдамся! Буду, пока жив, бороться до конца!

Только теперь разглядела я, как был измучен Олег. Скулы обострились, в громадных глазах за густыми ресницами стояло страдание. Но вдруг он выпрямился и сказал со страстной горечью:

— Никак не могу простить себе, что уступил тогда и не взорвал дирекцион! С такими, как немцы, в борьбе нужно идти до конца. А как все у нас было подготовлено! Дело прошлое — скажу. Взрывчатку уже заложили под лестницу, провели шнур. Достали билет для Пирожка. Он должен был войти в школу и зажечь шнур. Сережа Тюленин, Владимир Жданов и я ждали при выходе с оружием наготове. Эх, упустить такой случай!

Я молча гладила его волосы, целовала жесткую кожу щек.

Немного погодя увидеться с Олегом прибежал дядя Николай.

Он бросился к Олегу, и они замерли, стиснув друг друга в объятиях. Но времени было мало. Начали обсуждать: как же вырваться из клещей немцев?

Не хотелось Олегу покидать свой Краснодон, уходить от товарищей. Они мучились в застенках гестапо. Что же сделать? Как им скорее помочь? Олег строил планы: связаться с партизанами и прийти на помощь друзьям.

И опять вспомнил Олег новогоднюю свою неудачу: — Да, не послушались тогда ребята! Легче было бы даже и умирать, если бы мы после такого взрыва попали в гестаповские руки.

Тут я рассказала сыну о Жене Мошкове, про слова полицейских, будто бы Женя выдал адрес Олега и даже привел их на квартиру к своему комиссару. Олег вскочил, на лицо его снова вернулась краска.

— Не верь провокаторам! Женя — герой! Он на допросе четвертого января плюнул жандарму в морду и погиб, не сказав ни слова.

Хотелось говорить и говорить с сыном без конца, но полиция была рядом и искала Олега. Лидия Макаровна уверяла меня, что все будет хорошо и чтоб я не беспокоилась. Она уже приготовила Олегу место, где он может при случае спрятаться.

В конце концов решили идти через день утром; под видом мешочников взять санки и выйти из города. Мы попрощались с Олегом и пошли домой.

А в двенадцать часов ночи к нам ворвался немецкий офицер с полицейскими:

— Где Коростылев?

На этот раз брату уйти не удалось. В погреб он спрятаться не успел, — немцы с улицы осветили мою комнату ярким фонарем. Но Николай и тут не хотел сдаваться. Он бросился на свою кровать и, перед тем как накрыться одеялом с головой, успел что-то шепнуть жене. Немец, угрожая револьвером, кричал:

— Где Коростылев?

Жена брата, Ольга Александровна, ответила:

— Нет его дома. Ушел. Куда — не знаю.

Тогда немец спросил:

— А кто это спит там в комнате?

— Это... немецкий офицер.

Немец подошел к кровати и что-то начал говорить по-немецки. Конечно, дядя Коля молчал — он плохо знал немецкий язык. Одеяло полетело на пол:

— Ага, попался наконец!

Удары кулаком и ногами. Закричал Валерик. Ольга Александровна кинулась к мужу. Немцы избили и ее.

В семь часов пришли за ней. Я была как мертвая. В мозгу стучало одно: «Олег, Олег! Как же он теперь уйдет?»

Мы остались с мамой и с маленьким Валериком. В девять часов опять пришли гестаповцы с переводчиком, несколько полицейских и Захаров.

Снова повальный обыск, еще раз перерыли все в квартире.

Часть вещей забрали, остальные приказали не трогать.

Наша квартира была теперь вся ободрана, пустая и холодная. Мы ютились в кухонке на одной кровати: бабушка, я и Валерик. И вот пришли немцы и забрали бабушку. Она оглянулась с порога. Наши глаза встретились. Я прочла в глазах матери: «Ничего не бойся. Ни о чем не расскажу».

В гестапо бабушку встретили руганью и издевательствами:

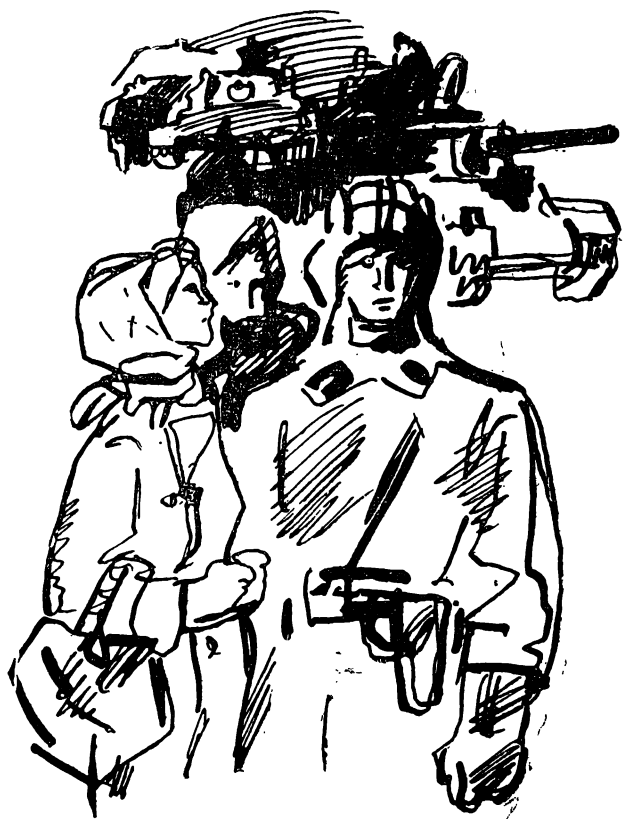
— Ага, старая! И ты с ними заодно?

Удар, еще и еще... Вернулась бабушка домой часа через три. Еле приползла, вся избитая.

„ПРИДУ С КРАСНОЙ АРМИЕЙ!“

Я стала ждать своей очереди, своего ареста. Душа болела, хотелось еще раз увидеть сына и как можно скорей отправить его из Краснодона. Но меня не трогали.

Лидия Макаровна с тревогой рассказала мне, что в городе уже знают, что Олег возвратился и где-то

прячется. Нужно было немедленно уходить. Соседи знали, что мы дружим с Поповой.

Куда, к кому пойти? Всем друзьям Олега грозила смерть, и они сами прятались от полиции. Идти по дороге тоже опасно. Там продолжается отступление обозленных немцев. Мужчин, попадающихся им на глаза, немцы безжалостно расстреливают. То же самое может случиться и с Олегом, если он днем выйдет из Краснодона.

А уходить нужно было. Вот-вот могли явиться гитлеровцы. Что же делать? Где искать спасения? И мы пошли на хитрость: решили переодеть Олега в женскую одежду и в таком виде проводить его за окраину Краснодона.

Маршрут был такой: в селе Таловое Олег переночует у моей знакомой Анны Акименко, на следующий день утром выйдет в Должанку (туда Лидия Макаровна даст записку к своим родственникам), а на третий день пойдет в Боково-Антрацит и там переночует в землянке у знакомого нам деда.

Стали готовить для Олега одежду. Пришла бабушка. Молча сняла с себя валенки и протянула внуку. Олег покачал головой:

— Бабушка, ты слабая, тебе они больше нужны, чем мне. Да и вам в этих валенках лучше простаивать в полиции с передачей дяде Николаю и тете.

Насилу уговорили его надеть валенки на отмороженные ноги. На дворе был лютый мороз, какого люди в Донбассе давно не помнили.

Олег попросил бабушку принести ему из дому наган: он был спрятан в сарае под крышей.

Я запротестовала:

— В нагане всего один патрон, на что он тебе?

— Мама, и один патрон может пригодиться. Напа-

дет на меня один немец — хватит и одного патрона. Нападёт больше — пригодится для себя.

Бабушка принесла наган. Потом мы дали Олегу женскую одежду.

Он посмотрел на нее, усмехнулся и отодвинул одежду от себя. К этому времени Олег стал говорить баском.

— Мама, это же ни к чему не приведет, — сказал он с легкой усмешкой. — Ну, ты сама подумай: во-первых, это смешно — рядиться мне в женское платье; во-вторых, если я встречу немца и он меня спросит о чем-нибудь, а я ему отвечу таким басом, тогда — провал наверняка. Да и не хочу я перед немцами рядиться...

Но выхода другого не было, и мы так настойчиво просили! Наконец Олег пожал плечами и уступил. Переряженный, он несколько не стал похож на женщину — высокий, широкоплечий, угловатый в движениях, с упрямым подбородком. Особенно выдавали его глаза: мужские, непокорные, властные. Мы махнули рукой на все. На счету была каждая секунда.

Перед уходом из квартиры Олег вынул из кармана три стихотворения и протянул их мне.

— Мама, — сказал он, грустно улыбаясь, — вот эти два тебе на память, а это передай Нине Иванцовой. Хорошо?

Никогда не забыть мне, как мой сын тогда взглянул на меня! Нет, я не могу описать все то, что поднялось в моей душе...

Куда провожала я сына? Может, в последний путь? Какая судьба ждет его? Кто пригреет моего мальчика, кто залечит его отмороженные ноги? Найдется ли добрая душа, которая спрячет его от врага?

Почуяло ли мое сердце, что в последний раз я иду рядом с сыном, в последний раз слышу его голос, но я беспомощно заплакала:

— Олежек мой, болит мое сердце! Увидимся ли мы когда-нибудь с тобой?

— Увидимся, мама, — старался он утешить меня. — Ты только так и думай! Хорошо, мамочка?

Он обнял меня, поцеловал, посмотрел мне в глаза. Нахмурился, сдерживая волнение:

— Мамочка, дай мне слово, что ты будешь беречь себя, прятаться от полиции, пока наши придут. Хорошо? А если со мной что-нибудь случится, мамочка, родненькая, не плачь. Не плачь, мама! Чего плакать? Я не упаду перед врагом на колени. Больше, чем жизнь, я люблю Отчизну, и всех вас, и тебя, моя родная. А если придется умереть, что ж... свой долг я выполнил. Как мог, так и боролся. А останусь жив — ну, держись тогда, немец!

Мы дошли до села Таловое.

Солнце уже совсем зашло, когда мы, пользуясь вечерними сумерками, сняли в коридоре у Анны Акименко с Олега женскую одежду. Анна приняла сына переночевать, и мы с Поповой немного успокоились. В последний раз прощались, еще раз просили друг друга беречься. Я прижала сына к груди. Больше я уже не могла глядеть в его милые глаза, но последние слова запомнились мне навсегда:

— Не печалься, мама! С нашими приду, с Красной Армией!

Дома, куда я возвратилась в семь часов вечера, я не застала никого.

В квартире было пусто и холодно, как на улице. Бабушку опять забрали в полицию, а маленького Валерия взяли к себе соседи. Я осталась одна.

Могильная тишина камнем легла мне на сердце, давила, не давала дышать.

Я вошла в комнату Олега.

Сорванные с дивана одеяла и простыни, раскиданные по полу вещи — все говорило о недавнем обыске. На столе лежали шахматная доска, запонки и любимый галстук Олега. На полу валялась книга «Капитальный ремонт» Леонида Соболева — последняя, какую прочитал в своей жизни мой сын, книга о море.

Машинально я подняла ее, открыла и ахнула. Как же немцы не заметили? На обратной стороне обложки Николаем была записана последняя полученная «Молодой гвардией» сводка Совинформбюро. Перечислялись отнятые у немцев наши города, пленные, убитые немцы, трофеи.

Нет, драгоценную эту книгу я немцам не отдам! Только успела я спрятать «Капитальный ремонт», стук в окно.

«Всё. Теперь за мной...»

Но это была она, моя мама. Ее снова избили в полиции. Выпустили, как приманку для Олега. Стало ясно, почему и меня не берут до сих пор. Ждут и следят.

Всю ночь проплакали мы с ней над стихами Олега, что дал он мне на прощанье. Вот они:

Ты, родная, вокруг посмотри:
Сколько немцы беды принесли!
Голод, смерть и могилы везде,
Где прошли по Советской земле.

Ты, родная, врагам отомсти
За страданье и слезы свои,
За мученье и смерть сыновей,
За погибших советских детей.

Мама, мама, не плачь, только мсти!
Возвратятся к нам светлые дни.
Правды, счастья луч золотой
Засияет над нашей землей!

ПАЛАЧИ

Шестнадцатого января мы с мамой понесли передачу в тюрьму дяде Коле, его жене и Елене Петровне Соколан, арестованной за знакомство с нами.

Мы еще издали услышали стоны и вопли людей.

— Что бы это могло быть? — спросила я маму.

— Наверно, опять когось катуют, — угрюмо ответила она.

Возле полицейской управы в толпе женщин шныряли полицейские, направо и налево раздавая удары плетью и безобразно при этом ругаясь. Но женщины не расходились, они с криками и плачем толпились у прибитых к стене списков арестованных, отправленных в ворошиловградский концлагерь. В списках было двадцать три человека — юноши и девушки, знакомые мне по «Молодой гвардии».

Все в Краснодоне уже знали, какой это был «концлагерь». Палачи повели наших детей на казнь. Отчаянный плач, вопли и стоны, как на похоронах, надрывали душу.

— Да шо ж таке, добри люды, робиться! — запричитала мама по-украински. — Мало им, подлюкам, тои крови, шо выпили воны из наших детей, так бач шо воны ще творять!

И, выхватив у меня кастрюлю с пшеничным супом, она выплеснула его в полицейского.

— На, иж, хай ты подавышся, щоб тобі до обида не дожити, блюдолиз немецкий!

Женщины стали швырять в полицейских комками оледенелого снега, замерзшей землей, бросать в них посудой с едой, вырывать плетки.

Началась бы, наверно, настоящая свалка, если бы с пожарной каланчи вдруг не раздался сигнал воздуш-

ной тревоги. Толпа быстро рассеялась, а вскоре мы увидели, как стороной проплыла в небе группа советских самолетов, держа путь на запад, в немецкие тылы.

Я очень боялась за маму, которую могли приметить и потом прийти за ней, и долго еще не могла успокоиться.

— Щоб им билого свита весь вик не бачить! — ругалась мама. — Жаль тильки того супу, шо вылыла на гада, — внучек сыдыть голодный. Як подывышся, аж сердце разрывается.

И с этого дня каждое утро полицейские вывешивали на стене списки молодогвардейцев, переведенных в «концлагерь». На самом деле их на машинах вывозили за Краснодар, к старой шахте, наспех расстреливали и сбрасывали в глубокий шурф, мертвых вместе с недобитыми...

Десять дней просидели в тюрьме жена брата и Елена Петровна Соколан. Не добившись ничего, полиция выпустила их.

Брату Николаю на четырнадцатый день удалось убежать вместе с комсомольцем Колотовичем. Вот как это произошло.

Красная Армия подходила все ближе. Уже отчетливо была слышна грозная канонада, все чаще налетали наши самолеты.

Немцы и полицаи лихорадочно готовились к бегству. Во двор тюрьмы приходили полицейские и из других районов. Этим и воспользовался Николай. Ночью он отогнул проволоку на запоре, открыл дверь камеры. Перед этим он надел на рукав белый платок, похожий на полицейскую повязку. Потом они с Колотовичем вышли во двор и смешались там с полицейскими из других районов.

Потом побежали. По ним открыли стрельбу и бросились в погоню. Колотович упал. Казалось, все было потеряно. Но Николай все бежал и сумел далеко уйти. Забежав за чей-то двор, он увидел пожилого шахтера. Они поздоровались. Николай сказал:

— Вот... уходят немцы.

— Да, видать что дело такое.

— Не разберешь, что лучше: остаться или с немцами уходить?

— Это уж как кому сподручнее.

— Мне не сподручно. Кстати, вон они и гонятся за мной..

Шахтер пытливо взглянул на дядю Колю, ничего не ответил, а лишь мигнул на погреб и прошел мимо. Николай бросился к погребу.

Немцы обыскали все, стреляли в погреб, но спуститься не захотели.

Больше суток пришлось отсидеть брату в погребе. Жена шахтера, — как потом мы узнали, Степана Афанасьевича Чистолинова, — принесла ему кувшин воды и пышки из бурака. Но больше всего он был рад само-саду.

К вечеру следующего дня брат ушел.

Таким образом, наши хождения в тюрьму с передачами прекратились. Но немцы опять сами часто проводывали нас — всё надеялись застать Олега или брата.

Двадцать пятого января они не пришли. Я забеспокоилась. То я страшилась, когда они приходили, теперь я ждала их. Приходят — значит, ищут. Не пришли — значит, нашли.

Я кинулась в полицию.

Дежурил молодой, неопытный полицейский. Он, видимо, был в курсе дела молодогвардейцев, но не знал

подробностей и фамилий. И я, чувствуя, как у меня холодеют руки и ноги и все плывет перед глазами, решилась спросить:

— Кошевой и Коростылев... есть у вас?

Полицейский, позевывая, обошел все камеры, выкрикивая фамилии сына и брата. Никто не отозвался. Я ушла. Но тревога продолжала сушить мою душу. И я не обманулась.

Двадцать девятого января, к концу дня, к нашему дому подъехали сани, запряженные тройкой лошадей. В квартиру вошли жандармы и полицейские во главе с Захаровым, все пьяные. Захаров крикнул:

— А ну, давай одежду сына — все, что есть! Да живей у меня!

Я ответила:

— Дома не осталось одежды. Всю ее уже забрала полиция...

Захаров презрительно прервал меня:

— Ну-ну! Это такая же правда, как то, что ты не знала, где твой сын.

— И не знала, — ответила я, чувствуя, как пол уходит из-под ног, — и сейчас не знаю.

— Ничего, зато мы знаем.

Я смолчала. Я все еще надеялась, что он обманывает меня или просто так мучает, но тут один полицейский удивленно спросил у Захарова:

— А что, разве Кошевого уже того... поймали?

— Поймали, — осклабился Захаров, свертывая папироску и не сводя с меня глаз. — Отстреливаться, щенок, вздумал, полицейского ранил. Хорошо, что в нагане у него был всего один патрон...

Когда я пришла в себя, полицейские уже уходили, хлопая дверями. Собрав последние силы, я кинулась за ними, крикнула:

— Олегу... можно еду принести?

— Еду? — переспросил Захаров, криво усмехаясь. — Да его и в Краснодоне-то нет. Вообще нет. Сын твой расстрелян в Ровеньках.

Падая опять, я успела крикнуть ему вслед:

— Палач, будь ты навеки проклят!

Если бы не мама, не знаю, что стало бы со мной. Но я поддалась маминой доброй ласке. Бабушка верила, что внук ее жив, что его не возьмет никакая пуля. И эту непреклонную веру она передала и мне. Вместе с мамой и я стала надеяться. На что? Я этого не могу объяснить. Мы словно куда ждали...

ПРИШЛИ!

Потянулись черные, длинные дни, длинные бессонные ночи.

Мы жили в крайнем напряжении сил. Что с Олегом? Неужели правду сообщил Захаров? Где Николай? Жив ли он?

В голову приходили самые страшные догадки, но мы старались приободрить друг друга и вслух высказывали только утешительные предположения.

Маленький Валерик то и дело приставал к нам:

— А почему так долго папы нет? Он принесет мне хлебца? А Олезя (так звал он Олега) скоро придет?

Отвечая ему, мы, казалось, сами верили в то, что сочиняли.

Как-то рано утром зашла к нам знакомая Лышко, проживавшая в поселке шахты № 1-бис. Она передала записку от Николая, которая была датирована 25 января. Николай сообщал, что благополучно живет в по-

гребе, беспокоился о судьбе Олега, передавал приветы родным. Он прятался там три дня, но потом начались облавы, и он ушел. Куда — Лышко не знала.

И опять — тяжелые предчувствия, ожидания и надежды...

Немцы приказали нам два раза в день ходить в полицию отмечаться. С востока грозно доносился артиллерийский гул. Фронт был всего в двенадцати километрах от города.

Мы часто следили за нашими самолетами, радовались, когда они бомбили немецкие войска и склады, — мы не боялись этих бомб. Как мы ждали своих!

Первого февраля полиция из Краснодона эвакуировалась в Ровеньки, забрала с собой и арестованных — последнюю партию обреченных на смерть. Среди них были Люба Шевцова, Семен Остапенко, Виталий Субботин и Дмитрий Огурцов.

Но часть полицейских оставалась еще в Краснодоне, и отмечаться мы должны были ходить. Третьего февраля вызвали в полицию бабушку и снова сильно избили ее.

С этого дня я начала прятаться от немцев.

Полиция приходила за мной. Мама сказала, что я пошла в село достать хлеба. Тогда пьяные полицейские начали издеваться над мамой и над маленьким Валериком. Один из них взял ножницы и, хохоча, колот ими трехлетнего Валерика.

— Мама, мама! — кричал Валерик, и холодным потом покрывалось его маленькое, высохшее от голода личико.

А фронт все приближался к Краснодону. Уже семь километров было между нами и освобождением. Слышна была даже пулеметная стрельба. В Краснодоне с напряжением ждали своих.

Дни шли, как длинные годы. Сил не было дальше терпеть...

Девятого февраля к нам в квартиру зашел незнакомый человек. Он коротко сказал, что пришел из Ровенек, и подал мне записку. Это была записка от Николая.

«Дорогая мама! — писал он. — Нахожусь в ровенцкой тюрьме. Выдал меня Крупеник в Боково-Антраците. Не знаю, вырвусь на этот раз или нет. Пригнали сюда много краснодонских ребят. Часто нас гоняют на работу. Как хочется увидеть вас! Целую. Коля».

Последняя маленькая надежда была вырвана у нас подлым предателем. Находившаяся с нами тогда Елена Петровна Соколан предложила пойти в Ровеньки и понести Николаю письмо и передачу. За сборами в дорогу я как-то отвлеклась, но мама слегла. По ее худым восковым щекам то и дело скатывались слезы.

Двенадцатого и тринадцатого февраля немцы провели облавы в квартирах, погребах и сараях. Искали мужчин. Им удалось захватить около ста человек разного возраста; их согнали в полицию.

К вечеру 13 февраля все немецкие части начали в панике покидать Краснодар. Поднялась невероятная суeta. А утром 14 февраля 1943 года в Краснодоне не было уже ни одного немца.

Ровно в одиннадцать часов в город ворвались наши танки. Увидев первый советский танк, мы бежали за ним, плача от радости, поднимая к танкистам руки, благословляя наших освободителей.

Не знаю, кто в этот день мог усидеть в комнате. Жители города вышли встречать Красную Армию. К вечеру Краснодар был заполнен нашими войсками. Мы пригласили к себе на квартиру двадцать красноармейцев. Взяли бы больше, если бы могла вместить квар-

тира. Мы с мамой стирали им белье, варили обед, подавали на стол. Моя старенькая мама, забыв об усталости, целовала и сажала к столу красноармейцев, как родных сыновей.

Когда первые танки въехали в полицейский двор, никто не отозвался на зов танкистов. Камеры молчали. Трупы расстрелянных лежали во дворе. Их было полно и в камерах. Немцы не оставили в живых ни одного человека из тех, кого захватили накануне.

Семнадцатого февраля в Краснодаре был траурный день, полный плача и причитаний осиротевших матерей.

Из шахты № 5, из темного шурфа в шестьдесят пять метров глубины, бадьей поднимали тела замученных молодогвардейцев.

Около шурфа собрались все жители Краснодона. К каждому телу бросалась мать. Узнавать было трудно. Чтобы вырвать у молодогвардейцев признания, гестаповцы подвергали их нечеловеческим пыткам. Девушки и ребята лежали изуродованные, в синих подтеках, с черными от огня пятнами; у некоторых на груди ножом были вырезаны звезды. Снег около шурфа был красен от крови.

Напрасна была злоба палачей! Молодогвардейцы держались мужественно и не изменили святому делу, за которое боролись и которому шесть месяцев назад присягали.

Взбешенный неудачей, начальник полиции Соликовский набросился на Толю Попова, едва стоявшего на ногах от избиений.

— Ничего от меня не узнаете, — сказал он. — Одно скажу: жаль только, что сделали мало...

Когда стало известно, что их повезут на казнь, Уля Громова азбукой Морзе передала во все камеры последний приказ штаба:

«Скоро повезут нас на казнь. Держаться перед смертью будете так, как жили, — мужественно. По дороге запоем любимую песню Ильича „Замучен тяжелой неволей“».

Десять дней вытаскивали трупы из шахт. Я, так же как все матери, бросалась к нашим мертвым детям — думала, может, найду и Олега среди них. Сына не было...

В Краснодар стали возвращаться молодогвардейцы, оставшиеся в живых. Из ста трех молодогвардейцев вернулись только Нина Иванцова, Ваня Туркенич, Оля Иванцова, Жора Аругюнянц, Радик Юркин, Анатолий Лопухов, Михаил Шищенко и Валерия Борц.

Вернулся и брат Николай, — ему и многим другим арестованным удалось бежать из-под охраны во время бомбежки немецкого аэродрома, куда их гоняли на работу.

Первого марта состоялись похороны юных героев.

Их похоронили с воинскими почестями в городском парке, в братской могиле. Был дан салют. На траурном митинге среди других выступил Ваня Туркенич, одетый уже в военную форму. Над могилой друзей он поклялся, что не снимет своей шинели, пока не будет уничтожен на нашей земле последний фашист.

После похорон зашли навестить меня Нина и Оля Иванцовы. Печальна была наша встреча. Я передала Нине последнее стихотворение Олега:

Пой, подруга, песни боевые,
Не унывай и не грусти:
Скоро наши дорогие
Краснокрылые орлы

Прилетят, раскроют двери
Всех подвалов и темниц,

Слезы высохнут на солнце
На концах твоих ресниц.

Станешь снова ты свободна,
Весела, как Первый май,
Мстить пойдешь, моя подруга,
За любимый, милый край...

Глядя, как дрожит листок в руке Нины, я вспоминала об их дружбе с Олегом, о том, как он часто говорил мне:

«Мама, ты только посмотри, какие у нее глаза! Умные, добрые, открытые... Знаешь, Нина никогда прежде о себе не беспокоится, а всегда — о других. Неудачи товарищей переживает больше, чем свои. Когда нужно — скажи, и она готова на любой риск ради товарищей. Что с ней немцы могут поделаться?! Если бы и все такие были, как Нина! Не любить ее нельзя...»

Нина вдруг пристально посмотрела на меня широко открытыми прекрасными своими глазами. В них зрело какое-то решение.

ЭТО БЫЛ ОН

Второго марта я с мамой и Еленой Петровной Соколан пошла искать Олега в Ровеньки.

Мы вынуждены были возвратиться. Лес, где были расстреляны наши люди, немцы заминировали. Приходилось ожидать, пока растает снег и лес разминировуют.

Одиннадцатого марта 1943 года стало известно, что в Ровеньках будут раскапывать могилы расстрелянных. Я быстро собралась в путь. Со мной пошли Нина и Оля Иванцовы.

В Ровеньках мы нашли людей, которые сидели в тюрьме вместе с Олегом. Им чудом удалось избежать смерти.

Они рассказали, что еще в конце января к ним в камеру бросили исхудалого, чисто одетого юношу. Его арестовали в Боково-Антраците. При обыске у него нашли зашитый в пальто комсомольский билет и несколько чистых бланков. Был у него наган, из которого, отстреливаясь, он ранил полицейского. Юношу звали Олегом, но фамилии его вспомнить не смогли. Когда его спросили, как он попал в руки полиции, он сказал, что его выдал дед, бывший кулак. К нему замерзающий Олег зашел в Боково-Антраците...

На допросах у начальника полиции Орлова Олег держался мужественно.

Когда Орлов спросил Олега, что заставило его организовать боевой отряд, он ответил:

— Любовь к Отчизне и ненависть к вам, изменникам!

Полицейские зверски избили Олега. В камеру его бросили уже без сознания.

В камере Олег не давал товарищам падать духом. Он говорил, что никогда не станет просить пощады у палачей; то же самое советовал и всем арестованным. Говорил:

— Товарищи! Жили мы честно и умрем честно!

Олег пытался совершить побег. Кто-то передал ему пилочку. За ночь с помощью товарищей он перепилил решетку на окне и бежал, но уйти далеко не смог — ослабевшего, его поймали гестаповцы и снова подвергли страшным пыткам.

Но и после мук в жандармерии Олег, весь избитый, изуродованный, не изменился и все настойчивее убеждал даже старших по возрасту товарищей:

— Не давайте радоваться палачам! Пусть они и не думают, что нам страшно расставаться с жизнью. Держитесь, товарищи! Наши всё узнают! Нас не забудут...

Молодежь в камере он учил петь песни, сам запевал первый:

Широка страна моя родная...

С песней и на расстрел пошел.

На последнем допросе, перед казнью, он сказал:

— О работе «Молодой гвардии» меня не спрашивайте, не скажу ни слова. И еще запомните: советскую молодежь вам никогда не поставит на колени — она умирает стоя. Это мои последние слова, и знайте, что я слишком презираю вас, чтобы продолжать разговаривать с вами дальше. Посоветую одно: не прячьтесь. Вас найдут все равно! За все ответите!

Это был он, мой сын...

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Восемнадцатого марта, рано утром, сотни людей пришли в ровеньский лес.

Красная Армия била немцев недалеко, около Бовково-Антрацита. По дороге туда через Ровеньки торопились наши подкрепления: пехота, танки, артиллерия. Месть свершалась. Немцы упорствовали.

В Ровеньках рвались их тяжелые снаряды, горели и разрушались дома, низко стелился черный дым. Немецкие самолеты то и дело обстреливали город и дороги к нему.

В лесу около разрытых могил скопилось много народу. Немцы стали бить по лесу из пулеметов. Стоял треск и грохот, ревели моторы самолетов, с деревьев

сыпались на нас срубленные пулями ветки. Мы падали на землю и опять поднимались. Никакие силы не могли заставить нас отойти от дорогих могил. Рыдали и причитали женщины. Плакали родные расстрелянных и чужие.

Лес был ископан могилами, и все могилы были забиты расстрелянными и замученными.

С болью и страхом и вместе с тем с тайной надеждой, что здесь Олега нет, ходила я между раскрытыми могилами, приглядывалась, искала свое родное дитя.

Вместе с Ниной и Олей мы узнали страшно изуродованных Любу Шевцову, Семена Остапенко, Виталия Субботина и Дмитрия Огурцова.

Олега мы не нашли...

Девятнадцатого марта мы снова пошли в лес.

Только откопали первый труп, я без крика бросилась к нему. Я узнала Олега. Узнали его Нина и Оля.

Мой сын, которому не было еще и семнадцати лет, лежал передо мной седой. Волосы на висках были белые-белые, как будто посыпанные мелом. Немцы выкололи Олегу левый глаз, пулей разбили затылок, и выжгли железом на груди номер комсомольского билета.

Сын пролежал в могиле полтора месяца. Яма оказалась мелкая, тело почти не было засыпано землей. Зато снег засыпал, а мороз сковал и сберег тело сына. Даже через полтора месяца после смерти Олег был прекрасен. На его высокий лоб падали седые пряди волос, длинные черные ресницы оттеняли спокойную бледность его лица.

Мне помогали Нина и Оля и какие-то совсем посторонние люди. Мы перенесли сына в гроб и на салазках повезли в город, к госпиталю.

На дороге разрывались немецкие снаряды, и мы часто останавливались. А мимо гроба все шли и шли вперед наши подразделения.

Какой-то боец с автоматом спросил меня:

— Мать, кого везешь?

— Сына.

Боец приоткрыл крышку гроба.

— Какой же он молодой у тебя! — сказал он, и слезы покатились по его лицу. — Ну ничего, мать, мы отомстим. За все отомстим!

Мы похоронили Олега 20 марта 1943 года, часов в пять, в Ровеньках, на центральной площади. Рядом с Олегом поставили гроб Любы Шевцовой. Вместе с ними положили Виталия Субботина, Семена Остапенко и Диму Огурцова.

Провожала их Красная Армия, народ. Над глубокой братской могилой красноармейцы приспустили боевые знамена, оркестр играл похоронный марш, трижды был дан салют.

Вот к могиле подошла Нина Иванцова.

— Дорогой мой Олег! — начала говорить она, и голос ее ясно слышался. — Олег, я выполняю твое завещание. Завтра я уйду добровольцем в Красную Армию. Буду, как ты учил нас, с оружием в руках добивать немцев, мстить за «Молодую гвардию». До победы не сложу оружия!

И прямо после похорон бойцы пошли в наступление. Жестокий бой продолжался. Грохотала канонада. Наши самолеты с победным ревом неслись в голубом небе на врага. Им не было счета.

Догорали последние пожары.

И шла весна. Ласково грело солнце; снег, торопясь, таял. Бежали говорливые ручьи. Набухали почки на деревьях. Ясно голубело небо.

Вместе с Ниной ушли в армию Жора Арутюнянц, Толя Лопухов и Радик Юркин. И они славно дрались за Родину и за дружбу комсомольскую.

А вскоре получил заслуженную пулю дед-кулак, выдавший немцам Олега и других большевиков в Боково-Антраците. Расстреляли подлого человека — Ольгу Лядскую.

Нашли предателя организации Геннадия Почепцова, следователя Кулишёва и Громова, слуг немцев. Их судили открытым народным судом и расстреляли как предателей.

С Н О В А В Е С Н А

И вот снова весна.

Пришла победа. Далеко за океанами гремит слава нашей Родины.

Снова задымили заводы, и весело перекликаются гудки донецких шахт имени Олега Кошевого, имени Сергея Тюленина, имени «Молодой гвардии». Друзья снова встретились, и они опять вместе в борьбе за счастье и новый расцвет Отчизны.

Колосятся хлеба на бескрайних колхозных полях. Снова слышится смех детворы, и солнце отражается в светлых окнах наших школ и университетов.

Сверстники и однолетки Олега давно уже выросли, стали взрослыми. И мой сын мог бы жить, трудиться для нашей Родины и мне, простой матери, доставлять сыновней своей любовью столько радости и счастья.

Много матерей потеряло в те страшные годы своих детей, и меня роднит с ними общее всем нам страстное желание уберечь детей нашей Родины от новой войны, такой ненужной и жестокой.

Все эти годы, что прошли со дня гибели сына, меня поддерживали мои многочисленные друзья в нашей стране и за ее пределами. Сколько писем идет ко мне до сих пор, сколько добрых слов сочувствия и дружбы!

Теплым словом благодарности хочется мне вспомнить нашу замечательную молодежь и молодежь зарубежных стран, коллективы предприятий и кораблей, учителей и учащихся, матерей и детей, всех тех, кто помнит и любит Олега и разделяет со мной мою скорбь.

Давно уже прошла война. Растут дети, которые знают о ней только по рассказам взрослых. Города и села, по которым пронесся когда-то страшный ветер войны, залечили свои раны, исчезают последние следы пролетевшей грозы.

Изменился сейчас и Краснодон. В центре, возвышаясь над городом, стоит памятник героям-молодогвардейцам. А в саду нашего домика, перед окном Олега, пышно расцвела посаженная им когда-то яблоня. Она разрослась с тех пор. Ее видно теперь издалека...

СОДЕРЖАНИЕ

Первый день	5
«Сам нашелся»	6
Матроска	9
В библиотеке	11
Два огородника	12
«Слышу, сынку!..»	16
Растет мой мальчик	18
Там, где властвовал Кочубей	19
Первое сентября	21
«Крепись, сынок!»	23
Днепр	26
«Расскажи, как ты была маленькой»	30
«Я, юный пионер...»	33
Случай в бурю	35
За грибами	37
Отчизна	41
«У реки живете — плавать не умеете!»	42
Весна	44
Звезда путеводная	45
Канев	47
За товарища	50
В Краснодаре	52
Любимый герой	59
Первый заработок	61
Краснодонские друзья	64
Война	67
«Отпусти меня!»	69
Зоя	73
Госпиталь	74
Беспокойные дни	76
В путь	78
Немцы	81
Поединок	88
«Теперь я знаю, что мне делать»	91

Листовки	94
Кашук	96
«Молодая гвардия»	99
Клятва	104
Оружия!	108
«Таинственные удочки»	111
Красные флаги	114
Боевые дела	120
Дело с приемником	128
За колючей проволокой	131
Самые юные	133
Пароль «якорь»	136
Приказ — закон	138
«Победители» отступают	143
«Разве можно таких ребят не любить?»	146
Сережа выходит из «окружения»	150
Новый год	153
«Путь твой опасен»	158
«Олег, где ты?»	161
Десять дней	166
«Приду с Красной Армией!»	172
Палачи	178
Пришли!	182
Эго был он	187
Последний день	189
Снова весна	192

Елена Николаевна Кошова

„ПОВЕСТЬ О СЫНЕ“

Редактор И. ТРОФИМКИН

Художник Н. КУСТОВ

Художник-редактор О. МАСЛАКОВ

Технический редактор Л. НИКИТИНА

Корректор И. В. ЛЕВТОНОВА

Сдано в набор 14/III 1973 г. Подписано к печати 24/VII 1973 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1.

Усл. печ. л. 8,58 Уч.-изд. л. 7,95 Тираж 100 000 экз.

Заказ № 95. Цена 39 коп.

**Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена
Трудового Красного Знамени типография им.
Володарского Лениздата, Фонтанка, 57.**

39 коп.